Записки таксатора с хутора

Оторвановка

Я с матерью и двоюродным братом Петром Проскуряковым на хуторе Оторвановка.

Книга 2023.indd 1 5/3/23 19:33

Изба, в которой я родился, 1969 год.

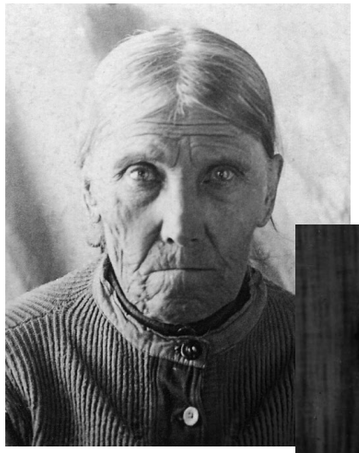
Записки таксатора с хутора

Оторвановка

ВЛАДИМИР СЕДЫХ

Новосибирск 2023

Книга 2023.indd 2-3 5/3/23 19:33



Очерки о жизни в глухомани степей
Южного Урала написаны в память
о Великой Отечественной войне, победу в которой
наряду с мужчинами на фронте приближали и их жены
в тылу, оставшиеся дома с кучей ребятишек,
мужественно боровшиеся с лихолетьем военного
и послевоенного времени.

ЗАПИСКИ ПОСВЯЩАЮТСЯ:

моей бабушке Настасье Федоровне Седых,
бережно поддерживающей очаг в русской печи
со щами и кашей

моей матери Прасковье Лукьяновне Седых,
которая, работая в колхозе, спасла от холода
и голода пятерых детей

моей тетушке Агафье Прокофьевне Макаревич,
привившей через книги своим племянникам
стремление к познанию
мира за околицей

моей жене Полине Витальевне Седых,
которой я безмерно благодарен
за огромную поддержку во время моей работы дома
и в исследованиях тайги Сибири

Книга 2023.indd 4-5 5/3/23 19:33

Пономаревка, изба напротив.

Содержание

Предисловие: *Кто такой таксатор?* 9

«Тамбовские волки» 16

Переселенцы. Хутор Боголюбовка в Башкирии 23

Пономаревка. Базар 35

Берега Дёмы 47

Хутор Оторвановка 61

Деревенский музыкант 77

Война. Начальная школа 91

Отец. Война 113

Мать. Война 129

Школьные годы после войны 155

Студенческое время 179

Первые шаги в Голодной степи 201

Женитьба. Семейная жизнь 223

Как я попал в науку 257

Эпилог 289

Основные научные достижения В.Н. Седых 297
(«Сибирский лесной журнал», 2015)

Словарь 301

Я в тайге отрогов хребта Тукурингра на Дальнем Востоке, в районе будущей железной дороги БАМ, 1960 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто такой таксатор?

Начиная с Киевской Руси русская цивилизация развивалась совместно с угро-финскими племенами в лесах, простирающихся от Киева до Белого моря. Среди населения наиболее авторитетными после мастеров кузнечного дела и плотников были знатоки леса—лесознатцы, оценщики древесных и недревесных лесных ресурсов, используемых человеком. К ним за советом местное население обращалось круглогодично: при выборе древесины для строительства жилья, отопления, получения древесного угля и дегтя, изготовления колесного и водного транспорта, кухонной утвари, декоративных поделок и обуви, при сборе пищевых и лекарственных растений. Наряду с качественной оценкой лесных ресурсов эти лесознатцы могли проводить количественную оценку растущих древостоев и заготовленной продукции, то есть выполнять некоторые таксационные работы.

Таксация (от лат. taxatio—оценка) как специальность, направленная на выявление, учет и оценку состояния лесных ресурсов, появилась в России, когда Петр Великий приступил к строительству морского флота. Для его создания потребовалось большое количество высококачественной древесины, к изысканию которой он привлек знатоков леса, создав из них корпус военных лесничих, приписанных к военно-морскому адмиралтейству. Служивые люди этого корпуса, одетые в морскую форму, приступили к лесоизыскательским работам, а таких специалистов стали называть таксаторами.

С тех пор таксаторы (в прошлом в небольшом объеме, а ныне ежегодно) проводят обследование лесов на миллионах гектаров для решения различных экономических и экологических задач. Научной основой таксации леса является специальная дисциплина—лесная таксация. В России лесная таксация в лесохозяйственной деятельности начала широко использовать-

Книга 2023.indd 8-9 5/3/23 19:33

ся наряду с решением задач строительства флота, а в конце XVIII–начале XIX века—когда лес и его продукты стали предметом торговли и широкого промышленного использования. В это время стали открываться учебные заведения для подготовки специалистов лесного хозяйства, где лесоводство, лесоустройство и лесная таксация стали одними из главных дисциплин в обучении студентов. В эти лесные учебные заведения шли дети только из привилегированных семей, а престолонаследники обязаны были прослушать часть лекций по лесному делу. В конце XVIII века Павел I упразднил корпус военных лесничих и на его основе открыл гражданское ведомство по управлению государственными лесами России.

В настоящее время в России площадь лесного фонда, установленная таксаторами, составляет 1173,1 млн га, где лесные земли занимают 878,1 млн гектаров (75%), а к нелесным относятся 295 млн гектаров (25%). На территории, покрытой лесом, площадью 771,8 млн гектаров общий запас древесины, по оценкам, составляет 82 млрд кубометров. На этой площади ведется лесохозяйственная деятельность, направленная на рациональную эксплуатацию лесных ресурсов, их воспроизводство, охрану от лесных пожаров и вредителей леса. Для осуществления профессиональной деятельности с целью решения указанных задач в лесных вузах страны на лесных факультетах, как и в прежние времена, готовят специалистов-инженеров лесного хозяйства.

В течение пяти лет студентам преподают множество научных дисциплин, по которым они готовят и защищают дипломные проекты. Главные из этих дисциплин: почвоведение, ботаника, дендрология, лесоведение и лесоводство, лесоустройство, лесная таксация, применение авиации в лесном хозяйстве, лесопатология, биология лесных животных. После защиты диплома большинство выпускников идут работать инженерами в лесные подразделения лесного хозяйства, а некоторые из них, как, например, автор этих записок, посвящают себя таксации лесов в лесоустроительных экспедициях и других лесосырьевых предприятиях.

Инженер-таксатор выполняет основные лесотаксационные и обследовательские работы при проведении лесоустройства, строго руководствуясь инструкциями по устройству государственного лесного фонда*. Перед выездом в экспедицию каждый таксатор прежде всего на своем участке площадью

* Я пишу об особенностях работы таксатора согласно послевоенной инструкции, которую мне приходилось использовать в 70-х годах прошлого века.

35–40 тыс. гектаров должен был провести дешифрирование аэроснимков с выделением границ контуров изображений, различающихся таксационными показателями. По прибытии на участок, согласно инструкции, таксатор прежде всего приступает к организации работ по переносу квартальной сети в натуру прорубкой просек, отделяющих кварталы один от другого, размером 2 на 4 км. По мере образования кварталов таксатор приступает к определению таксационных показателей лесных массивов (таксационных выделов), выделенных на аэроснимках перед выездом в поле. С помощью таксационных инструментов он устанавливает состав лесных пород, их возраст и возрастную структуру, средний диаметр и среднюю высоту древостоев, полноту (сумму площадей сечений деревьев на высоте 1,3 метра на площади 1 гектар), запас древесины каждой лесной породы в кубометрах на 1 гектар, их класс товарности, тип леса и класс бонитета (продуктивность), наличие подроста лесных пород и подлеска (кустарников), состав и сомкнутость живого напочвенного покрова (травянистых растений, мхов и лишайников), тип почвы и подстилающих геологических отложений. По данным таксационных показателей устанавливают происхождение и прогноз лесного массива с указанием хозяйственных мероприятий по использованию и воспроизводству лесных ресурсов таксационного выдела. Все установленные показатели заносятся в полевой журнал таксации каждого квартала вместе с абрисом таксационных выделов на аэроснимках, что становится основой для разработки проекта организации ведения лесного хозяйства лесхоза и карт различного масштаба. Примеры этих карт приведены в моей книге «Таксаторы и бичи. Первооткрыватели сибирской тайги».

Любой таксатор, независимо от его опыта работы в экспедиции, допускается к проведению таксации лесов только после прохождения тренировки, установленной в лесоустроительной инструкции. Тренировка—это своего рода таежный семинар. На него съезжаются все таксаторы экспедиции. Здесь они в течение 6–8 дней на тестовых лесных участках (пробных площадях), обследованных и обработанных заранее, занимаются отработкой методических вопросов (тренировкой), визуальной оценкой таксационных показателей древостоев с применением измерительных инструментов. Таксатор допускается к самостоятельной работе при условии, что результаты его визуально-инструментальных таксационных оценок леса не превышают допустимые величины в сравнении с ранее измеренными и вычисленными.

Книга 2023.indd 10-11 5/3/23 19:33

После тренировки таксаторы разъезжаются по своим объектам и начинаются таежные будни: заходы, таксационное описание тайги, промеры ходовых линий — просек и визиров, — которые продолжаются до самого снега. Экспедиционные рабочие-бичи никаких тренировок не проходят, а всему, что они должны делать в тайге, их учат таксаторы и помощники.

В отличие от маршрутов, принятых в любых других экспедициях, таксаторы и бичи делают заходы (это слово издавна применяется лесоустроителями) в тайгу с целью описания лесов и проведения различных таксационных измерительных работ. Таксатор идет в заход в сопровождении двух рабочих, которые ведут промер просек и визиров, а таксатор таксирует леса, или одного рабочего, когда таксатор проводит таксационные работы без промера. Бичи по двое также уходят в заходы на прорубку просек и визиров. Обычно заходы длятся от одного до несколько дней, а также до двух–трех недель. В заходах таксаторы и бичи обычно ночуют под тентами у костров там, где застанет ночь. Постель, как правило, устраивают из жердей, положенных на бревна. Жерди сверху застилаются лапником (хвойными ветками), уложенным хантейским способом. После таких ночевок никто никогда не простужается, несмотря на то, что спят не в спальных мешках.

С табора запрещено уходить в тайгу одному. На охоту или рыбалку в тайгу в дни отдыха таксаторам разрешается идти только вдвоем с обязательным предупреждением, куда они идут и когда вернутся. Если не возвращаются в обещанное время, в зависимости от природной ситуации обязательно назначаются поиски. В тайге выполнение правил техники безопасности, за что расписывается каждый участник экспедиции, является строго обязательным.

Результаты работы таксатора в совокупности всех таксационных показателей леса и являются информацией, приведшей в известность тайгу Сибири определенного района, что является основой для последующего освоения лесных ресурсов. Самоуверенных искателей приключений, вооруженных современной техникой, прибывших в экспедицию покорять коварную и зловещую зеленую стихию, заполненную нежным писком кровососущих тварей, нередко тайга оставляет навсегда в своих объятьях, заботливо укрыв одеялом из мха или спрятав от зверя в болотной трясине. Встретившись вплотную с упорно независимым существованием этого монстра природы — тайги и пренебрегая правилами жизни с ним, такие покорители вскоре покидают тайгу, радуясь, что остались живыми.

Я окончил факультет лесного хозяйства Харьковского сельскохозяйственного института и после окончания его был направлен на работу в первую Среднеазиатскую агролесомелиоративную экспедицию заниматься проектно-изыскательскими работами по созданию лесов в пустынях Кызыл-Кум, Кара-Кум, Голодной степи и в горах. По окончании института был предоставлен большой выбор мест для работы: Крым, Минск, Харьков и множество других мест Украины. Я очень хотел попасть в Сибирь, но, к сожалению, туда направлений не было. Я мог поехать в любое предоставленное на выбор место, но предпочел отправиться в Ташкент и попробовать работать и жить в самой жаркой зоне страны.

Но я выдержал там всего полтора года. Мне надоела жара, азиатский образ жизни, и, разочаровавшись в перспективе своей карьеры в Средней Азии, я отправился в Сибирь заниматься исследованиями необитаемой тайги, беря пример с Владимира Клавдиевича Арсеньева, исследователя дальневосточной тайги.

И вот она Сибирь, куда я стремился попасть. На безбрежной таежной территории, простирающейся от Урала до Тихого океана, в послевоенное время ежегодно работали десятки лесоустроительных экспедиций, приводя в известность леса Сибири. Они выполняли таксационные работы небольшими отрядами, забрасываемыми в тайгу, каждый из которых должен был за четыре — шесть месяцев провести таксационно-геодезические работы на площади 30–40 тысяч гектаров. Маленькие группы из семи–девяти человек, обитая в неизведанной, опасной черно-зеленой стихии и преодолевая невероятно тяжелые условия быта, должны были не только качественно и вовремя выполнить большой объем работы, но и, главное, сохранить жизнь и вылететь на Большую землю здоровыми. И в большинстве своем это удавалось тем, кто работал, руководствуясь правилами таежной жизни, завещанными пращурами, и указаниями техники безопасности, а также тем, кто умел не просто мирно общаться в коллективе, но и проявлять благородство в поведении и заботиться о сохранении жизни не только своей, но и своих коллег по экспедиции.

И в этих экстремальных условиях матерые экспедиционные рабочие-бичи, работая ежегодно у опытных таксаторов, становились сподвижниками инженерно-технического корпуса экспедиции, вели себя благородно и отчаянно, предотвращая возникновение возможных трагических последствий

Книга 2023.indd 12-13 5/3/23 19:33

конфликтов между людьми, с одной стороны, и между людьми и тайгой — с другой. Читателю, который знает о бичах только понаслышке, толком не представляя, что это за люди, было бы интересно прочитать мои книги «Таксаторы и бичи. Первооткрыватели сибирской тайги» (2012) и «Таежные будни» (2017). Из них он узнает о роли экспедиционных рабочих в приведении в известность огромных природных ресурсов Сибири.

И вот, будучи инженером-таксатором, я занимался таежной работой в производственных экспедициях с 1959 по 1969 год, пока не перешел в науку. В своих исследованиях я также изучал состояние лесов Сибири, пытаясь более глубоко понять жизнь тайги, чтобы полученные данные использовать в решении производственных задач таксации. В частности, я одним из первых среди лесоведов России защитил докторскую диссертацию по применению космических снимков и аэроснимков, что позволило значительно сократить объемы наземных работ, с одной стороны, и получить новые закономерности пространственной и возрастной динамики таежных лесов — с другой. Я опубликовал около ста семидесяти работ, в том числе четырнадцать монографий, создал с киностудией «Пирамида» пять научно-популярных фильмов, применяемых в решении задач лесных дел и охраны природы Сибири.

Так что я всю жизнь в Сибири провел в лесных экспедициях и поэтому от имени таксатора и написал эти записки. Ну а поскольку родился я когда-то на хуторе Оторвановка вблизи деревни Максимовки Оренбургской области, я уже в названии дал читателю понять место моего происхождения.

Мои записки, строго говоря, это не автобиография, где раскрывалась бы моя жизнь последовательно от рождения и до сих пор. В 2013 году я с женой побывал на своей малой родине, где мы провели всего одну неделю с моим двоюродным племянником Александром Григорьевичем Беляевым — Шуриком, как я называл его еще в детстве. Теперь ему было около семидесяти лет, он возил нас по местам Пономаревского района Оренбургской губернии, и мы останавливались там, где происходили какие-то события со мной в детстве и юности. О наиболее примечательных из них я рассказывал своим спутникам. Они с удовольствием слушали, а после стали приставать ко мне с просьбой написать об этом, утверждая, что такие истории могут быть интересны родне и друзьям. Я долго отнекивался, но все-таки со временем подготовил несколько очерков. Каждый из них был написан в отдельности и по содержанию не связан с тем, что было написано ранее. Все, кто читал мои

сочинения, проявили к ним большой интерес и, не сговариваясь, стали советовать мне опубликовать их для широкого читателя. Я долго сопротивлялся, но в конце концов согласился, и вот они, четырнадцать очерков. Я несколько упорядочил последовательность прошедших событий, что позволило мне воспроизвести некую временную динамику моей жизни в детстве, юности и профессиональной деятельности. Это дало возможность все очерки, написанные отдельно, собрать в одну книгу под общим названием «Записки таксатора с хутора Оторвановка». Из нее мои читатели, вероятно, поймут, что привело человека, родившегося где-то в захолустье Оренбургской степи, освоить малоизвестную профессию и всю жизнь заниматься изучением неисследованных лесов таежных территорий Сибири.

Книга 2023.indd 14-15 5/3/23 19:33

Потомок «тамбовских волков» на практике, после третьего курса лесного факультета Харьковского сельскохозяйственного института.

«Тамбовские волки»

На белом свете множество людей с редкой фамилией, и нередко отдельные из них пользуются этим обстоятельством умело во благо себе и неумело себе во вред. Пока я учился в школе и жил на хуторе со своими близкими родственниками, переселившимися из Тамбовской губернии, по фамилии Седых, я был носитель обыкновенной распространенной фамилии среди множества однофамильцев. Но, поступив в огромный по числу студентов Харьковский сельскохозяйственный институт, с первого дня занятий я стал единственным студентом с фамилией Седых и благодаря этому постепенно приобретал известность. Более того, в городе Харькове с численностью жителей восемьсот тысяч человек, бывая в театрах, кино, пивных, на соревнованиях по борьбе, на различных художественных выставках, я нигде не встречал человека с фамилией Седых и не слышал о таком. На мое ощущение как человека с редкой фамилией особенно повлияла неожиданная беседа с преподавателем, доцентом, читавшим лекции по общей геологии в нашем институте и в университете, где в это же время на геологическом факультете на четвертом курсе учился мой брат Александр.

Как-то раз, когда я отвечал на какой-то вопрос по геологии и, видимо, нес какую-то ахинею, доцент прервал меня и с улыбкой заметил: «Седых, вы отвечаете как ваш брат — самоуверенно и бодро, будто всю жизнь занимались геологией, между тем, судя по всему, даже не заглядывали в учебник и не были на моих лекциях, а рассказываете нечто услышанное где-то в курилке. Кстати, сколько я ни ездил по Союзу, нигде не встречал человека с фамилией Седых, даже в Забайкалье, где очень распространены фамилии, оканчивающиеся на ых: Сизых, Серых, Рябых. И только от кого-то я узнал, что там жи-

Книга 2023.indd 16-17 5/3/23 19:33

вет один человек с фамилией Седых, написавший книгу "Даурия". И теперь я знаю, что в Советском Союзе живут три человека с этой фамилией — это писатель, ваш брат и вы. Вероятно, вы с братом оттуда, и, не исключено, что автор "Даурии" какой-то ваш родственник. Общаясь с вами и прочитав книгу вашего однофамильца, я отметил, что вы трое очень оригинальны в поведении. Не так ли?» — заключил свой монолог преподаватель.

Этот неожиданный вопрос совершенно на другую тему вовсе не сбил меня с толку, и я, не задумываясь, ответил, что мы с братом с Южного Урала и что там, где мы родились и росли, множество семей с фамилией Седых, и все они из тамбовских людей. А откуда автор «Даурии», я не знаю. Преподаватель, не дожидаясь моих дальнейших объяснений, произнес: «Я так и понял, что вы с братом из Сибири. Для нас, обыкновенных харьковчан, Сибирь начинается с Урала и далее простирается еще более чем на пять тысяч километров, и мы, европейские люди, к этому пониманию давно привыкли». Разговор о нашем происхождении закончился, и мы вернулись к моим ответам по геологии.

После окончания факультета мне пришлось работать во многих таежных экспедициях в различных районах Сибири и Дальнего Востока, и я снова нигде не встречал людей с фамилией Седых, что, конечно, меня сильно удивляло. И я невольно стал чувствовать себя человеком с уникальной фамилией. Этот факт моей биографии в отдельных случаях даже вредил моей деятельности, но в то же время мне хотелось узнать о происхождении этой неожиданно возникшей редкой фамилии.

Надо сказать, что из трех семей Седых, переселившихся сто лет назад в Оренбургскую губернию, возникло около десяти семей, проживавших в деревне Максимовке с населением 1100 человек. Из них в 1941–1945 годах погибло четырнадцать мужчин с фамилией Седых, и среди них мой отец.

Но вот одна встреча в глухомани Сибири разрушила мои представления о своей примечательной фамилии.

Где-то в конце восьмидесятых годов прошлого века, в начале сентября, выбравшись из тайги, я должен был улетать из небольшого городка Стрежевой в Новосибирск. Как всегда, в эту пору туда было много пассажиров, и, чтобы установить какой-то порядок в приобретении билетов, составлялся список желающих, в котором против каждой фамилии проставлялось необходимое количество билетов. Я оказался шестым по списку, поставил цифру

один и ушел в буфет. Где-то через час по радио было объявлено, что продажа билетов на Новосибирск началась. Посидев еще минут десять, я покинул буфет и подошел к очереди. Передо мной оставалось еще два человека, и я занял свое место за ними. Глянув на список, я обнаружил перед моей фамилией не единицу, а цифру шесть, что означало, что кто-то с фамилией Седых намеревался приобрести шесть билетов, пользуясь моим местом в очереди. Я был совершенно озадачен такой наглостью, сразу из благодушного человека превратился в злобного и стал лихорадочно думать, что делать, поскольку из-за этой приписки я мог не приобрести билета.

И вдруг стоявший передо мной человек подает деньги в кассу и, получив несколько билетов, произносит: «А шестой наш человек где-то еще шляется и сейчас подойдет. Я забыл взять у него паспорт, прошу вас шестой билет ему оставить». Я чуть было не поперхнулся, но все еще злобно процедил сквозь зубы: «А вы что, пятеро, тамбовские, что ли, так оборзели, что даже не предупредили меня?! Ну волки!» И, нагнувшись, протянул деньги в кассу. Человек, не глянув на меня, отошел.

Пока я брал билет, злость прошла, и я даже стал улыбаться, восхищаясь сообразительностью этих людей. Отойдя от кассы и взвалив рюкзак на спину, я стал искать своих земляков (а в том, что это мои земляки, я был совершенно уверен). А они, улыбаясь, стояли метрах в пяти от кассы — трое мужчин и две женщины. Тоже с улыбкой подхожу к ним и с удовольствием произношу: «Ну а теперь, земляки, тамбовские волки, давайте знакомиться». Одна из женщин тут же спросила: «А как вы узнали, что мы тамбовские, да еще волки?» На что я ответил: «Такими ушлыми могут быть только тамбовские волки, к коим я и себя отношу. — И продолжил: — Я больше двадцати лет работаю в лесных экспедициях Сибири и побывал во многих таежных районах от Урала до Дальнего Востока, но нигде не встретил людей с фамилией Седых. А вот сейчас, надо же, в какой-то глухомани на севере Томской области, в аэропорту маленького городка, я встретился с пятью Седых, которым, возможно, я довожусь если не дальним родственником, то точно уж земляком».

Обоюдно обрадовавшись такой встрече, мы, не сговариваясь, отправились в буфет отметить наше неожиданное знакомство. До отлета самолета было еще около трех часов, и мы просидели все это время за сдвинутыми столами, увлеченно рассказывая друг другу различные события из жизни «тамбовских волков» на малой родине и в диких заволжских степях. Я рас-

Книга 2023.indd 18-19 5/3/23 19:33

сказал, к какой категории крестьян относились мои предки, где они жили в Тамбовской губернии и чем занимались, что их заставило переселяться в дикую заволжскую степь.

В конце я высказал недоумение, что, несмотря на множество людей с фамилией Седых в Оренбургской и Самарской областях, за Уралом их практически нет. Почему? На что самый старший по возрасту тамбовец с улыбкой ответил: «Очень просто! Как я понял из вашего рассказа, мы все пятеро, видимо, тоже относимся к предкам того же самого клана Седых, когда-то проживавшего на юге губернии. Как мне известно, они были государственными крестьянами, так называемыми однодворцами, занимавшимися земледелием и охраной границ от набегов степняков. Но население росло, земли для приличного существования не хватало, к тому же в связи с присоединением к России южных территорий охранные дела прекратились. И после подавления восстания Пугачева по инициативе Александра I было начато переселение государственных крестьян Тамбовской, Воронежской, Пензенской губерний в Самарскую и Оренбургскую губернии.

Множество крестьян, ушедших из Тамбовской губернии, среди которых были три семьи с фамилией Седых, а также еще около двенадцати семей из клана Седых, благодаря неплохой материальной поддержке правительства хорошо устроились на новых местах, и у них отпала охота двигаться куда-то за Урал. Во времена Николая I движение государственных крестьян на восток замерло, и в связи с этим прекратился их отток из Тамбовской губернии. Семьи из клана Седых, оставшиеся на юге губернии, получили дополнительные наделы земли от своих соплеменников, ушедших на восток, улучшили свое материальное положение, и у них в связи с этим больше не было нужды переселяться на какие-то новые земли.

Движение крестьян на восток из Тамбовской губернии ожило только в начале двадцатого века по инициативе Столыпина, также с хорошими подъемными. Но в это время крестьян переселяли в район Забайкалья, куда уже ехали негосударственные, в значительной мере безземельные бывшие крепостные. Среди них, как оказалось, преимущественно были семьи из северных районов Тамбовской губернии с окончанием фамилий на -ых, но, видимо, семей с фамилией Седых среди них практически не было».

Теперь из рассказа тамбовца я понял, почему преподаватель геологии отметил, что в Сибири нет людей с фамилией Седых. При этом я узнал, что мои

земляки, с которыми я познакомился в аэропорту, также не стремятся куда-то уехать на постоянное местожительство по той же причине, что в этом нет смысла. Когда я их спросил об этом, тот же старший ответил: «А зачем? У нас не просто хорошо, у нас лучше всех! А если кому-то надо заработать, они едут на вахту, как мы, и возвращаются к себе домой, где все обустроено и уютно. Мы боимся рисковать как наши предки и хорошо помним пословицу: “Два раза переехать — это один раз сгореть”. Многие из переселенцев не получили того, что хотели иметь на новом месте, а возвращаться назад не было сил и не было уже того очага, от которого уехали».

Мы прибыл в Новосибирск, и я расстался с новыми знакомыми в аэропорту. Мои земляки были, как и я, рады этой встрече и стали приглашать меня посетить мою и их малую родину. Ну, как всегда, впопыхах записанные адреса куда-то теряются, и мне не удалось, к сожалению, воспользоваться приглашением. Но я до сих пор с удовольствием вспоминаю эту встречу, благодаря которой узнал, что в Сибири на нефтепромысловых производствах работают «тамбовские волки» с фамилией Седых и всех их объединяет техническое образование и умение устраивать свою жизнь в тайге.

И последнее. Старший, улыбаясь, настойчиво повторял: «Приезжайте, мы вас ждем как самого дорогого гостя и покажем, как живут современные тамбовские волки».

Книга 2023.indd 20-21 5/3/23 19:33

Впереди хутор Боголюбовка, 2013 год.

Переселенцы.
Хутор Боголюбовка в Башкирии

Одна из моих пяти тетушек, Агафья Прокофьевна Макаревич (в девичестве Седых), прожившая без двух месяцев сто лет, нередко рассказывала о своем детстве, о сестрах и брате Николае, о жизни на хуторе Боголюбовка. Она каждый раз с восторгом вспоминала счастливые времена в этой деревушке, расположенной на берегу знаменитой реки Дёмы, протекающей по оренбургским степям и лесостепи Башкирии. В свое время об этой реке в романе «Детские годы Багрова-внука» писал С.Т. Аксаков: «Величавая полноводная Дёма, не широкая, не слишком быстрая, с какою-то необыкновенной красотою, тихо и плавно, наравне с берегами, расстилалась передо мной. Мелкая и крупная рыба металась беспрестанно». А далее он описывал леса (урема — по-татарски), примыкающие к реке: «Великолепная урема окружала нас. Необыкновенное разнообразие ягодных деревьев и других древесных пород, живописно перемешанных, поражало своей красотой. Толстые, как бревна, черемухи были покрыты уже потемневшими ягодами; кисти рябины и калины начинали краснеть; кусты черной спелой смородины распространяли в воздухе свой ароматический запах; гибкие и цепкие стебли ежевики, покрытые крупными, еще зелеными ягодами, обвивались около всего, к чему только прикасались, даже малины было много».

На берегах этой одной из красивейших и полноводных речек Оренбуржья и Башкирии в конце XVIII века по инициативе Екатерины II и Александра I рядом с татарскими и башкирскими деревнями начали селиться русские, мордва, чуваши, украинцы, пришедшие с запада. Изначально, до середины века, по наводке губернских властей, переселенцы занимали свободные земли Оренбуржья, примыкающие к Дёме. Эта река поила всех прибывших чистой водой, подкармливала селян разнообразной рыбой — сомами, линями, сазанами, голавлями, язями, щукой, окунями, плотвой, пескарями, а на ее за-

Книга 2023.indd 22-23 5/3/23 19:33

ливных лугах нагуливал вес домашний скот. Открытые пологие участки степи пришельцами распахивались, и в благоприятную погоду на черноземах они получали богатый урожай зерновых: твердокаменной пшеницы, ржи, проса, ячменя, овса и других культур. Выращивали в большом количестве коноплю, которая шла на изготовление ткани для шитья одежды.

Крестьяне-земледельцы Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Воронежской, Курской губерний слышали еще со времен пугачевщины о привольных Оренбургских землях, семьями двигались на восток и очень активно осваивали прежде всего земли Оренбуржья, и в частности территории Пономаревского района, где я родился и учился. Появление в этих местах переселенцев (колонистов) с запада и возникновение новых поселений очень подробно описал Николай Алтухов, мой друг по неполно-средней школе, бывший третий секретарь Пономаревского района, в книге «История Пономаревского района» (2008).

Освоение земель в нашем районе началось с поселения мордвы в 1794 году по указу ее императорского величества Екатерины II. Мордва основала деревни вдали от Дёмы на участках, окруженных лесами, чтобы заниматься охотой, бортничеством, выращиванием сельхозпродукции и разведением домашнего скота на небольших наделах. «В степи — простор, в лесу — угодье» — так мордовские крестьяне оценивали эти территории. Как свидетельствует Николай Алтухов, именно они сохранили для себя и для нас в хорошем состоянии лес Пономаревского района.

Самые плодородные земли, прилегающие к Дёме, начали осваиваться с возникновения деревни Воздвиженки, построенной в 1802 году переселенцами из Тамбовской губернии. И всего через три года в двадцати километрах от нее появилось селение Пономаревка (будущий райцентр), основанное группой тамбовских крестьян во главе с Василием Трофимовичем Пономаревым. Следом начался активный приток переселенцев из южных губерний России. За сорок лет в этих местах Оренбуржья появилось множество деревень, так что даже стало не хватать удобных наделов для земледелия. Как отмечает Николай Алтухов, в то время больше всего переселенцев было из Тамбовской губернии. Третья часть их нашла свою новую родину в дикой заволжской степи, как тогда называлась эта территория за Волгой, и освоила плодородные земли Оренбургской и Самарской губерний.

Как рассказывала моя тетушка со слов своего прадеда Лукьяна Сидоровича, в ту пору из Тамбовской губернии уходили на восток в основном

крестьяне-однодворцы, к которым относились и наши предки. Это были государственные крестьяне, проживавшие на юге губернии, которые занимались не только земледелием, но также, по велению правительства, охраной границ. Их небольшие земельные наделы приносили мизерный доход, на который было трудно содержать растущие семьи. В связи с нехваткой земли в губернии и отсутствием каких-либо охранных дел на границе в результате успешных войн в степях империи, правительство дало государственным крестьянам разрешение на переселение их на восток для освоения плодородных земель за Волгой. При этом после получения надела земли в Оренбургской и Самарской губерниях, как пишет Николай Алтухов, по указу правительства, каждой семье полагалась казенная ссуда в размере от тридцати пяти до ста рублей, пособие лесом — двадцать пять бревен для строительства избы, семена для посева, а в отдельных случаях — лошади и иногда по три копейки на человека, также давалась отсрочка рекрутской повинности от трех до шести лет.

Мои предки, будучи крестьянами-однодворцами, также владели маленькими участками земли, и большинство из клана Седых жили в бедности. Не хватало денег даже для уплаты податей. Прослышав об успешном освоении свободных территорий их земляками, четыре двора Седых и две семьи Широбоковых решили отправиться на восток, чтобы стать справными хозяевами своего дела. Рассчитавшись с недоимками и получив от оренбургских властей удостоверение на заселение свободных мест и разрешение от местных властей на переезд, шесть семей в количестве двадцати трех человек с двумя собаками отправились в путь на девяти подводах, запряженных двенадцатью лошадьми. На семи подводах ехали жены, дети и старики, перевозился домашний скарб, продукты и зимняя одежда. На двух подводах везли всякого рода хозяйственный инструмент, сено и свежую траву для прокорма лошадей, которую заготовляли ежедневно во время ночевок в степи или в лесу. Всем обозом управляли шесть молодых вооруженных мужиков. Им помогал парнишка двенадцати лет по имени Сидор — сын пятого семейства Седых. Его отец Кирилл рано умер от ран, полученных на войне с французами, а мать Настасья ушла из жизни за год до отъезда. Сидор был усыновлен одним из дядей по имени Антон, который и забрал его с собой искать счастье на новых землях.

Мужики, предполагая, что обозу придется преодолеть около полутора тысяч километров, основательно подготовили свой транспорт. Это были

Книга 2023.indd 24-25 5/3/23 19:33

пять двуконных бричек на больших окованных колесах с высокими бортами, связанными сверху гнутыми тонкими жердями из ивы. В случае жары или дождя на них натягивались шерстяные полотнища (дерюги), вытканные дома. Были также две обычные одноконные повозки с низкими бортами, одна рыдвана для перевозки сена и травы и одна легкая повозка (тарантас) для быстрых разъездов.

В мае 1824 года эта артель покинула Тамбовскую губернию. По дороге не останавливались в деревнях, ночевали прямо в степи или лесах. Место ночевки обставляли повозками, скрепляя их друг с другом оглоблями,—получалась своеобразная ограда, защищающая от проникновения случайных недобрых людей. В середине этого малодоступного логова, а по-турецки—табора, горел костер, на котором готовилась пища. Коней на каждой ночевке спутывали и привязывали длинными вожжами к телегам с внешней стороны табора. Там они и паслись до утра. На ночь сторожить это стойбище назначали двух мужчин, которые сменялись через два часа. Собаки были при них и тотчас реагировали рычанием и лаем на любой незнакомый звук вне табора.

Как рассказывала тетушка, люди Седых и Широбоковых добрались до Самары без помех, за исключением одного случая. Дело было в августе, во время ночевки в степи между Доном и Волгой. Часа в четыре утра откуда ни возьмись к стойбищу на рыси приблизилось три всадника, остановились метрах в пятидесяти и стали внимательно рассматривать логово пришельцев. Собаки залились остервенелым лаем, напугав всех спящих. Дозорные, успокоив собак, направились к всадникам. Не дошли до них метров десять, как передовой всадник остановил их грозным вопросом: «Чьи будете и куда путь держите?» Один из дежурных, оглянувшись назад и увидев, что все мужики Седых и Широбоковых уже стоят у телег в белых подштанниках и с оружием, спокойно спросил: «А ты че, пристав али как, че те надо от нас?» Всадник оценил вопрос и улыбнулся: «Ишь ты, как волк обложенный в катухе огрызаешься, тамбовский, что ли?»—«А че, незрячий, что ли? Зенки-то растопырь и узнаешь. Знамо, тамбовские мы, а чьи ж ишо!» «Много тут вас прошло за последние годы на вольные земли оренбургские,—ответил всадник и, глянув выразительно на мужиков с оружием, добавил:—Своих мы не трогаем, нашим на Яике поклон от казаков с Дона». Тронул шпорами коня и поскакал обратно. За ним развернулись его напарники и скрылись в предрассветных сумерках.

Возможно, во время массового переселения крестьян за их умение устраивать такие стойбища для ночевки в степи, прозванные казаками волчьим логовом, и пошло прозвище тамбовских мужиков—тамбовские волки, бытующее до сих пор.

Чтобы не истратить все сбережения, собранные за несколько лет на обустройство новой жизни, мужики по дороге часто батрачили, проезжая селения. Поэтому обоз добрел до Самары только к октябрю, пройдя не более тысячи километров за пять месяцев.

Крестьяне не знали крупнее рек, чем их родная Цна, поэтому ширина Волги сначала ошеломила их, а потом у всех с лиц долго не сходило выражение страха при мысли о том, как преодолеть такой гигантский поток воды. Все стали смотреть на Антона, старшего, ожидая, что он скажет. А он, сообразительный мужик, просто ответил: дождемся, когда река встанет от мороза, наймем проводника и с божьей помощью по льду перейдем на ту сторону. Устроившись на постой в небольшой деревушке и успев заготовить на лугах сено на зиму для лошадей, переселенцы дождались, когда Волга встала, и в декабре перебрались через нее. Зазимовали на краю Самары, невдалеке от мельниц на реке Кинель, устроившись на постой. Мужики всю зиму развозили муку в хлебопекарни города и доставляли из-за Волги сено для прокорма своих лошадей. Женщины также не сидели без дела и занимались стиркой белья для городских гостиниц.

Наступила весна. Мужики еще поработали в порту на разгрузке и погрузке барж, и в конце июня обоз из девяти телег тронулся в путь на обетованные земли Оренбуржья, которые были уже рядом. Пройдя за двадцать дней четыреста километров, компания переселенцев в конце июля 1825 года прибыла в деревню Воздвиженку, основанную их земляками двадцать два года назад. Она уже стала крупным селом с населением более тысячи человек, среди которых также были прибывшие позже крестьяне из Рязанской губернии. Земли вокруг Воздвиженки, Кирсаново, Пономаревки были уже заняты, и новым колонистам посоветовали идти в Максимовку, основанную также их земляками вместе с воронежскими крестьянами. Широбоковы в количестве пяти человек приняли это предложение и на двух подводах ушли в деревню, расположенную от Воздвиженки в десяти километрах. Они были мельниками и, когда увидели вблизи Максимовки два больших ручья, обрадовались такому везению и остались там жить, заняв

Книга 2023.indd 26-27 5/3/23 19:33

Современная башкирская деревня Боголюбовка, возникшая на месте хутора.

Самая древняя изба в деревне Боголюбовка, возможно, раннее жилище рода Седых. В ту пору она была покрыта соломой и оштукатурена глиной.

Книга 2023.indd 28-29 5/3/23 19:33

небольшие участки земли на краю деревни. Уже на второй год после их поселения заработала первая мукомольная мельница, построенная ими на одном из этих непересыхающих полноводных ручьев.

Мои предки — восемнадцать человек на семи подводах, — отдохнув неделю у земляков, не пожелавших селиться вдали от Дёмы, пошли дальше, через Пономаревку, на восток, в Сибирь. В Пономаревке они также не задержались из-за отсутствия свободных земель и через пятнадцать километров от нее вошли в башкирское село Аитово. Их остановили башкирские аксакалы и на правах аренды предложили осваивать земли в семи километрах от деревни. Переселенцы сделали разведку на месте и были восхищены красотой реки Дёмы, окруженной лесами (уремой), и увалистыми степными просторами за ними. Теперь уже не переселенцы, а колонисты сразу же оценили благодатную пригодность земель для выращивания твердокаменной пшеницы и ржи в любом количестве, и они, не рядясь, остановились обустраиваться на берегу реки, которой достигли благодаря богу, пройдя около полутора тысяч километров от своей родины.

Долго не размышляя, стали готовить на зиму сено для коней, ставить балаганы для проживания летом и рыть землянки для жизни в первую зиму. Кроме ближайшей деревни Аитово, кругом никаких поселений не было. Очухавшись с дороги, переселенцы стали все больше осознавать, что, живя далеко от земляков, от церкви и от церковно-приходской школы, они эти земли не освоят. Общаясь с земляками в Пономаревке, Кирсаново, Воздвиженке, решили все-таки узнать о возможности поселения в Максимовке, где еще были какие-то свободные участки. Проведали и узнали. Им предложили занять участки малопригодных для пахоты земель на склоне холма, на расстоянии одного километра от села. Обсудив возникшую сложную ситуацию, а также то, что поселенцам в Башкирии оренбургская администрация не выдаст подъемных и не предоставит привилегий на обустройство хозяйства, клан Седых принял решение осваивать участки и в Башкирии, и на склоне холма рядом с Максимовкой.

В первую очередь приступили к строительству двух изб в Максимовке для проживания зимой, а на Дёме в Башкирии соорудили временные жилища. Таким образом, возник один хутор вблизи деревни Максимовки, который в дальнейшем стал называться Оторвановкой, и второй хутор в Башкирии. Будучи глубоко верующими крестьянами, они в благодарность богу за встречу с

такой благодатной землей хутор на Дёме, удаленный на тридцать километров от Оторвановки, назвали Боголюбовкой. Проживая там летом, семьи Седых сообща пахали земли недалеко от Дёмы и засевали их пшеницей, рожью и овсом. На лугах заготавливали сено для лошадей, коров и овец, которых держали на обоих хуторах. Зимой в Боголюбовке жили только мужики, которые ухаживали за скотиной и возили сено в Оторвановку. Чтобы облегчить жизнь в новых условиях, эти четыре семьи объединились в своеобразный колхоз, зарабатывая на хлеб в Максимовке и Боголюбовке. И только таким образом смогли выжить на чужбине, сделав ее своей новой малой родиной. Здесь они дали жизнь нескольким ветвям потомков, одна из которых и породила меня в 1935 году в избе, крытой соломой.

Сирота Сидор через семь лет женился на одной из максимовских барышень. У них родилось несколько сыновей, и среди них Лука. У Луки в его семье вырос сын Федор, который и стал отцом моего деда Прокофия Федоровича Седых. Авторитет моего прапрапрадеда Сидора в Максимовке был очень высоким, и всех его детей, внуков и правнуков прозвали «Сидоркины дети», и эта уличная кличка его потомков сохранилась до сих пор. И ныне, приезжая в деревню, где после революции круглогодично жили дети и внуки деда Прокофия, когда кому-то из деревенских говоришь, кто ты такой, они, не задумываясь, отвечают: «А, Сидоркины дети! Знамо, знамо всех ваших Сидоркиных. Ах, какие были тады знатные люди», хотя никто из них не знал, а кто же был этот Сидор.

У прадеда Федора Лукьяновича семья состояла из сорока шести человек, которые жили зимой в нескольких избах в Максимовке, на хуторе Оторвановка и в Боголюбовке. Видимо, прадеду надоело управлять этим колхозом, и он в конце XIX века разделил имущество на несколько семей, в результате чего моему деду Прокофию Федоровичу досталась одна из изб с надворными постройками в Боголюбовке и изба в Оторвановке, которая была построена моим дедом с женой Настасьей Федоровной Седых (в девичестве Широбокова). Они зажили в новом качестве, и все их дети, Анна, Агафья, Фекла, Феня, Наталья и мой будущий отец Николай, стали жить самостоятельно зимой в Оторвановке, а все лето в Боголюбовке, ведя хозяйство так, как приучил их прадед.

В начале XX века дед Прокофий Федорович выкупил арендованную землю и после этого решил остаться навсегда в Боголюбовке рядом с род-

Книга 2023.indd 30-31 5/3/23 19:33

ственниками первых поселенцев из их рода. Они с Настасьей Федоровной и с кучей детей зажили основательно и счастливо на этом хуторе, славя бога за подаренную им благодатную землю. И все мои тетушки и мой отец, выросшие в этой летней резиденции, в избе, сто раз ремонтированной новыми хозяевами, всегда вспоминали о жизни в ней как в раю.

Но это благоденствие продолжалось недолго. Совершилась революция. После 1917 года все большое семейство вместе с дедом, оставив райское место, переехало на хутор Оторвановка в свою давно обжитую избу под соломой. Устроившись в ней навсегда, дед Прокофий с моей бабушкой Настасьей от зари до зари стали вкалывать на небольшом участке земли, стараясь заработать на достойное приданое своим пятерым дочерям. Вскоре четверых они удачно выдали замуж за местных парней.

А Агафью дед, по совету попа, отправил учиться в педагогическое училище в Оренбург. Из всех его дочерей она была самая способная, и дед был согласен, чтобы она стала учительницей в Максимовке. Надо отдать должное деду Прокофию — он хорошо понимал значение образования. И несмотря на то, что был обременен большой семьей, посылает Агафью учиться за двести километров от дома и оплачивает ее образование без чьей-либо помощи.

А эта способная моя тетка, вместо того чтобы вернуться после окончания училища домой и учить в школе детей, увлеченная призывами большевиков, отправилась делать революцию где-то в Новороссии. Там же она вышла замуж за серба, подполковника Макаревича, вскоре погибшего в дни Гражданской войны. Тетка второй раз замуж не вышла и всю жизнь посвятила учению племянников — сыновей и дочерей своего единственного брата.

Мой отец Николай, самый младший сын в семье, окончив местную церковно-приходскую школу, стал председателем сельского совета, активно строил советскую власть в деревне, пока в 1939 году оренбургские дорожные власти не перевели его в райцентр Пономаревка, назначив начальником Дорстроя и ответственным за состояние Казанского тракта. Это был тот самый тракт, прежде называвшийся Московским, который был открыт Екатериной II и соединял Москву, Казань и Оренбург. За время жизни в Максимовке мой отец Николай создал семью с Прасковьей Лукьяновной Седых (в девичестве Иноземцева), и у них родилось четверо сыновей — Дмитрий, Петр, Александр, Владимир и дочь Евгения. После переезда в райцентр они все окончили пономаревскую среднюю школу.

Впоследствии у каждого из них жизнь сложилась по-разному, изначально развиваясь по одинаковой советской схеме — средняя школа, институт или военное училище, служба или работа. У автора этих записок вначале все было так же, но после института ему пришлось искать свою обетованную землю, продолжить путь, начатый его пращурами, «тамбовскими волками», от лица которых он пишет эти записки. Отправиться на поиск этой земли двести лет назад с детьми и стариками могли только отчаянные авантюристы, уверенные, что они все-таки дойдут до своей цели и получат все, чего были лишены на своей малой родине. После окончания института за семнадцать лет я сменил семь рабочих мест, пока случайно, как мои предки, встретившие благодатную землю на реке Дёме, не нашел свое место в науке и не остался в ней, обрабатывая свою землю, пользуясь генами моих пращуров, «тамбовских волков», и знаниями, которые дали мне школьные учителя и профессура института, а также экспедиционные рабочие-бичи, с которыми я провел множество таежных экспедиций по приведению сибирской тайги в известность.

Старая часть села Пономаревка.

Книга 2023.indd 32-33 5/3/23 19:33

Центр села Пономаревка, 2013 год.

Пономаревка. Базар

Прошло шестьдесят два года с тех пор, как я закончил среднюю школу и покинул Пономаревку. Я хорошо помню, каким был прощальный вечер в школе и как мы, близкие друзья по десятому классу—Венка Попов, Лёшка Ельчанинов, Петр Овсянников, Валька Алябьева, Лида Бирюкова, допивали последнюю водку и ликер «Шартрез» у Валентины Вороновой, жившей в центре села. Трепались обо всем, но все время возвращались к главному—что ждет каждого из нас там, за калиткой дома и околицей села, когда покинем эту глухомань, называемую Пономаревкой. От нашего места обитания до самой близкой железной дороги с разбойничьей станицей Абдулино было шестьдесят километров, до нее в ту пору можно было добраться только на колхозной лошади, запряженной в сани или телегу, с обязательной ночевкой по дороге на постоялом дворе в какой-нибудь деревне. До Оренбурга же, до бывшей крепости, ставшей знаменитой благодаря повести Пушкина «Капитанская дочка», было от нас двести километров, которые одолеть мы, школьники, и не мечтали. Да и некогда и незачем нам было думать об этом до окончания школы. Летом мы дни и ночи проводили в степях и лесах, жадно учась всему, что давала природа, отчаянно осваивая мир, который нас окружал. У нас была Дёма, где в жару мы валялись на пляже и ныряли в речку с крутых берегов. На той стороне реки у нас была урема до Затона, где мы были хозяева жизни, поедая с весны до самой осени сурепку, борщевку, конский щавель, дикую морковь, дикий лук, ягоды черемухи, смородины, ежевики. У нас была Гудучка и Отдемок (протоки Дёмы), сама Дёма, Садак и Сидяк, где мы добывали удочками, вершами и бреднем рыбу. У нас были за Затоном колхозные бахчи, на которые мы осенью делали набеги, добывая дыни и арбузы. Зимой с Вовкой Семечкиным, Толькой Мананниковым, Женькой Докучаевым мы покоряли на лыжах не всем доступный

Книга 2023.indd 34-35 5/3/23 19:33

Маньяк и крутые склоны гор за Затоном. Весной же, когда у первой вершины (в Пономаревской области почему-то так назывались ложбины в степи) и за больницей появлялись из-под снега поляны, а высоко вверху заливались жаворонки, мы, ребятишки, живущие на Казанской улице, в апрельские каникулы выгоняли пасти своих овец, «выливали» из нор сусликов и жарили их на костре, а на открывшихся пустырях в селе после школы до самой ночи играли в клёк.

Зима. Зимой мы учились весь день без каких-либо поблажек. В восемь тридцать уже начинались уроки, которые продолжались до двух часов, после дома часов до шести делали домашнее задание и занимались хозяйством: кололи дрова, убирали навоз за коровой, таскали воду из колодца, а после шести — опять в школу на какие-нибудь занятия по добровольному выбору, или выполнять общественную работу, или участвовать в театральной самодеятельности. И что самое интересное: делали это с удовольствием.

И вот окончилось детство, ранняя юность, и наступила пора покидать Дёму, урему, степи, родную и опостылевшую школу и идти завоевывать большой и таинственный мир за околицей, где-то там за горизонтом, непонятно где. Все сидевшие у Валентины давно уже определились, в какой институт и по какой дороге идти дальше. И теперь минуло уже более полувека, у каждого судьба сложилась по-своему, но как именно, мне неизвестно, и только с грустью можно теперь сказать словами Александра Пушкина — «иных уж нет, а те далече». И, видимо, после того прощального вечера пока только у меня появилась счастливая возможность рассказать землякам (а вернее, отчитаться перед ними), чем стал для меня тот мир за околицей, который мечтали осваивать выпускники Пономаревской средней школы, окончившие ее в 1952 году.

Я отправился в город Харьков, где уже до меня сложилась наша, пономаревская, диаспора. Заразившись идеями сталинского плана преобразования природы, я решил поступать на лесомелиоративный факультет сельскохозяйственного института, чтобы учиться создавать леса в степях и пустынях. К выбору этой профессии, несомненно, подтолкнула меня моя вольная жизнь в степях, в лесах и на берегах Дёмы.

И вот подошли вступительные экзамены, которые показали мне, какой была наша школа в глубинке. Выслушав мои ответы на вопросы по химии, экзаменатор спросил, какую же я окончил школу в Харькове, где меня так хорошо научили химии. Я тогда просто ответил, что я не из Харькова, я из

далекого райцентра Пономаревка, что стоит на берегу реки Дёмы на Южном Урале. Он только произнес: «Надо же! — и добавил: — Идите, я поздравляю вас с пятеркой». А потом спросил: «Это не та ли Дёма, о которой писал Аксаков?» Удивившись такому вопросу от харьковчанина, живущего за тридевять земель от Пономаревки, я ответил с некоторой гордой наглостью: «Конечно та, другой Дёмы в мире нет, она одна», и мы распрощались до встречи на лекциях.

Студенческие годы прошли быстро, как бабье лето, оставив в памяти редкие, но яркие блики удач на фоне серой и голодной послевоенной жизни. Настал день выбирать, куда идти работать, где делать карьеру, как говорят сейчас. Несмотря на то что я был в студентах изрядным шалопаем, все-таки как специалист я был подготовлен школой знаменитых профессоров одного из выдающихся вузов царской России, вывезенного после революции в СССР из-под Варшавы. Меня учили высокие профессионалы лесного дела Д.В. Воробьев, С.С. Пятницкий, В.Г. Аверин, В.И. Гаврилов, которые стали нынешними классиками науки о лесе. Я не был отличником, но имел знания, позволяющие остаться в Харькове, поехать в Минск, в Крым или в любую область Украины, но я пренебрег этими уютными местами и отправился в Туркестан создавать леса в Голодной степи, в пустынях Кызыл-Кум и Кара-Кум. Поработал я там в экспедиции, и достаточно успешно, полтора года, но мне стало скучно в теплых и относительно благоустроенных местах с феодальным укладом жизни, и я решил попытать себя в дебрях тайги, на бескрайних и неизведанных просторах Сибири и Дальнего Востока, о чем давно мечтал. Попав в настоящую, никем не тронутую тайгу, я увлекся ее изучением и до сих пор занимаюсь разгадками ее тайн.

Мне довелось также участвовать в работе лесных экспедиций в США — на Аляске, в горах Аппалачи, в районе Великих озер, в Канаде в провинции Саскачеван, и вот, собираясь посетить Пономаревку, я подумал: а что мне дала моя малая родина на берегах Дёмы для моих экспедиционных скитаний? И когда, подъезжая к Пономаревке, я увидел очень старые живые деревья защитной лесной полосы, сохранившейся вдоль старой дороги Казанского тракта, а вдали на горизонте — Маньяк, а за Дёмой — урему, я понял, что по этим памятным местам узнаю свою малую родину и тотчас вспоминаю их роль в моей биографии. Останавливаясь с отцом на придорожном кордоне, сооруженном Дорстроем для проведения ремонтных работ на дороге, я

Книга 2023.indd 36-37 5/3/23 19:33

часто, когда стояла жара, убегал в лесную полосу укрыться от солнца и поваляться в прохладной траве, и в моем сознании до сих пор осталось восхищение ценностью этого своеобразного леса в степи. И только много позже я узнал, что эти широкие лесные полосы с обеих сторон дороги, ограждающие ее от снежных заносов, впервые были созданы в Пономаревском районе и во всей Оренбургской области по инициативе моего отца, Николая Прокофьевича Седых, работавшего в ту пору начальником районного отдела дорожного строительства. И я всегда гордился своим отцом за этот вклад в освоение степей Оренбуржья, а когда я увидел сохранившиеся группы очень старых деревьев и участки полос, выполняющих еще свою роль защиты от заноса снегом старой дороги, то почувствовал неожиданную гордость за своих земляков, сохранивших этот рукотворный лесной массив.

Гора Маньяк на горизонте напомнила мне, как мы, несколько ребятишек-шестиклассников, под руководством Вовки Семечкина ходили осваивать ее крутые склоны. Эти походы развили в нас бесстрашие и умение быстро находить решение в непредвиденных ситуациях: когда ломались лыжи, рвались крепления или кто-то получал травму,—что пригодилось потом в моей экспедиционной жизни. А бродя и бегая босиком в уреме от Отдемка и до Гудучки, а от нее до Наурузовских лугов, мы, ребятишки, научились отличать пищевые растения от ядовитых, добывать рыбу в Затоне, а за Затоном—дыни и арбузы на колхозных бахчах. Увидев все это, я начал смутно осознавать, что я стал тем, кто я есть, благодаря тому, что родился в этой глухомани, в одном из самых примечательных мест дикой заволжской степи, о которой я кое-что узнал из замечательной книги Николая Алтухова, уже упомянутой мной.

И вот я здесь, в Пономаревке. Хожу и гляжу на все ревностно и с пристрастием и вижу: прошло шестьдесят два года, а путевых дорог в районе и поселке как не было, так и нет пока, и, как видно, не скоро будут. Видимо, от прибыли за нефть, которую давно качают здесь, ничего местным жителям не достается. Мне могут власти предержащие возразить: а что, дороги, покрытые щебенкой, не дороги? На это я могу ответить: там, где добывают нефть, это не дороги, а только своеобразное обозначение направлений, куда не надо ехать. И очень досадно было вязнуть в иномарке в непролазной грязи дороги, проходящей когда-то по красивейшим лугам от Орепьевки (окраина села, заросшая лопухами) до пятой фермы за Дёмой. Но эта досада моментально прошла, сменившись радостью за наш автопром, когда мы увидели ломовую лошадь по кличке «УАЗ», которая, легко обогнав нас и обдав крупными ош-

Участок лесозащитной полосы, выполнивший свою роль защиты Казанского тракта от заноса снега.

Книга 2023.indd 38-39 5/3/23 19:33

На горизонте гора Маньяк, с которой в юности мы скатывались на лыжах.

Книга 2023.indd 40-41 5/3/23 19:33

метками грязи, покатила вперед, вихляясь по рытвинам. Правда, водитель УАЗа, увидев наши веселые лица в иномарке, почему-то повертел указательным пальцем у левого виска.

Но затем очередной вопрос, который ввел меня в состояние обычного непонимания: а где гостиница в таком большом селе? Я помню, даже после войны была гостиница на Казанской улице, в одном здании с рестораном. А где она сейчас? Удивительно, но их вообще в селе нет. Видимо, в Пономаревку никто в командировку не ездит. Странно, не так ли? Я был в Америке в самых захолустных поселках. В них ничего нет, магазины далеко, школы далеко, домов культуры и подавно нет, а гостиница обязательно есть, где всегда на завтрак омлет.

Ну а где базар? Даже не базар, а настоящая еженедельная ярмарка, которая собиралась во второй половине дня в субботу и заканчивалась после обеда в воскресенье. Не было такого случая, когда бы базар не работал. На него съезжались из всех деревень района и даже из Башкирии и Казахстана. Базарить шли пешком в сапогах и лаптях, ехали на лошадях, на машинах, везли все, что могли сделать дома и продать на базаре. И чего только не было на знаменитом пономаревском базаре под не менее знаменитой пожарной вышкой, наверху которой всегда дежурил далеко смотрящий наблюдатель. На подходе со стороны церкви, в которой тогда хранилось колхозное зерно, располагались ряды рыдванов с сеном, брички, тарантасы с курами и гусями в клетках, стояли коровы, телята, овцы для продажи, и даже нередко были верблюды. Далее вверх к центру базара стояли телеги с русскими и татарскими лаптями, лыками из липы, валенками, с развешенными дерюгами, рулонами холстины из конопли. Еще ближе к центру сидели мастера со своими поделками — жестянщики с ведрами, тазами, рукомойниками, топорами и лопатами, деревянщики с бочками и кадушками, рамками для икон и фотографий, местные художники с написанными на полотнах белыми лебедями. Здесь же шли ряды с мешками картошки, моркови, свеклы, капусты, помидорами, огурцами, дынями — липовкой, дубовкой, осиновкой, арбузами и всякой посудой, заполненной земляникой, малиной, костяникой, смородиной, ежевикой и степной вишней.

И уже совсем в центре, заполненном всякими будками, толпились люди, продающие и покупающие все для дома и хозяйства: часы, зеркала, книги, подсвечники, картины, кофты, штаны и кальсоны, свитера, знаменитые

оренбургские шали и прочее, прочее, прочее. И, наконец, на выходе с базара, с другой стороны пожарной вышки, был огромный, размером с конюшню пятой колхозной бригады, деревянный крытый сарай, в котором по обе стороны стояли длинные столы, заставленные продуктами, а за ними голосистые хозяйки из русских, татар, мордвы, чувашей, башкир, украинцев, продающие знаменитый башкирский, и он же оренбургский, мед, яйца, молоко, творог, сметану, вкуснейшее масло, пахнущее степной полынью, соленые и малосольные огурцы, подготовленные на отваре из дубовой коры, соленые грузди, кумыс, татарский сагус и многое, многое другое. Недалеко от выхода из этого деревенского гастронома со стороны школы среди толпы ребятишек и женщин с детьми разбитная улыбающаяся бабенка в белом халате и фартуке бойко наполняла съедобные стаканчики сладкой снежной пастой, называемой мороженым, из рук которой стаканчики буквально улетали в толпу.

И вот сейчас, оказавшись на месте старого базара, застроенном невзрачными торговыми заведениями, я зашел в небольшой магазинчик и обратил внимание на стоящий около стены холодильник, заполненный самым разнообразным мороженым, таким же, как у нас в Новосибирске. И тут, выбирая классический пломбир в стаканчике, я вспомнил курьезный случай с моим первым мороженым, произошедший около торгового сарая на базаре. Мне было тогда всего пять лет, но я хорошо помню момент встречи с реальной жизнью столицы района, каким являлась тогда Пономаревка.

Как-то раз в воскресенье, далеко после обеда, мы с отцом возвращались домой из центра. Отец держал меня за левую руку, а правой я держал у рта стаканчик с мороженым и облизывал холодную сладкую снежную горку, не скрывая удовольствия. Проходя мимо огромного сарая на базарной площади, я обратил внимание на мальчишку, сидевшего на самом верху крыши. Он сидел там как коршун на сухом дереве, зорко наблюдая за всем, что двигалось внизу. Я стал с еще большим удовольствием облизывать мороженое, невольно похваляясь своим яством перед ним. И вдруг он быстро, как обезьяна, цепляясь за щели между досками, спрыгнул вниз, подскочил ко мне, выхватил у меня мороженое и, держа в зубах стаканчик за край, быстро взобрался наверх. Удобно устроившись на прежнем месте, он стал спокойно уплетать снежную сладкую массу, не обращая на нас никакого внимания. Для нас с отцом свершившееся было столь неожиданным, что мы даже не успели расстроиться и только молча смотрели на нашего налетчика-разбойника, а он,

Книга 2023.indd 42-43 5/3/23 19:33

спокойно доев свою добычу, удалился по крыше в другую сторону. Это был Сашка Рожков, брат моей первой великолепной учительницы Анастасии Петровны, жившей против базара. Через какое-то время, когда мне было лет восемь-десять, я совершал с ним набеги на поля с коноплей, где, лежа под растениями и хоронясь от строгого объездчика на коне с плеткой, мы шелушили из кистей конопли очень вкусные семечки и набивали ими карманы. Лучшего масла в каше, чем масло из тех семечек конопли, я никогда и нигде более не едал.

Жалко, что ушел в небытие базар, где по субботам и воскресеньям собирались колоритные люди разных национальностей, выгодно торговали всякой всячиной и с радостью общались между собой. Научно-технический прогресс начисто смел этот всенародный клуб со своего пути, и на его месте теперь стоят архитектурно неприглядные торговые здания. Ну бог с ним, с базаром, жизнь стала другой. Но зачем снесли три старых купеческих магазина, построенных до революции из обычного камня, добытого на горе Маньяк? А они бы вместе с одной работающей церковью и церковью, разрушенной большевиками, в которой теперь размещается краеведческий музей, с Дёмой, воспетой Аксаковым, с остатками кирпичного здания десятилетки, в которой училось довоенное и послевоенное поколение, с саманными домами под соломенной крышей, с юртами кочевых народов, с которыми бок о бок жили пономаревцы, с рыдванами и бричками, с колесными тракторами на шипах, с лаптями и онучами могли бы стать достопримечательностью, свидетельством яркой и самобытной прошлой жизни, которую можно было бы частично воспроизвести в рамках музейно-туристического комплекса.

В настоящее время, когда российский человек наконец-то осознал, что без знания исторического прошлого, без воспитания гордости за принадлежность к культуре ушедших поколений, с менталитетом «Ивана, не помнящего родства» невозможно развитие процветающего общества, хранителя старых и созидателя новых традиций с использованием достижений науки и техники. И нынешнему поколению следует помнить, что питающим источником их творческой плодотворной деятельности был и остается образ жизни их отцов, дедов, прадедов и сохранение его является священным долгом каждого члена общества, и в частности каждого пономаревского жителя совместно с жителями окружающих деревень. И, как нигде в России, здесь, на берегах Дёмы, необходимо особенно заботливо сохранять этот духовный родник, невольно возникший из-за сплетения укладов жизни русских, татар, мордвы, чувашей, башкир, украинцев и других народов в дикой заволжской степи.

Сейчас, когда воспитание патриотизма и познание прошлого и настоящего через туризм становится образом жизни, в районе, как никогда, созрели условия для создания музейно-туристического комплекса, организацию которого мог бы взять на себя краеведческий музей, который является новым достижением правительства района. Рядом с музеем располагается великолепная площадь, где когда-то в прошлом мы каждый вечер играли в футбол. На ней можно было бы воспроизвести туристическую деревню, демонстрирующую уклад и образ жизни, характер работы и традиции праздников ушедших поколений. В этой же деревне стало бы возможным воссоздать тот самый знаменитый пономаревский базар, заполненный товарами, которые делали умельцы различных деревень района. Эти экзотические изделия и экзотическая местная пища, несомненно, пользовались бы спросом у туристов и могли бы стать определенным источником дохода для новых мастеров. И вот тогда можно было бы возродить постоянно действующие ярмарки: весной на Пасху, летом на Сабантуй, осенью на Покров, а зимой дважды — на Рождество и Масленицу. Для восстановления духа жизни старых поколений на маленькой площади Пономаревки имеются все возможности, и к этой деятельности надо приступать не откладывая, завтра будет поздно. Еще живы люди, знающие толк в прошлой жизни, и можно приобрести у них еще не сгнившие орудия труда, что будет уже невозможно для будущих жителей этой глубинки.

И эта ярмарка через два-три года стала бы не менее привлекательной, чем Сорочинская, воспетая Николаем Гоголем, которая на Украине и сейчас проводится ежегодно. А она стала бы более интересной потому, что в ней участвовал бы не один народ — украинский, а несколько — русские, татары, мордва, башкиры, чуваши, яицкие казаки, казахи и украинцы в том числе. И если бы был создан такой музейно-туристический центр, он бы стал одним из примечательных объектов в диких заволжских степях, частью возможного туристического кольца Оренбург–Соль-Илецк–Аксаково–Боголюбовка–целебный источник на Дёме–Пономаревка–Бузулукский бор–Оренбург.

Ну ладно. Это грусть по ушедшему в прошлое и некоторые пожелания по возрождению чего-то полезного для нынешней жизни. И если же у земляков возникнет интерес к моим впечатлениям о моей малой родине, то я готов продолжать рассказывать о них.

Книга 2023.indd 44-45 5/3/23 19:33

Река Дема, о которой с восхищением писал С.Т. Аксаков в повести «Детские года Багрова-внука».

Берега Дёмы

Подъезжая к Пономаревке, я, конечно, хотел увидеть то самое село, в котором провел свое детство, учился и закончил среднюю школу, хотелось встретить школьных друзей, учителей и даже увидеть соломенные крыши старых домов. Но, увы, прошло более полувека, и жизнь на моей малой родине ушла далеко вперед. Наряду с нетронутым, как будто замороженным укладом, для сохранения которого много сделала партия большевиков, я увидел стремительное движение вперед молодого поколения, освобожденного от партийных догм, строящего наконец-то новую жизнь по своим законам. Для себя я открыл, что процентов тридцать общего количества домов возведено всего лишь за последние пятнадцать-двадцать лет, что говорит о еще нераскрытых способностях жителей Пономаревки.

И куда бы я ни шел, везде видел в селе современные дома, обычные и с мансардами, ухоженные и строящиеся, но все свидетельствующие об энергии новых людей. Каждый дом отражал творческую и деловую самобытность хозяев, что, конечно, меня, как их земляка, восхитило. Я не стал задавать никому неуместных вопросов о том, откуда появился этот достаток. Не увидев никакого производства в районе, я, как человек экспедиционный, и так все понял. Они, молодые люди, зарабатывают себе на новую жизнь отхожим промыслом, называемым «вахтовый метод», работая на каких-то производственных объектах далеко от дома. С одним из этих вахтовиков я пообщался и узнал, что он периодически ездит далеко на север Западной Сибири прокладывать дороги в тайге, которую, когда-то никому не известную, я обследовал еще в шестидесятых годах прошлого века. Вот здесь и проявилась естественная генетическая связь двух поколений—открывателей и строителей Сибири, вышедших из одной и той же глухомани заволжской дикой степи.

Книга 2023.indd 46-47 5/3/23 19:33

А вот и церковь, когда-то совершенно заброшенная, используемая в прошлом как склад зерна, напротив которой жила наша семья с 1939 по 1941 год. В ту пору только лихие сорванцы нарушали ее покой, лазая по узкому карнизу под куполом, вызывая восторг у нас, недорослей, негодование у проходящих бабушек, которые тут же начинали истово креститься, и ярость у милиционеров, злобно взирающих на них снизу и размахивающих кулаками. А сейчас в эту церковь идут и стар и млад встречаться с колоритным батюшкой, а через него даже, видимо, и с богом. Она, эта церковь, испокон веков как университет—носитель знаний и нравственности, в отличие от ленинской комнаты в райкомах. Она доступна стала всем: и бомжам, и олигархам. И идут в нее не за получением материальных благ, а только за утешением или обретением понимания смысла жизни.

Иду дальше, вверх по улице, мимо старой и новой средней школы, и упираюсь в конце села в кладбище—место упокоения людских страстей, достойно ухоженное церковью и селянами, с надгробиями и обильной зеленью. Но, насколько я помню, оно всегда выглядело запущенным на краю такой большой деревни, как Пономаревка, вызывало страх и боль своими темно-

Восстановленная церковь, в которой в советское время хранилось зерно. В то время только безрассудные мальчишки изредка нарушали покой церкви, лазая по крыше.

Книга 2023.indd 48-49 5/3/23 19:33

серыми истлевшими крестами. Мы, ребятишки, обходили его стороной, боясь прикоснуться к чему-то зловещему и неземному. И только послевоенная шоферня, наслаждаясь свободой, стучала монтировками и ключами, ремонтируя и заправляя свои ЗИС-5 и редкие «студебеккеры» в дорожной автомастерской и на бензозаправке, размещенных рядом с кладбищем.

Иду к Дёме. Но это оказалась не та Дёма, на открытом левом берегу которой некогда располагалась Пономаревка и которая радовала всех своим видом от Отдемка до деревни Наурузово. Этот берег всегда был примечателен и привлекателен своей открытостью и вызывал зависть у всех приезжих. На нем круглый год кипела жизнь. Осенью с середины октября и до конца ноября на льду реки, пока не было снега, ребятишки играли в хоккей на коньках-снегурочках или на «дутышах», прикрученных веревками к валенкам, или отправлялись в кругосветное путешествие, проходя на коньках протоки Дёмы Гудучку и Отдемок и возвращаясь к старому мосту. Зимой пятая бригада каждый день гоняла большой табун лошадей на водопой к длинной проруби, а весной, когда река вскрывалась, вся Пономаревка выходила смотреть ледоход, слушать скрежетание льдин, которое вызывало радость встречи с весной. Летом же повсюду вечером на реке можно было видеть рыбаков, сидящих на берегу с веером удочек и упрямо пытающихся ловить сазанов, лещей, голавлей. С раннего утра до позднего вечера, везде, где только можно было зайти в воду, купались все кому не лень, а юнцы демонстрировали свою лихость, прыгая вниз ногами и головой с крутых берегов. Я уже не говорю о пляжах, которых было несколько от Отдемка до Промкомбината, где каждодневно лениво валялись студенты, приехавшие на летние каникулы из Оренбурга, Бугуруслана, Свердловска, Москвы, Ленинграда, Харькова.

А сейчас, отгороженная от людей пухлой стеной из ив и тополей, Дёма тихо несет свои воды, ни у кого не вызывая восторга. Негде не только покупаться, а даже пролезть через заросли и просто посидеть и поглядеть вдоль русла на кипящую жизнь пономаревцев, которой уже давно нет. И только счастливые рыбаки, не видимые никем, упрямо пытаются что-то поймать, своим занятием утверждая хоть в чем-то вечную преемственность поколений. Думаю, образумятся со временем жители села и поймут, что такую красоту от себя и от гостей прятать негоже, и найдут из множества существующих способов защиты отдельных участков берегов от размыва не более дорогие приемы, чем посадка деревьев. И когда новое поколение осознает, что ему

для полноценной жизни не хватает утерянной дёмской красоты, которой мы наслаждались в военные и послевоенные годы, оно все-таки приступит к ее возвращению, и, возможно, уже надо начинать сейчас.

Проходя вдоль берега там, где улица, идущая от теперь работающей церкви, упирается в Дёму, я остановился на том месте, где когда-то купалось много народу, а напротив, с крутого берега высотой метра три-четыре, ребятишки с разбегу прыгали вниз.

Как-то раз, когда мне было лет восемь, я подумал: а не научиться ли и мне прыгать головой вниз лучше всех старших купальщиков? И чтобы их удивить и доказать, что я не маленький, поздно вечером, когда на реке никого не было, я переплыл Дёму и один обследовал глубину дна рядом с крутым берегом. Убедившись, что головой вниз долечу до воды и не упрусь в дно, я решил тренироваться. Отойдя метров на десять от края берега, я разгоняюсь и головой вниз лечу в воду. Но головой я в воду не вошел, а упал плашмя пузом. Мгновенно боль ожгла все тело от лица до ног, и я кое-как доплыл до берега. Посидел, боль прошла, и я, не испугавшись того, что со мной случилось и не думая о том, что может еще что-то произойти, продолжил свои попытки. На этот раз лечу прямо головой вниз, но при заходе в воду ноги перегнули мое тело вперед, и я дугой ухожу вглубь. Пронзительная боль в спине парализовала меня, я вынырнул чуть живой и кое-как ватными руками догреб до берега. Долго сидел, обняв колени, думал и понял, что из меня ныряльщик не выйдет. Боль в позвоночнике немного утихла, я медленно переплыл на свой берег и поплелся в темноте домой. Эта боль дает знать о себе до сих пор. Как выяснилось много лет спустя, после моих прыжков на Дёме в позвоночнике сместились несколько позвонков, и я так и хожу с ними всю жизнь. Правда, мне это не помешало работать в экспедициях с рюкзаком за плечами, но каждый раз, когда приходилось предпринимать что-либо рискованное в маршрутах, я всегда вспоминал урок, полученный на Дёме. Он очень и очень пригодился в тайге. После него я на всю жизнь запомнил исконно русскую пословицу: «Семь раз отмерь, один раз отрежь», которая меня не раз спасала.

Возвращаясь назад по берегу, я остановился там, где когда-то частенько сидел рыбак с удочками, и мы курили около него в кустах. И я вспомнил еще один примечательный урок, связанный с этим местом, который преподал мне мой отец Николай Прокофьевич. Так вот, будучи еще пятилетним сорванцом, с двумя своими друзьями я однажды спрятался в тех же кустах,

Книга 2023.indd 50-51 5/3/23 19:33

и мы раскуривали подобранный на дороге окурок цигарки. Каждый из нас, курнув разок, передавал окурок другому. Увлекшись этим греховным делом, мы не заметили стоящего над нами мужика. И вдруг кто-то крепко берет мое ухо и тянет меня вверх. Я, сжав зубы, чтобы не вскрикнуть от боли, поднимаюсь следом за ухом и вижу перед собой отца. Мои друзья мгновенно скрылись, как воробьи, напуганные коршуном. Отец, крепко держа левой рукой мое ухо, поднял свой огромный указательный палец правой руки и, качая им перед моим носом, сказал: «Ну, Вовка, смотри, увижу еще раз с окурком, буду сечь тебя мелкой крапивой каждый день. А теперь беги к своим курильщикам и скажи им, что с их отцами будем сечь вас троих голых при народе»—и отпустил мое ухо. А за неделю до этой встречи с отцом бабушка меня уже посекла самой жгучей крапивой с мелкими листьями за то, что я с соседом пытался во дворе поджечь скирд кизяка. И я, уже зная, что это за крапива, после первого наказания очень долго не прикасался к спичкам, а после второго обещанного наказания начал курить только где-то в десятом классе, но, к большому сожалению, отец уже не мог посечь меня крапивой, его давно не было на белом свете. Он пропал без вести в 1941 году в первые же месяцы войны где-то на западе.

Вспомнив об отце, которого я потерял в шесть лет, я пошел грустный по левому берегу Дёмы в сторону старого деревянного моста, пытаясь обнаружить те места на берегу и на воде, где происходили какие-либо памятные события. Но найти их было практически невозможно: сквозь густые деревья не было видно ни воды, ни того берега. И все-таки я остановился против Гудучки, начало протоки которой я не видел, но помнил, что где-то там, на высоком берегу, была общественная баня. Продравшись через кусты, я остановился около воды и не обнаружил на том берегу ничего похожего на то, что было в прошлом. В то время в этом месте Дёма была намного шире, и там, на повороте протоки, в ней был небольшой, часто открывающийся, когда вода спадала, островок песка. В низкую воду он соединялся с пологим песчаным берегом, на котором часто загорали малыши. На том же берегу, повыше, во время войны моя мать сажала капусту, и я, поскольку часто любил обитать рядом с Гудучкой, где на отмелях мы ловили пескарей, должен был поливать эту капусту все лето. Капуста вырастала плотная, ядреная, и наша семья, жившая в ту пору уже на Казанской улице, засаливала этой капусты две кадушки емкостью по двести литров каждая. И я помню, в них же мать

укладывала нарезанные куски тыквы, которые к середине зимы становились по вкусу похожи на моченые яблоки, впервые опробованные мной много позже в Харькове.

Но я остановился здесь по другому поводу. В этом месте в начале ноября мы, ребятишки, на своих «снегурках» начинали кататься по льду, как только он появлялся, практически до первого снега. Одной из наших забав было лихо переезжать места с самым тонким льдом, хвалясь друг перед другом своей смелостью. Не каждый решался пересекать такие места, когда лед под тобой незаметно прогибался, потрескивал, и после твоего проезда оставались тонкие белые трещины, расходившиеся от следа коньков. Несмотря на скорость, в те десятые доли секунды на тонком льду сердце успевало уйти в пятки. А когда ты выскакивал на твердый лед, восторг пронизывал все твое тело, и это было большим удовольствием и возможностью получить заряд адреналина, открытого медициной много позже. И вот как-то раз, после нескольких удачных проездов своих и моих друзей, я решил проехать по самому тонкому льду. Как следует разогнался, но примерно на середине услышал частый треск тонкого льда, и не успел я выскочить на твердое место, как лед подо мной стал распадаться, и я оказался в воде. Страх охватил меня. Но вдруг я встал на дно, и опять восторг пронизал меня от такой удачи. Вода была всего лишь по грудь, и мои друзья с помощью жерди, выломанной из плетня ближайшего огорода, помогли мне вылезти на лед. Ну что было делать? Сняв коньки, мы побежали все в избушку пятой бригады, где всегда был дежурный конюх и всегда топилась печка. Кое-как обсушившись, я часа через четыре вернулся с друзьями домой. Увидев мои недосушенные валенки, мать поняла, что со мною случилось, но не ругала, а только сказала, что любое дело надо делать аккуратно и перед этим хорошо подумать.

Забыв уже об уроке с отцом и моем купании, я пошел дальше по берегу, по-прежнему не видя Дёмы из-за деревьев. И вот оно, то место реки, где каждое лето строился мост. Мост был деревянный, с поручнями, и по нему было удобно переходить с берега на берег. Он располагался очень удачно: широкая улица, идущая от клуба, упиралась в Дёму и продолжалась мостом. А перейдя через реку, дальше можно было идти по лесу, по нахоженной широкой тропе, до самого Затона. Мы, ребятишки, с нетерпением ждали, когда мужики возведут этот мост, и он станет дорогой к познанию того, что располагалось за ближайшей околицей села, как нам казалось тогда, за широкой Дёмой.

Книга 2023.indd 52-53 5/3/23 19:33

Там, перед Затоном, бывшим древним руслом реки, были огуречные поля колхоза «Путь Ильича», а наверху, на холмах,—колхозные бахчи, а дальше, в районе знаменитой горы Маньяк,—леса с клубникой. И, конечно, все эти места были для нас невероятно притягательны, и туда мы с середины июля совершали набеги. Глядя на воду, я вспомнил праздники, называемые маевками, которые устраивали руководители района в первой половине лета. Эти праздничные сходки происходили за мостом в лесу, где на гуляния собиралась масса нарядных людей. Появлялись какие-то палатки, где продавались конфеты, печенье и всякие непонятные нам сладости, которые мы, дети, выросшие без них, никогда не видевшие и не пробовавшие ничего подобного, как воробьи, пытались стибрить у зазевавшихся продавцов. Это нам не всегда удавалось, но если уж что-нибудь утаскивали, то делили между собой поровну и с особой радостью.

Иду дальше и опять вдоль так надоевшего леса. И вот наконец-то поляна, и на ней стадион рядом с теми самыми качелями, называемыми новым мостом. Слева от моста небольшой открытый берег, уже загаженный остатками костра, бутылками и почему-то одним сапогом, валяющимся посередине, как оказалось, пляжа районного масштаба. Я постоял, озираясь: как раз где-то неподалеку на той стороне и был пологий песчаный берег, на котором мы, уже будучи студентами, проводили все свое время на каникулах, лениво валяясь на песке и отлынивая от домашней работы. Нередко взбадривали себя «Московской» и закусывали витаминами, прихваченными дома с грядок. Немного поддав, бросались в воду за прохладой, а потом опять удобно устраивались, как тюлени, подремывая. Это ленивое безделье изредка прерывалось соревнованием, кто дальше нырнет или быстрее переплывет Дёму. Отвалявшись до вечера на песке, все расходились по домам подкрепиться, а потом уже отправлялись на танцы в клуб, туда, где сейчас размещается краеведческий музей.

В ту пору в городах, где мы учились, уже был в моде фокстрот, и мы танцевали его, выпендриваясь кто как мог. Мы уже носили клетчатые рубашки навыпуск, узкие брюки, туфли чешской фабрики «Батя» на толстой подошве, длинные волосы, зачесанные интегралом, и вызывали своим видом возмущение местных моралистов из комсомола. Нас, таких, даже девчонки из Оренбургского пединститута и некоторые наши одноклассники сторонились, называя ругательным словом «стиляги». Но все-таки у односельчан мы

были в фаворе, а больше нам ничего не надо было. Нас замечали, отличали, тетушки ругали, а местные парни даже пытались поставить нас на место, задирались. На эти придирки мы очень легко реагировали и с большой охотой показывали им это место. Каждый из нас, учась в том или ином институте, занимался каким-либо спортом, и эти стычки были для нас только в радость.

Неподалеку от клуба, примерно там, где сейчас винный магазин, была волейбольная площадка, и, дожидаясь танцев, мы часто играли в волейбол. Футболом мы тогда уже не занимались, не было того азарта, чтобы бегать и пинать какой-то мяч «батиными» туфлями. Да и играть уже было негде. Площадь между райкомом и клубом мы, десятиклассники, осенью 1951 года под руководством выдающегося нашего физика и математика Михаила Кирилловича Юдина засадили деревьями, поскольку местное начальство собиралось там сделать настоящий парк. И вот однажды, перед игрой в волейбол, я снял с себя полосатую новую и дорогую рубашку с короткими рукавами и бросил ее с курткой за площадкой, где валялась одежда других игроков. Недалеко пасся теленок, и никто на него не обращал внимания, и теленок на нас тоже. Досыта поиграв, решили идти на танцы. Я первый подхожу к одежде и вижу свою новую рубашку, свисающую из пасти теленка, и он ее спокойно жует, стоя рядом с другими, не менее привлекательными жевательными тряпками. Я азартно схватился за рубашку и выдернул ее из пасти теленка, а теленок ничего не понял и снова потянулся за своим вкусным сагусом (татарская жвачка). Какой-то хворостиной я хлестнул теленка по морде, и он отбежал. Расправляю рубашку и вижу: правый короткий рукав отжеван буквально полностью. Мать честная, как идти на танцы? Все одевающиеся рядом начали весело ржать и, наржавшись по-русски, только потом стали искренне сочувствовать и задавать дурацкий вопрос, а как же я теперь пойду на танцы. Ну что я мог ответить? Злой, я спокойно надел рубашку, расправил ее на себе, кроме рукава на правой руке, надел куртку, и, опять став со своим громадным чубом тем же харьковским студентом, произнес: «Ну что, олухи, ничего не случилось, пошли выпендриваться?!» Я действительно в ту пору носил густую и длинную шапку волос, которую очень хотели в институте убрать махровые комсомольцы, а дома—моя мама Прасковья Лукьяновна. Несколько раз она пыталась ночью меня сонного ножницами лишить моего достоинства, которое я носил с гордостью.

После встречи с теленком я долго еще ходил в институт в этой рубаш-

Книга 2023.indd 54-55 5/3/23 19:33

ке с отжеванным рукавом под пиджаком, пока не выбросил. Но, конечно, я никогда не снимал пиджак, объясняя всем, что не хочу показывать раны, нанесенные мне разъяренным быком.

Вспомнив наши студенческие дни на пляже, я еще долго стоял на новом мосту и смотрел вдоль русла Дёмы, и невольно в памяти возник плывущий кролем человек, который мощным телом разваливал спокойную гладь воды на две волны, идущие вдоль реки. Это был средних лет глухонемой мужик с торсом Геркулеса. Он мог за раз перенырнуть Дёму без труда. Когда он приходил купаться, все присутствующие на берегу собирались в толпу, чтобы глядеть, как он наслаждается своими движениями в воде. Подходя к берегу и нигде не останавливаясь, он молча бросался в воду и, накупавшись, так же молча уходил с реки. Он жил где-то неподалеку и летом появлялся на берегу ежедневно. Для нас, огольцов, он был знаменитостью реки Дёмы. Его плавание вызывало в нас восторг и особое восхищение. Я не помню, чтобы мы видели его где-то в райцентре или чтобы он общался с кем-то. Он для нас всегда был таинственным человеком, который появлялся только летом на Дёме, поражая всех своими переплетенными мышцами. Я отметил про себя, что уже тогда, в далеком моем детстве, где-то в глубине степей был человек, явившийся одним из предвестников занятий бодибилдингом.

Постояв еще с минуту, я пошел дальше вдоль реки. Дёма от меня все так же была отодвинута зарослями деревьев. По дороге отметил только место, где мы с Вовкой Семечкиным и Толькой Мананниковым испытывали нашу самодельную пушку, о чем я расскажу позже. Пройдя метров двести, я спустился к воде и посмотрел на тот берег, за которым тогда было озерко, называемое Карасевым озером. Там мы часто ловили карасей и тут же в лесу из них варили уху. Прежде чем тащить бредень, мы заходили в воду и долго топтались по дну, поднимая тину ногами и взмучивая воду. Мы знали хорошо, что карась начинает ходить только в мутной воде, и, когда она становилась таковой, мы маленьким бреднем иногда добывали до ведра карасей. Такой улов для нас был праздником, и мы до самого вечера сидели у костра, объедаясь ухой. Я с улыбкой вспомнил эти прекрасные дни и пошел дальше. Живо это озеро или нет, но, если мне доведется еще приехать в Пономаревку, я обязательно поищу его или хотя бы то место, где мы были счастливы.

Рыбалкой во время войны и после нее мы занимались азартно. В ту пору наша семья уже жила на Казанской улице, где наша мать, Прасковья Лукьяновна, купила дом после ухода отца на фронт. Как жили мы—бабушка Настасья Федоровна, старшие братья Дмитрий, Петр, Шурка и сестра Женька, я расскажу позже. Сейчас же упомяну только о том, что, живя там, на самой безводной улице, мы ходили за двести метров за водой в переулок к Сказиным. Колодцем, расположенным на краю их огорода, пользовались все живущие в округе. Из него мы таскали на себе и на санках воду прежде всего для скотины, которую держала мать. Надо было ежедневно напоить в первую очередь корову, теленка, пять овец, а потом уже нас семерых. Мать умела занимать всех работой, даже нас, маленьких, вечно отлынивающих от нее, и мы общими усилиями справлялись с этими ежедневными домашними делами. Заготовку и привозку сена и дров мы, пацаны, и не считали за работу и ежегодно занимались этим, живя в балаганах в лесах под Островкой под присмотром лесника Петра Логинова, друга отца.

Несмотря на все эти домашние заботы, старший брат Петр сумел как-то приобрести семиметровый бредень, связанный жившим неподалеку старым мастером плетения различных сетей и неводов. Ловля рыбы была еще одним нашим промыслом, и мать это поощряла и жарила плотву с яйцами и сметаной раз в неделю. Как правило, Петька, как самый старший, с каким-нибудь своим другом тянули бредень, а мы с Шуркой (на пять и семь лет моложе брата) загоняли рыбу. Со временем Шурка стал сильно сачковать, и мы большей частью втроем занимались рыбалкой. Самой большой проблемой в этой рыбалке было отстоять места, где кормилась рыба и где дно без коряг, удобное для протаскивания бредня. Нашими основными конкурентами были ребятишки семьи Зуевых, живших на Ленинской улице. Сколько их там было, я не помню. Это скорее были ровесники Петра, и он с ними на Дёме, как правило, не ладил. Но когда они немного повзрослели и начали женихаться, то стали друзьями.

Я же, как самый маленький в семье, кроме того, что был загонщиком при бредне, увлекался также ловлей рыбы на удочку, добывая с соседом и другом Вовкой Нагибиным плотву и пескарей. Мы выискивали места, где ловилась эта мелочь, и по мере возможности отстаивали их перед конкурентами. Мы знали все рыбные места на Дёме—от Гудучки и до Шума, до порога, который находился ниже пятой фермы. За этим порогом властвовали уже ребятишки из Самодуровки, окраины села. Однажды нам пришла в голову мысль их побеспокоить. Высмотрели одно место, где самодуровские всегда удачно ловили плотву и где в крутом берегу они выкопали укрытия и там ночевали. И вот мы с Нагибиным и Женькой Докучаевым решили попытать

Книга 2023.indd 56-57 5/3/23 19:33

рыбацкое счастье на чужом берегу с ночевкой в их укрытиях. Прибыли вечером, расставили, помню, около девяти удочек, вскоре поймали плотву на уху, которую тут же приготовили на костре, и, весело натрепавшись о нашем улове, завалились спать в выкопанных норах. Утром солнце уперлось в наши две пещеры, и мы быстро, не сговариваясь, подскочили к удочкам и увидели, что их нет. Все удилища с лесками и крючками, которыми в ту пору мы очень дорожили, сперли ночью самодуровские вместе с нашей рыбой, болтающейся на кукане. Печальные, пожевав сухой хлеб, мы вернулись на свою Дёму и более никогда не спускались ниже Шума на чужую территорию. Но этим дело не кончилось. Подвалил как-то случай отомстить за ту рыбалку.

Речка Саадак, всего лишь в каких-то четырех-пяти километрах от Пономаревки, всегда была для нас притягательным рыбным местом, где мы бреднем добывали за один день до двух ведер рыбы. И вот как-то раз я, мой брат Петр и его друг Минька, живший рядом в переулке, отправились, как всегда, на Саадак, на эти рыбные места, которые Петр и Минька оберегали. Подошли к берегу, где мы часто тянули бредень, и видим: двое парнишек вытаскивают из реки верши и их проверяют. Петр и Минька, как я понял, на этот раз были настоящими речными пиратами. Они подходят, останавливаются и смотрят, как парнишки выбирают плотву из вершей. Минька грозно спрашивает: «Чьи такие, откудова вы такие наглые? Вы чьи верши проверяете?» Мальчишки поднимаются и заносчиво отвечают, что они самодуровские и проверяют свои верши. Подходит Петр к одному, берет его рубашку в комок на груди и произносит: «Запомните! Все места на Саадаке—наши, верши тоже наши», отпускает рубашку, сильно толкает парнишку в плечо, и тот летит под берег в воду. Парень этого никак не ожидал, вылез из воды, стал раздеваться и отжимать одежду. И тут Минька по-доброму произнес: «Забирайте наши верши, мы их дарим вам, и чтобы больше никогда нам не попадались». Я стоял и молча наблюдал неожиданную разборку рыбаков и наслаждался тем, что брат с другом отомстили самодуровским за кражу наших удочек.

Больше мне не приходилось встречаться с самодуровскими, которые уяснили свои границы на Дёме, а на Саадак они просто не совались. Наши на речке бывали раза по два за неделю, так как казанским ребятишкам Саадак был ближе и роднее, чем Дёма, и никто с ними связываться не хотел.

Но этой стычкой наш день не закончился. Походив с бреднем в отвоеванной воде и практически ничего не поймав, Петр и Минька решили идти

на Дёму. Они не считали хозяевами там самодуровских и спокойно шли на известные им места. Проходим высокий дощатый сарай бывшей мельницы, работавшей когда-то на дизельном тракторном моторе. Идем дальше. Скоро уже Дёма, и видим: по дороге от нее идут двое парнишек и толкают перед собой тележку с большой корзиной и свернутым бреднем. Петр и Минька останавливают их с неподдельной радостью. Здороваются с ними, жмут им руки. Я помню, это были парнишки из семьи Зуевых. Они растерянно и с неохотой ответили на рукопожатие и попытались уйти. Петр остановил их и стал расспрашивать, как прошла рыбалка. Потом снял мешок, прикрывающий корзину сверху. «Мать честная, вот это улов,—вздохнул Петр.—Минька, что стоишь, ничего не делаешь?» Минька сразу же сообразил, что надо делать. Он растопырил свой мешок, и мой брат, речной разбойник, перекинул в него несколько крупных щук и окуней. «Мужики, молодцы, конечно, делиться надо со своими»,—произнес Петр и пожелал Зуйкам успешно довезти рыбу до дома.

Рыбалка на Дёме и на Саадаке была самым счастливым временем моего раннего детства, отметил я про себя и пошел дальше по берегу. Дошел до места, где когда-то располагался промкомбинат. Этого сооружения, где обрабатывалась древесина, готовился пиловочный материал и делались всякие поделки из него, я не обнаружил. Ну и бог с ним, кто-то где-то в Пономаревке, уже теперь частник, занимается этим деревянным делом, и я желаю ему успехов.

Продвигаясь дальше, я уперся в дорогу с твердым асфальтовым покрытием, идущую к Дёме. Увидел великолепный мост на тот берег и, конечно, обрадовался и такой дороге, и такому мосту. Наконец-то в Пономаревке появился мост, соединяющий все деревни на той стороне—Островку, Ильиновку, Деготлю, Красную Зарю, Александровское, Макушкино, Кузлы, Яругу, Максимовку и другие—с райцентром. Не надо теперь строить каждый год мост в Наурузово после того, как пройдет весеннее половодье и уйдут воды с лугов. Но, увы, как я узнал чуть позже, эта асфальтированная дорога идет только до моста, а далее, грунтовая, слабо покрытая щебенкой, идет в пустоту, на территории, где этих деревень давно уже нет, кроме Максимовки, моей деревни, где я родился. Хотя родился я даже не в Максимовке, а на хуторе Оторвановка, расположенном на склоне горы в километре от деревни.

Книга 2023.indd 58-59 5/3/23 19:33

Изба на хуторе Оторвановка, в которой я родился. Она задолго до войны построена моим дедом Прокофием Федоровичем и бабушкой Настасьей Федоровной.

Хутор Оторвановка

Вечером мое знакомство с современной Пономаревкой и берегами Дёмы закончилось асфальтированной дорогой перед мостом. Дальше начиналась околица села. Наутро мы втроем, моя жена Полина, внучатый племянник Шурик и я, подъехали к новой постоянно действующей переправе. Я обратил внимание на основательность и надежность изделия научно-технического прогресса, которое обеспечило круглогодичный доступ населения, живущего за Дёмой в многочисленных деревнях, к привилегиям районного центра. На строительство этого маленького, двадцатиметрового, но стратегически важного сооружения, судя по всему, руководители района в течение длительного времени затрачивали немало энергии и нервов, что вызвало во мне искреннюю радость. Теперь уже, конечно, мало кто помнит, а мои попутчики никогда и не знали, что неподалеку отсюда, в деревне Наурузово, со времени образования Пономаревки в 1807 году после весеннего паводка и возвращения Дёмы в свои берега наводился деревянный мост, и только после этого можно было попасть в деревни на той стороне реки. Поэтому я испытал восторг от работы своих земляков и уверился в том, что далее мы увидим еще немало подобных радостных сюрпризов.

Переезжаем речку. Асфальт закончился, началась щебенка, которая повела нас в гору, повернула направо, и потом вдоль широкой поймы Дёмы мы попылили по обычной российской дороге, посыпанной мелким гравием.

Я сидел на переднем сиденье, и грусть, появившаяся при виде этой дороги, сменилась радостью от того, что впереди нас никто не ковылял на «Запорожце» и не застилал наше стекло пылью, и мы с удовольствием дышали прозрачным степным воздухом, насыщенным запахом полыни и меда. Правда, досадуя и матерясь на смену скорости из-за часто встречающихся рытвин

Книга 2023.indd 60-61 5/3/23 19:33

и канав, мы каждый раз вспоминали известные слова великого Гоголя: «В России две беды—дураки и дороги». Возьму на себя смелость добавить к его высказыванию с учетом нынешнего времени: «Россия и без дураков до сих пор, за двести лет, так и не построила хороших дорог». Если бы Николай Васильевич ехал с нами, он с моей вольностью согласился бы, подпрыгивая и заваливаясь даже на машине с иностранными подвесками.

Проехав часть пути и привыкнув к нашей классической дороге, я стал разглядывать луга и озера поймы, где когда-то бродил один или с Сашкой Курдюмовым, пытаясь добыть утку. У меня была тогда настоящая берданка, а у него—двустволка, которую давал ему отец, заядлый охотник. Конечно, ему больше везло с таким-то ружьем, чему я сильно завидовал, но это никак не влияло на нашу дружбу. И каждую весну, в течение трех лет, как только появлялись утки на озерах, мы рано утром, еще потемну, наслушавшись уханья филина в уреме, отправлялись в известные нам места. И вот сейчас, глядя сверху на пойму, я увидел примерно то место, где впервые встретился с гадюкой.

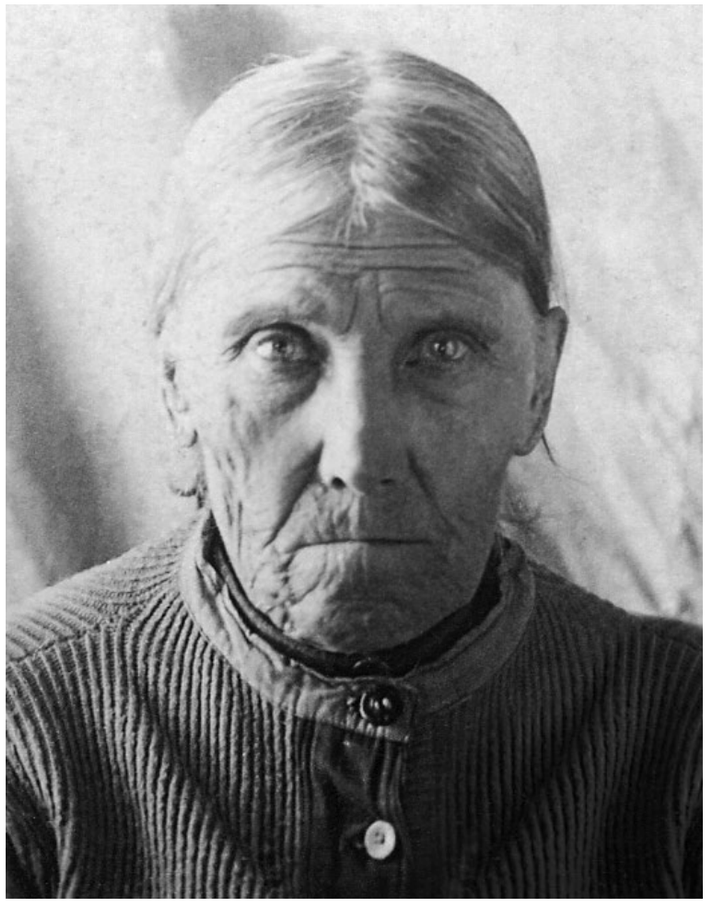
Сильно согнувшись, чуть не ползком, я осторожно подбирался по сухому склону к берегу озера, где плавали чирки. Я был так занят ими, что не заметил впереди свернувшейся змеи. И только когда поравнялся с ней, услышал шипение и, резко повернув голову в сторону звука, увидел на камне змею в метре от моей ноги. Она лежала, свернувшись в кольцо, из центра которого торчала вверх голова и шипела. Оцепеневший, я долго смотрел, не моргая, в ее, как мне казалось, огромные и прозрачные глаза строгой хозяйки серых камней, боясь двинуться и что-либо предпринять. Но змея, видимо, поняв, что я ей не враг и сильнее ее, еще секунды две пошипела, расправилась и спокойно поползла от меня, скрывшись в ближайшей норе. А впоследствии в тайге я однажды наткнулся на медведя. Не доходя до малинника на гари, вижу, как из него вдруг поднимается громадная туша. Я остановился, оцепенев так же, как перед змеей, и не отводил глаз от медвежьей морды с темными дырками. Никто из нас не двигался, и мы стояли как истуканы на острове Пасха. У меня на правом плече висел карабин, но я даже не попытался им воспользоваться. Я знал, что любое мое движение всего лишь в десяти метрах от зверя с невероятно резкой реакцией могло быть для меня губительным. Даже не успев снять карабин и передвинуть затвор, я уже был бы под брюхом этого зверя. И если бы даже сумел выстрелить и попасть в него и

выстрел этот для медведя был бы смертельным, он успел бы перед смертью разорвать меня в клочья. Памятуя о змее, я продолжал смотреть на медведя, не двигаясь. Медведь, видимо, узнав во мне, в человеке, его сильного вечного врага, недовольно опустился на четвереньки, повернулся и быстро скрылся в зарослях. Я осторожно сел на валежину и стал оттаивать от оцепенения. Сильная дрожь захлестнула мое тело, холодный пот бежал по спине. Я сидел долго, пока не очухался.

Намного позже я где-то прочитал, что такой хищник, как медведь, будучи здоровым и сытым, человека не трогает, если тот не предпринимает каких-либо движений, угрожающих его покою, или не ведет себя как жертва, убегающая от него. К наиболее опасным для человека в тайге относятся медведи-шатуны, медведицы с медвежатами, старые беззубые голодные особи и подранки. Исход от встречи с одним из них будет всегда печален. Вероятнее всего, человек погибнет, но если ему повезет и он выживет, то останется навсегда калекой. У нас в экспедициях были встречи с такими медведями. И когда я проводил с рабочими занятия по технике безопасности в тайге, говоря о встречах с таежными животными, я всегда рассказывал об этих двух случаях, один из которых произошел здесь на лугах, напротив деревни Наурузово. При этом я всегда напоминал, что все хищники, какого бы они размера ни были, опасны для человека и обязательно надо знать, как защищаться от их нападения.

В конце лугов мы свернули влево, и дорога пошла в гору. Я ехал на совсем маленькую свою родину, в километре от деревни Максимовки, на хутор Оторвановка, где я родился. Едем по увалу, где когда-то внизу у ручья одна за другой располагались три татарские деревни. Даже каких-либо следов их пребывания здесь я уже не увидел. И вот он хутор, мой дом, мое родовое гнездо, которое когда-то основали мои тамбовские пращуры. Дом пятистенный, того же размера, но теперь уже под железной крышей. Старую нашу избу, покрытую еще соломой, я застал последний раз в 1969 году. Но отрадно видеть сейчас против этого нового дома сохранившуюся рубленую и обмазанную глиной избушку без окон, построенную моим дедом, в погребе которой хранилась раньше и сейчас хранится заготовленные на зиму картошка и квашеная капуста. В этих местах такие сооружения называются погребкой, в летнее время здесь обычно обитает молодежь. Зайдя в дом по приглашению хозяина, я увидел, что, с тех пор как наша семья выехала из него в 1939 году,

Книга 2023.indd 62-63 5/3/23 19:33



Моя бабушка Настасья Федоровна Седых (в девичестве Широбокова)—мать моего отца Николая и пятерых его сестер—Анны, Агафьи, Феклы, Фени, Натальи.

Погребка, построенная вместе с избой, сохранившаяся до сих пор. В погребке хранилась картошка, квашеная капуста и другие овощи, а наверху—всякая хозяйственная утварь. В летнее время молодежь ее использовала как избу отдыха. 2013 год.

Книга 2023.indd 64-65 5/3/23 19:33

Моя тетя Агафья Прокофьевна Седых (1893–1992). Студентка педагогического училища в Оренбурге и (справа) в 30-е годы, занимающаяся библиотечным делом в институтах Харькова.

Агафья Прокофьевна с мужем сербом Макаревичем на Донбассе в 20-е годы.

Книга 2023.indd 66-67 5/3/23 19:33

и после того, как я его посетил в 1969 году, в этом доме мало что изменилось. На том же самом месте стоит давно не беленная русская печь. Рядом и напротив на стенах на полках, которые местные жители называют грядками, под ситцевыми занавесками размещены миски, тарелки и прочая кухонная утварь. Здесь же между двух окон стоит большой стол с лавками, поставленный торцом к стене. За столом в углу висит икона, покрытая вышитым полотенцем. Далее дверь ведет в следующую комнату (горницу), такого же размера, как и первая. Гляжу на все это, и в памяти всплывает весь тот уклад, что был у нас в прошлом, и в то же время возникает вопрос: как такая семья, которая была у деда Прокофия с бабушкой Настасьей,—пять дочерей, один сын, а потом появившиеся внуки, могла размещаться в этой избе. Правда, дед дочерей одну за другой отдал замуж, но это никак не уменьшало количество домочадцев в избе. По мере ухода их в другие семьи здесь начали появляться уже дети моего отца и моей матери Прасковьи Лукьяновны: Дмитрий (1926), Петр (1928), Александр (1932), Владимир (1935). До рождения внучки Жени (1937) дед уже не дожил.

Как вспоминала моя мать, дед постоянно не без юмора говорил моему отцу: «Вот, Колька, запомни, каким ты будешь счастливым, когда у тебя вырастут четыре работника. На зависть всем ты будешь лежать под стогом сена и большим пальцем правой ноги указывать им, что надо делать. А вот мне, горемычному, от петухов и до петухов с твоей бабкой Настасьей надо было наяривать в поле, в лесу и избе и зарабатывать твоим сестрам на приданое». Отец всегда ухмылялся в ответ и строил с большевиками светлое будущее в Максимовке, будучи первым председателем сельского совета.

Дед Прокофий, отдав всех дочерей замуж к двадцатым годам прошлого века, зажил беззаботно за спиной сына, потихоньку забывая Боголюбовку, ухаживая только за домашней скотиной. Его подопечными были корова, теленок, несколько овец, куры, индюки и гуси. Всю эту живность я еле-еле помню, но вот гуси остались в моей памяти навсегда. Во дворе у нас, как у всех деревенских, в ту пору была всегда куча навоза. К лету его образовывалась большая гора, из которой готовился материал для изготовления кизяка. Для этого в кучу навоза заводили лошадь, и она своими ногами месила навоз. Потом кизяк, сформованный в кирпичи, сушился, и им топили русские печи. И я летом, будучи совсем маленьким, повадился ходить за эту кучу в туалет, скрываясь от посторонних глаз. И вот как-то раз, сняв короткие штанишки,

сажусь на привычное место, не обращая никакого внимания на стаю наших гусей, пасущихся вблизи. Вдруг гусак, громко шипя, подбежал ко мне и резко щипнул клювом за голую задницу. Я взвизгнул, подскочил и отпрыгнул от него. А он, выпрямив шею и вытянув клюв, с шипением стал опять надвигаться на меня. Конечно, я тотчас удрал, на ходу подтягивая штаны, а гусь, довольно гогоча, вернулся к своим подругам. Помня об этом уроке, преподнесенном мне гусаком, в экспедициях, когда начинали обустраивать табор в тайге, одним из первых заданий, которое я давал бичам, было построить добротный туалет.

Втроем выйдя из дома, мы невольно остановились, глядя на просторы, открывшиеся перед нами. Солнце на синем небе с мелкими белыми хлопьями тучек густым ярким светом заливало желтовато-серую увалистую степь, распростертую от нашей старой погребки, которая уходила далеко-далеко и где-то там впереди, окрашиваясь в голубой цвет, смыкалась с горизонтом. Давным–давно еще Тарас Шевченко нечто подобное изобразил на одном из своих полотен, находясь в ссылке в диких степях Оренбуржья. Склон увала, на котором стоит хутор, начинаясь от дома, постепенно снижается к полноводному ручью, закрытому широкой полосой гигантских тополей и древовидной ивы, далее из-за них появляется встречный пологий склон горы под названием Титула, закрывающей Максимовку, расположенную внизу за ней.

Посмотрев еще раз на забытый ландшафт, я вспомнил наш огород за погребкой, занимающий участок длиной метров сто и упирающийся в ручей.

Летом в хорошую погоду ужин из домашней лапши, кулеша или сливной каши бабушка Настасья готовила на берегу рядом с водой. Чугун ставился на таган, представляющий собой кольцо с прикрепленными к нему тремя ножками длиной двадцать–тридцать сантиметров. Под ним разводился костер, пламя которого обволакивало чугун до середины. Мы, все братья, обычно располагались вокруг этой кашеварной печи и с удовольствием наблюдали за мечущимися языками пламени, молча ожидая еду и слушая перепелку, которая неподалеку бубнила одно и то же: «Спать пора, спать пора . . . » Баловаться рядом с огнем бабушка нам строго запрещала, грозя неслуха оставить без ужина. Здесь же, в двух метрах от костра, расстилались на траве две дерюги, и мы всей семьей лежали на них, дуя на горячую лапшу или кашу и уплетая их деревянными ложками из одной большой чашки. Всем больше всего нравилась горячая сливная каша, круто заправленная

Книга 2023.indd 68-69 5/3/23 19:33

маслом, которую мы запивали холодной ключевой водой. Лапшу же хлебали, заедая горбушками ржаного хлеба собственного изготовления на поду русской печи. Установлено, что этот ржаной хлеб является самым питательным и душистым и благодаря этим свойствам в настоящее время в зарубежных городах пользуется наибольшим спросом. Правда, тот хлеб, который мы потребляли, был вкуснее и душистее нынешнего из магазина. Он выпекался только из муки нового урожая ржи. Бабушка, дождавшись, когда ее внуки оближут деревянные ложки, обычно ужин завершала возгласом: «Ну что, неслухи, наелись, а теперь кыш отседова и собирайтесь спать. А ты, Микка,— обращалась к самому старшему,—тащи дрова и воду, грей кипяток, и мы с тобой будем мыть посуду». Мать и отец обычно приходили позже и заканчивали ужин уже с бабушкой.

Перед отъездом из Оторвановки я грустно посмотрел на остатки изб, существовавших в былые времена на хуторе, постоял в раздумье, а потом вдруг пошел вокруг дома, пытаясь найти следы палисадника, в котором когда-то я умирал. Никаких признаков изгороди или деревьев я не нашел, но, пока их искал, более или менее ясно вспомнил, что рассказывала моя мать об этом печальном событии.

Будучи годовалым ребенком, когда моя жизнь проходила еще в люльке, в июне я сильно заболел дизентерией. Мать, бабушка и вся родня в Максимовке пытались спасти меня, леча всякими известными им подручными средствами. В деревне в ту пору не было ни медсестры, ни фельдшера и никакой аптеки. Я днями валялся в люльке в палисаднике, прикрытый сверху свисающими марлевыми занавесками. Все работали в поле, и только бабушка разгоняла вокруг меня мух, давала мне все, что можно пить, и закладывала в рот нажеванные семечки конопли, завернутые в ситцевые тряпочки. Вот тогда-то впервые я соприкоснулся с опиумом, которым деревенские всегда пользовались как обычным средством усыпления ребенка. Бабушка испробовала все травы, которыми можно было лечить эту болезнь, но ничего не помогало. Я потихоньку умирал. Бабушка и утром, и вечером молилась, прося бога совершить чудо, и ежедневно философски утешала свою сноху, говоря, что бог дал ребенка, бог и возьмет его к себе, и так будет с каждым из нас, появившимся на свет благодаря богу, и продолжала молиться, готовясь к похоронам. И тут, откуда ни возьмись, появляется моя самая старшая двоюродная сестра Наталья, первая дочь самой старшей моей тетки Анны.

Она, уже немного начитанная, засуетилась и стала на мне пробовать все рекомендации, которая вычитала из каких-то доступных ей медицинских книг. Однажды она прочитала про отвар из дубильных веществ, который может спасти больного. Сестра попросила бабушку приготовить свежий квас из отвара молодой коры, содранной с ветвей дубовой поросли в лесу, и сказала дать попить этот квас ребенку. И вот Вовке, то есть мне, дают свежий прохладный квас из погреба, и, как говорили все свидетели, я жадно уцепился ручонками за деревянный ковш и выпил все до дна. Видя это, мне стали давать ежедневно этот дубильный напиток, и я выжил и живу до сих пор. Уже став взрослым, я подумал, что это мое счастливое воскрешение произошло благодаря двум крещениям, через которые я прошел в один день через пять дней после рождения.

Я родился 5 июня 1935 года, а 10 июня племянница моего отца, моя вторая взрослая двоюродная сестра Марфуша от второй моей родной тетки Феклы Проскуряковой (в девичестве Седых) на телеге уезжала со своим женихом венчаться в какое-то село за двадцать километров, где была церковь. Это

Огород за погребкой, в конце которого в хорошую погоду бабушка варила ужин у ручья. На задном плане видна гора Титуля.

Книга 2023.indd 70-71 5/3/23 19:33

считалось недалеко, и жених и невеста намеревались вернуться домой в тот же день. Моя мать попросила Марфушу взять с собой Вовку и заодно с венчанием окрестить его у того же батюшки, нисколько не сомневаясь в простоте выполнения этой просьбы. Марфуша, также не сочтя просьбу тетки за особый труд, берет с собой пятидневного Вовку, то есть меня, у которого пупок только начал зарастать, и с женихом Васей Максимовым, моим будущим крестным отцом, радостно отправляется в церковь.

Десятого июня стояла великолепная погода, и ничего не предвещало ее изменения. Но, как писал Пушкин в «Капитанской дочке», в оренбургских степях в любое время неожиданно может начаться метель или дождь. Все наши люди, живущие здесь, к этому давно привыкли и не придавали какого-либо значения подобным природным явлениям. Правда, им нередко приходилось хоронить мерзляков, найденных в степи после пурги, жалея, что непогода застала их в местах, где не было возможности укрыться.

Как потом мне, уже взрослому, рассказывали мои крестные мать и отец, при выезде из Оторвановки над увалистой степью до самого горизонта было чистое небо с отдельными белыми облачками. И вдруг на середине пути тучи стали сгущаться, поднялся ветер, и через полчаса полил дождь как из ведра. Василий не растерялся, быстро отпряг лошадь и привязал ее к телеге с наветренной стороны, укрыв одной дерюгой. Потом оба тотчас залезли под телегу, накрывшись второй дерюгой, а меня Марфуша спрятала под свою огромную грудь, где я спокойно сосал опять же нажеванные конопляные семечки, завернутые в белую тряпочку. Через полчаса этот ливень внезапно прекратился, и мы все мокрые, как будто из купели, мои крестные—только от дождя, а я еще и описанный, покатили по степи в церковь венчаться и креститься. Но дождь был не простой: в степи, там, где пастухи не успели загнать мелкий скот в укрытие, много овец и особенно ягнят было побито градом. Вечером мы вернулись из церкви: Марфуша и Вася женатые, а я крещеный, завернутый в сухое одеяло, выданное попом. Впоследствии, каждый раз, когда мы встречались, моя крестная мать и крестный отец с удовольствием вспоминали о моей первой и второй купели, принятых в один день. Когда я вырос, для меня стало привычкой ежегодно начинать праздновать день рождения 5 июня, а заканчивать—10 июня, в день моих именин (как я это называю), согласно дате, записанной в паспорте. Двойное крещение в один день под штормовым дождем в степи и купели церкви дало мне за-

конное право праздновать день своего рождения и именины без перерыва в течение недели, благодаря венчанию моей двоюродной сестры Марфы Романовны Проскуряковой (в девичестве Седых) и Василия Алексеевича Максимова, жителей хутора Оторвановка.

Сидя на завалинке когда-то моего дома и слушая впервые историю освоения мной мира после появления на белый свет, начавшуюся именно здесь, в этом месте, и в степи за околицей, жена всплескивала руками. Я только улыбался, глядя на превращение городской рафинированной дамы с французским языком в простую деревенскую бабу, страстно и громко реагирующую на, как ей казалось, ужасные события, свершившиеся со мной в далеком прошлом. При этом, глядя на меня с печалью, она пыталась понять, в чем заключались радость и удовольствие жизни в прошлом и сейчас в этой лесостепной глухомани. На это я ответил, не задумываясь:

—Если бы здесь в округе были такие же асфальтированные дороги, как на русской Аляске в Америке, я выкупил бы у этого хозяина мой дом, восстановил бы на его месте избу, как она была в прошлом, и мы бы с тобой и американскими внуками приезжали сюда на две недели дышать прозрачным и медовым воздухом истории моей подлинной малой родины. Ладно, хватит переживать об этих событиях, лучше дойдем до моей троюродной сестры Шуры Верещагиной, которая всю жизнь работала заведующей почтой в Максимовке. Она много знает о местных людях, которые жили и с удовольствием живут в этой деревне и на этом хуторе, названном в далеком прошлом Оторвановкой.

Шура с мужем были дома. Они обрадовались нам, усадили за стол, щедро накормили, а потом мы вышли на улицу, уселись на лавочку и стали вспоминать нашу общую деревенскую родню. Когда мы наговорились о родственниках, я пустился в воспоминания о моем детстве на хуторе, дополнив их рассказами сотрудницы районного музея, имя которой, к сожалению, забыл.

Я совсем смутно помнил, что вот там, за дорогой, недалеко от нашего огорода вверх по ручью была водяная мельница, которая стояла на берегу искусственного водоема, созданного путем запруды ручья земляной плотиной. Из него текла вода по деревянному лотку и, падая на огромное колесо, вращала его. Колесо было соединено осью с жерновами, находившимися рядом в деревянной избушке, которые, перетирая зерно, превращали его в муку. Это сооружение было построено моим двоюродным дядей Гуреем Широбо-

Книга 2023.indd 72-73 5/3/23 19:33

ковым и его женой Васеной. Бабушка моя Настасья Широбокова, его родная тетка, очень любила своего самого умного племянника Гурея из отчаянного рода Широбоковых, знатного мельника, и его жену Василису. Василиса, или, как ее называли в деревне, Васена, рано потеряла своих родителей при переселении украинцев в Оренбургскую губернию. Девчонкой-сиротой она одно время батрачила у хозяина, выполняя всякую тяжелую домашнюю работу. И какой-то поп, увидев на замерзшем пруду полуголую девчонку, полощущую тяжелое тряпье в проруби, пожалел ее и, никому не говоря, украдкой увез к себе в далекую деревню. Мне неизвестно, искали или не искали ее хозяева, но через год поп решил легализовать украденную девчонку, привез ее в деревню Максимовку и устроил в качестве падчерицы к своей близкой родне. В этой семье ее приняли как родную дочь и вырастили из нее барышню хохлушку-Васену, ставшую невестой, а потом женой самого ценного гражданина Максимовки Гурея Широбокова. Первой у них появилась дочь Надежда, впоследствии фронтовичка, работавшая после войны в райкоме партии райцентра Пономаревки. Ее портрет можно видеть и сейчас на стенде краеведческого музея района, где она на фотографии вместе с писателем Александром Александровичем Фадеевым, депутатом Верховного Совета. У Васены и Гурея было еще двое сыновей—Сергей и Михаил, отчаянные парни. Как моя бабушка о них, еще юнцах, говорила: оба прямо в мою родню Широбоковых, всем известных разбойников Максимовки. Во время Гражданской войны одни мужики из Широбоковых воевали за белых, а другие, меньшая часть,—за красных. После 1939 года, когда мы жили уже в Пономаревке, дядя Гурей и тетя Васена часто приезжали в райцентр на базар продавать мед и останавливались всегда у нас. И все их посещения во время войны я помню как сладкие дни, когда мы ребятишками уплетали их мед. После войны они переехали в Пономаревку и жили недалеко от нас, а Мишка, их сын, учился со мной в школе.

К моему рассказу Шура добавила много подробностей о жизни этой семьи. Ее мама, тетя Вера, дружила с дядей Гуреем и Васеной и знала подробности их брака. Оказывается, тот поп, который увез в свою деревню украинскую сироту, окрестил ее и часто приезжал к ним в гости повидаться со своей крестницей.

Пока мы сидели на завалинке, к соседнему дому подъехала бортовая машина, из двора вышли люди и стали грузить в нее всякий домашний скарб.

Было понятно, что еще одна семья покидает Оторвановку, и стало опять грустно оттого, что в ближайшие обозримые годы этот хутор, когда-то населенный энергичными хозяевами местной земли, исчезнет.

Нам пора было ехать в следующую деревню, Ильиновку. С сожалением прервав беседу, мы навсегда расстались с Шурой и ее мужем, покинули Оторвановку и отправились дальше.

Сначала мы заехали в саму деревню Максимовку.

Максимовка, возникшая в 1807 году, когда-то была большой деревней, насчитывавшей в лучшие времена до тысячи жителей. Последние два десятилетия деревня начала активно разваливаться, о чем свидетельствовали наблюдавшиеся повсюду признаки упадка.

Въехав в деревню, мы остановились на месте бывшего дома моего деда и отца моей матери Лукьяна Ивановича, крепкого крестьянина, которого раскулачили за наличие в собственности швейной машинки «Зингер». Самое примечательное, что я запомнил со слов матери, это кулачные бои, проводившиеся раз в год перед его избой. Изба стояла в центре села, и к ней на Рождество стекались желающие помахать кулаками с обеих, примерно равных, сторон села. Руководители кулачных боев обычно заседали за столом у окна в горнице, где обсуждали правила проведения боев и способы наказания тех, кто нарушит эти правила.

Перед отъездом из деревни мы остановились около сельского совета у Доски почета, на которой прочитали, что больше всех погибло людей в этой деревне из рода Поповых—восемнадцать человек, а из рода Седых—тринадцать. И здесь я невольно вздохнул: если бы не было войны, сколько бы таких, как Поповы и Седых, появилось на этой земле, и облагородили они бы ее не хуже, чем фермеры в Америке. И к этому возрождению будут все время призывать наши пращуры, лежащие под обновленными крестами на кладбище, мимо которого мы проезжали, пока нынешнее поколение не возьмется за создание новой истории освоения этой дикой заволжской степи, которую каждый рожденный на ней называет своей малой родиной.

Книга 2023.indd 74-75 5/3/23 19:33

Мой двоюродный брат Дмитрий Романович Проскуряков—колхозник, баянист и «олигарх» деревни.

Деревенский музыкант

Итак, познакомившись на моей маленькой родине со светлым будущим, которое обещали построить партийные деятели с моими земляками, мы покатили в следующую деревню, Ильиновку, расположенную в пятнадцати километрах от деревни Максимовки. Когда-то там жили семьи моих родных теток Натальи и Феклы, переселившихся из Максимовки со своими мужьями в двадцатых годах прошлого века. Покидая Оторвановку, я обратил внимание на редкий лесной массив из молодых дубков, называемый Чепуховкой в те времена, когда на хуторе жила наша семья. Вероятно, такое название возникло от слова «чепуха»—чепуховый, плохой, лес. Этот лес посещали в основном люди с хутора. Здесь они косили обильную траву, собирали хворост для растопки, съедобные растения и ягоду: кислицу, борщевик, дикий лук, чеснок, сурепку, щавель, желуди, хмель, землянику, смородину, малину, ежевику. Бабушка Настасья заготавливала лекарственные травы и делала из них всякие чаи для лечения только ей известных хворей. Из некоторых трав она готовила мази для быстрого заживления ран: тщательно высушивала растения, размалывала их в пыль, а потом замешивала в гусиный жир. Этой мазью бабушка излечивала все раны на теле внуков, целыми днями пропадавших в лесу, в степи и у дяди Гурея Широбокова на мельнице. В Чепуховке отец каждую осень добывал зайцев с собакой Азой, а мать из них готовила великолепные пельмени. Проехали Чепуховку, и я решил заехать по дороге в один из логов, где когда-то располагалась самая красивая в этих местах деревня с названием Яруга.

Деревня находилась внизу распадка у ручья, питающегося многими местными родниками. С одной стороны она была огорожена крутой стеной яра, покрытого дубравой, а с другой—в сторону Максимовки поднимался

Книга 2023.indd 76-77 5/3/23 19:33

пологий склон лога с дубовыми и березовыми перелесками. В этой деревне в начале пятидесятых годов начинала учительствовать в начальной школе моя двоюродная сестра Катерина, дочь моей родной тетки Натальи. В ту древнюю пору, будучи в восьмом классе и активно занимаясь живописью, я для этой школы написал маслом картину на деревенскую тему, скопировав ее у какого-то русского художника.

Спустились в лог и не увидели там ни деревни, ни даже следов от нее. Настроение опять упало оттого, что мы снова едем по безлюдному месту, где когда-то кипела жизнь. Ну что делать, немного постояв и поозиравшись кругом, мы поехали дальше. Я, чтобы не искать давно забытые, а теперь совсем заросшие лесные дороги, решил ехать через деревню Островку, которая была на пути выезда на большую дорогу районного значения. И вот опять—совершенно пустое место, где когда-то на пологих увалах на краю лесных массивов располагалась Островка. В этой деревне с одной стороны жили русские, а с другой—на опушке леса, прижавшись к пруду,—чуваши. Но мы не увидели никаких признаков обитания ни тех, ни других.

Постоял около места, где был дом моих крестных матери и отца, живших долго в Островке после моего крещения. Потом остановились у дома лесника Петра Логинова, закадычного друга моего отца, переехавшего сюда из Максимовки. Он всячески помогал нам в заготовке дров и сена в его лесных массивах во время войны. И здесь я вспомнил презабавное событие, о котором не раз с юмором рассказывала мать. Это было осенью, когда наша семья уже жила в районе, а отец работал строителем и смотрителем Казанского тракта. Вернувшись вечером с какого-то районного совещания, он с порога с досадой высказал матери, что его не принимают в партию, потому что его жена—дочь кулака, владелица швейной машины «Зингер». Дочь кулака тотчас ответила с усмешкой: «Эх, Колька, Колька, вот если бы у тебя была жена—дочь дурака, тогда было бы понятно, почему тебя не принимают в партию. Ты что забыл, что ли, как пять лет назад, когда мы еще жили в Оторвановке, вы с Петькой Логиновым, пьяные охальники, на тарантасе, запряженном диким жеребцом твоего отца, пролетели мимо райкома, распевая бесстыжие частушки. Вот тогда-то райкомовские работники запомнили вашу матерщину и тебя вместе с ней очень хорошо. Так что помолчи с обвинениями райкома и давай лучше лепить пельмени из зайчатины, привезенной вчера Петькой». Делая пельмени, мать продолжала костерить мужа, а в конце заметила: «Ты

Райком партии в центре Пономаревки, мимо которого по молодости лихо прокатил мой отец со своим другом Петром Логиновым, распевая бесстыжие частушки.

Книга 2023.indd 78-79 5/3/23 19:33

только начал работать в районе, и, если новую работу будешь делать хорошо, из Оренбурга подскажут местным начальникам, когда тебе следует быть в партии». Улыбнувшись этим древним воспоминаниям о деревенских хулиганах, мы с хорошим настроением выехали на казенную дорогу и покатили в Ильиновку, оставляя за собой плотную рыжую пыль.

Едем вдоль небольших лесных массивов и полей, которые я хорошо помню еще с тех времен, когда мы с братьями Петром и Сашкой и матерью заготавливали сено для коровы, теленка и пяти овец. Мы жили в балаганах, покрытых сеном, и с утра до вечера косили, гребли, копнили. Тогда, будучи мальчишкой восьми—двенадцати лет, я варил кашу, мыл посуду, готовил дрова и разжигал костер. Мать нас всех троих научила косить и отбивать косы. Для того чтобы косить легко и чисто, дважды в день она отбивала косу, что было большим искусством, и сама она это делала мастерски. Во время работы в колхозе, когда ей приходилось косить с группой косцов, мать со своей самой большой косой всегда была метров на десять впереди мужчин, которые за ней не поспевали. Она не оставляла былинок на прокосе и укладывала траву в ровные ряды. В ту пору эти две недели, кстати сказать, тяжелого труда, для нас были просто праздником. Сенокос был для нас местом, где мы многому учились и где можно было показать свою силу, выносливость и умение жить в полевых условиях. Эта наука мне потом пригодилась. Она стала руководством к действию для комфортного обустройства жизни в тайге не только для себя, но и для рабочих-бичей, моих единомышленников и исполнителей таежных работ.

И вот она, Ильиновка! Она всегда была видна с горы далеко внизу на подъезде к ней. Отсюда открывались также увалистые лесостепные просторы, уходящие в Башкирию на горизонте. Эта деревня получила свое наименование от первопоселенца Ильи Филипповича Попова, женившегося на моей тетке Наталье Прокофьевне. Видимо, он из того рода восемнадцати Поповых, погибших на войне. Новая семья в Максимовке не имела земли и вынуждена была уехать на новые, еще необжитые места и приступить к освоению целины. Вслед за ними из Максимовки приехало много семей, и на берегу ручья возникла деревня с одной улицей и одним порядком домов, растянувшаяся на километр. У Поповых родилось четыре сына и две дочери, которые после войны со временем переехали в Уфу и Пономаревку. Вслед за Поповыми в Ильиновку переселилась семья Проскуряковых, состоявшая

из главы семьи дяди Романа и его жены Феклы, также моей родной тетки. У них родились три сына и две дочери. Впоследствии трое детей уехали в Челябинск, а двое, Петр и Дмитрий, остались жить в Ильиновке.

Я часто приезжал в детстве во время войны и после к моим родным теткам, и они меня встречали так приветливо, что я даже не понимал почему. Но позже все-таки понял. Я же был сыном их единственного брата, которого они обожали с детства. Семья Проскуряковых отличалась в деревне для всех непонятной исключительной честностью. Дядя Роман, обычный крестьянин, в 1947 году, будучи сторожем на току, ходил голодным и опухшим и чуть было не помер от истощения, находясь при зерне, растаскиваемом мышами и крысами. Сейчас, да и тогда для всех было непонятно, страх или врожденная и воспитанная его отцом честность не позволяли ему брать чужое зерно и хотя бы в сыром виде его потреблять.

Проезжая деревню с забитыми окнами домов, мы из полусотни дворов увидели только четыре дома, где еще жили старики, и среди них дом моего двоюродного брата Дмитрия Романовича Проскурякова. Я знал, что он еще живет в Ильиновке, и живет один. Года три назад он похоронил жену, а дети уехали жить в Пономаревку. Мой внучатый племянник Шурик, который возил нас на своей иномарке, как-то по-своему, с юмором готовил нас к этой встрече. Он с улыбкой говорил, что сейчас приедем не к Дмитрию, а к ильиновскому олигарху, который живет там всю жизнь, никуда не выезжая. У него две кошки, невероятно красивый сарай (катух) для овец, и он абсолютно счастлив в своем одиночестве. Я помнил его еще молодым. Он был крепким мужиком, очень видным. Темно-русые волосы, умное лицо с римским носом—словом, первый парень на деревне. Он и женился сразу после прихода из армии на первой красавице деревни, которая всю жизнь работала дояркой в колхозе, и он рядом с ней обычным колхозником.

Подъезжаем к большой пятистенной рубленой избе, традиционно для этих мест обмазанной серой выцветшей глиной. Судя по всему, дом снаружи давно уже не обновлялся. Повсюду на стенах висели ошметки старой замазки, отскакивающей от деревянных венцов, а местами кое-как висели заплатки из старой, уже теперь черной, фанеры. В самом центре двора видим тот самый живописный сарай, описанный Шуриком. Но только увидев его вживую, можно было им восхититься и понять историю его возникновения. По мере истлевания крышу вместе со стенами постоянно накрывали соломой,

Книга 2023.indd 80-81 5/3/23 19:33

Изба и катух деревенского «олигарха»—
музыканта в брошенной деревне Ильиновка.

придавленной жердями. Со временем соломенная крыша закрыла стены, жерди посерели и почернели, что и придавало этому сооружению особую привлекательность и еще больше вдохновляло меня на то, чтобы увидеть хозяина этого декоративного произведения. Неподалеку от сарая, в высокой крапиве, догнивала всякая сельскохозяйственная техника.

Подходим к обшарпанной двери с щелями, заткнутыми тряпьем. Стучим. Никто не открывает. Тянем дверь на себя. Она скрипит, но не открывается. Стучим сильнее. И вот дверь резко распахивается, и в ее проеме мы видим сухую полусогнутую фигуру, поддерживающую трусы. Я ахнул, увидев живого Пана, сошедшего с картины Врубеля.

Дима, спросонья ничего не понимая, смотрит на нас своими синими глазами из-под всклоченных волос и строго спрашивает: «Кто такие?» Я улыбаюсь ему и громко кричу, как Остап Бендер Шуре Балаганову, второму сыну лейтенанта Шмидта: «Ты что, Дима, не узнаешь своего брата, сына твоего родного дядьки Кольки?» И тут сухое лицо расплывается в улыбке, и он, ничего не говоря, скрывается в проеме. Мы в недоумении стоим, топчемся на крыльце. И минут аж через двадцать появляется с улыбкой благообразный причесанный старик в голубой свежей рубахе, обнимает меня и тащит нас троих в избу.

Заходим. На полу, на столе, около русской печки давно никем не убиралось, и все говорит о том, что здесь живет деревенский одинокий человек. Тут же при нас Дима откуда-то достает чистую скатерть, покрывает стол, и на нем быстро появляется все, что есть в холодильнике, стандартно для нас, где бы мы ни были: колбаса, сыр, зеленый лук, помидоры, огурцы, квашеная капуста и хлеб собственного изготовления в русской печи. Среди всей этой закуси—нетронутая бутылка водки и рюмки. Ну что ж, встреча началась. Дима стал рассказывать о своей одинокой жизни, винить себя, что не сберег жену, которая ушла на тот свет три года назад. Потом начал говорить о том, что одному ему стало тяжко содержать корову, косить для нее сено, доить ее, убирать за ней, а ему, к сожалению, восемьдесят три года, и он от нее избавился весной, чтобы облегчить себе жизнь. Теперь он содержит только пятнадцать овец, которых надо блюсти, ухаживать за ними. Мы слушали его буквально с открытыми ртами и смотрели на него и его комнату с русской закопченною печью, как на полотно киноэкрана, а не на натуральную жизнь одинокого старика, затерянного в глуши Оренбуржья.

Книга 2023.indd 82-83 5/3/23 19:33

Неподалеку от стола на лавке сидят две черные кошки, наблюдающие не за столом, а за своим хозяином. Дима с любовью рассказывает, что они спят там же, где он, в следующей комнате-горнице на второй кровати напротив хозяина. Они сопровождают его куда бы он ни шел и ждут его терпеливо, пока он что-то делает во дворе и за двором. Он с удовольствием сообщил, что зимой обычно лежит на русской печи и смотрит телевизор, находящийся в другой комнате. Кошки в этом случае также лежат на печи и, как всегда, демонстрируют свою усталость, развалясь на дерюгах и овчинных шубах. Конечно, мы удивились зрению и слуху Димы, восьмидесятитрехлетнего старика, без очков и слухового аппарата следящего за событиями на экране далеко стоящего телевизора.

Налив по рюмке, Дима вдруг произнес: «Что мы все говорим с тобой, Вовка, о печальном, давайте я вам сыграю что-нибудь веселое на баяне». Мы удивились—на каком еще баяне будет играть этот дряхлый старик в этой дряхлой избе. А я особенно удивился. Ведь откуда мне было знать, что Дима всю жизнь играл на баяне. Я помню только его самого, когда он уходил в армию в 1951 году, и с тех пор видел его раза два в Пономаревке, когда был там на каникулах во время учебы в институте.

Приглашая послушать баян, Дима предупредил, чтобы не были к нему шибко строги за исполнение, пояснив, что музыке он нигде не учился. Придя из армии, он приобрел баян и с тех пор играет по памяти все, что слышал по радио, телевизору или от кого-либо. При этом отметил, что может исполнить практически все когда-либо слышанное. Он всю жизнь, сколько себя помнит, с баяном. Во всех ближайших деревнях, а их было с десяток, когда там отмечались свадьбы и всякие советские праздники, играл любое произведение по капризу хозяев, и это всегда ему было не в радость, а в большую тягость. И даже сейчас, улыбаясь, он говорил с досадой, что эти праздники отнимали массу времени, а он был главой большого семейства и имел крупное подсобное хозяйство. И ему постоянно приходилось прятаться от всех приглашающих—в стогах сена, на чердаке, в сараях, где стояла скотина, в погребе, у соседей, но его всюду находили, затаскивали в тарантас или в сани и доставляли на лихих конях, тракторах или на УАЗах туда, где его очень ждали.

Мы сидели и молча слушали, чтобы не обидеть расхвалившегося музыканта, не знающего нот. Для нас все это было необычно, и я, нисколько не сомневаясь в том, что его за работу чем-то вознаграждали, спросил: «Дима, видимо, тебе платили неплохо за твою игру на баяне, а туда, где не обещали

заплатить, ты просто не ехал». Дима долго, не моргая, удивленно смотрел на меня своими синими глазами, а затем произнес не без гордости: «Володь, да никогда, да у меня бы совести не хватило брать деньги за игру домашнего музыканта, даже если бы мне их предлагали. Ладно, кончайте слушать меня, трепача, я шибко разохотился с вами говорить, лучше я сыграю вам на баяне любую музыку, которую только слышал по радио».

Дима поднялся и минуты через три вернулся с запыленным чехлом. Он тщательно вытер на нем пыль лоханом, лежащим около чугунов на лавке, и вытащил баян. Не обращая на нас внимания, поставил свою табуретку рядом с горнушками русской печи, сел, развернул баян и быстро по клавишам настроил инструмент. Потом посмотрел на нас, извинился, что долгое время не играл, и начал перебирать клавиши, разминая пальцы. А затем, не останавливаясь, с улыбкой глядя на нас, лихо заиграл «Калинку-малинку». Быстро оборвав ее, приступил к «Катюше», видимо, настраиваясь на репертуар, который привык исполнять в деревнях. Немного поиграв ее, он остановился и произнес, переходя на тамбовский говор: «Ну, какого хрена раззявили рты? Что, давно не слыхали игру на баяне? Заказывайте, и я исполню на любой манер ваш каприз», и по-ресторанному склонил голову, ожидая заказа.

А потом Дима буквально огорошил нас своей музыкой, звучащей около прогнувшейся, древней, закопченной русской печи. Еще слабо что-либо соображая, я предложил выйти на улицу. Пока мы выбирались из избы, в памяти всплыли любимая песня сибирских бичей «Бежал бродяга с Сахалина» и мой любимый романс «Ямщик, не гони лошадей», которые мне хотелось бы услышать, при этом я подумал, что, возможно, Дима не слышал их по радио. А Дима, удобно расположившийся на ступеньках крыльца, опять прошелся по клавишам, и из баяна полилась тоскливая песня сибирских бродяг. Закончив ее, Дима подумал и вдруг вдарил не романс, а «Вдоль по Питерской». Мы все втроем опять обалдели, глядя на этого виртуоза, лихо растягивающего баян на грязных ступеньках. Восторгались исполнителем старинной залихватской песни, не понимая, откуда он все это берет, не имея нот перед собой. И вдруг во мне возникло озорное желание подсунуть баянисту какую-нибудь музыку, которую, конечно, он не слышал по радио, и тем самым сбить со своего разошедшегося брата его деревенский гонор.

Но тут неожиданно между нами и Димой появилась разбитная старушонка его же возраста и, не обращая на нас никакого внимания, подпевая, бросилась в пляс. Дима было остановился, мельком глянул на беснующую-

Книга 2023.indd 84-85 5/3/23 19:33

Древние старики лихо вспоминают свою молодость.

ся артистку и тут же начал играть плясовую. А потом эта танцующая старушка вдруг лихо запела частушки, и Дима тут же стал ей аккомпанировать. Мы стояли действительно завороженные. А они вдвоем истово предавались музыке и пляске. Внезапно Дима остановился, вытирая лоб, произнес: «Уф, устал. А ты откуда взялась, ведьма?» А «ведьма», улыбаясь, ответила: «Да, Дима, я твою музыку узнаю везде, где бы я ни была. Вышла в огород и услышала там у себя, в конце деревни, твой баян, бросила все, помыла руки, глянула в зеркало, и вот я тут с тобой, чтобы вспомнить нашу молодость». Обменявшись с Димой какими-то только им понятными фразами, старушка улыбнулась нам, сказала «извините» и тотчас же покинула нас довольная, с улыбкой на лице.

Остолбеневший от увиденного импровизированного концерта, после ухода этой экзотичной древней артистки я, как человек, не имеющий никаких музыкальных способностей и не верящий, что всему, что было услышано мной, можно было научиться по радио, из озорства спросил Диму с подначкой: «А ты когда-нибудь слышал музыку “Танца маленьких лебедей”?» И хотел было продолжить, но Дима меня перебил: «Володь, о чем ты говоришь?—И посмотрел на меня снисходительно, как на школьника.—Спроси у Шурика, стоящего рядом с тобой, он учился у своей мамы, моей и твоей двоюродной сестрицы Лины, и своего отца Григория, ее мужа, в нашей школе, построенной ими, которой давно нет. Вот он и скажет тебе, что ежегодно под Новый год на школьном маскараде наряду с советскими песнями я всегда исполнял музыку Петра Ильича Чайковского—“Танец маленьких лебедей” из балета “Лебединое озеро” и кое-что из “Щелкунчика”». Я широко развел руками и долго стоял и смотрел на этого пещерного музыканта, рожденного, выращенного и еще живущего в этом теперь уже безлюдном бескрайнем крае. Дима поставил баян на пол, ткнул меня кулаком в грудь, чтобы я очнулся, и сказал: «Хватит пялить на меня глаза, теперь поехали на кладбище и посетим нашу общую бабушку, Настасью Федоровну Седых, от которой мы с тобой произошли, моих близких и твоих родных».

Небольшое кладбище, расположенное напротив деревни за ручьем, было очень ухоженным благодаря Дмитрию Романовичу, и все похороненные покоились под кронами высоких осин и берез. Мы постояли молча у каждой могилы—и нашей бабушки, и матери Димы и моей тетки Феклы Прокофьевны Седых, и его отца Романа Проскурякова, и его брата Петра, фронтовика, пришедшего с войны без ноги.

Книга 2023.indd 86-87 5/3/23 19:33

Возвращаясь в деревню, я обратил внимание на пруд, куда в юности нередко приезжал на велосипеде, чтобы охотиться на уток. Пруд выглядел обихоженным, и, как выяснилось в разговоре, его обустраивал сосед Димки, взявший пруд в аренду и уже приступивший к разведению сазанов для привлечения рыбаков из Пономаревки. Он же взял в аренду местные леса, где я тоже когда-то охотился зимой на зайцев. Услышать все это от брата было приятно, и я подумал, что со временем, если молодое поколение, помотавшись по белу свету и познакомившись с другой жизнью, начнет возвращаться на землю отцов и дедов с новыми идеями обустройства быта—своего, своих детей и внуков и приступит к его созданию, как Димкин сосед, то, значит, не зря построен моими земляками мост через Дёму, который мы проехали сегодня утром.

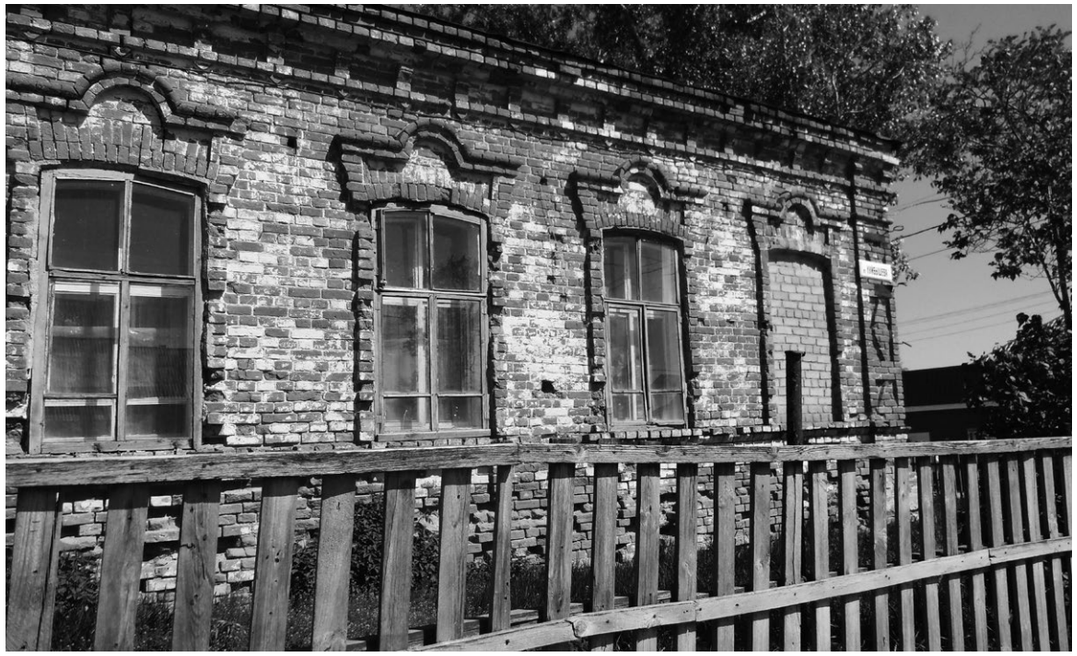
Перед расставанием я не удержался и спросил: «Дим, а почему ты не переедешь в райцентр к какому-нибудь своему сыну? Или если хочешь жить один, вы бы все вместе купили тебе дешевый домишко на окраине села, и живи не тужи там под присмотром детей». Дима глянул на меня с улыбкой, посмотрел на улыбающегося нашего общего двоюродного племянника Шурика и произнес: «Так я там, в Пономаревке, давно имею дом, в котором живет один из моих сыновей и возит батюшку».—«Как дом?—не удержался я.—Видимо, где-то далеко от Дёмы?» И Дима, не прекращая улыбаться, ответил: «Да нет, прямо в десяти метрах от Дёмы, где кончается улица, идущая из центра, от работающей теперь церкви, от дома, куда вы еще до войны переехали с отцом из Максимовки. Во дворе дома стоит мой новый трактор “Беларусь”, на котором сын приезжает ко мне пахать огород. Он также часто приезжает на моей иномарке, и вот буквально вчера был у меня с семьей». Здесь Шурик не утерпел и произнес: «Я же говорил тебе, что мы едем к ильиновскому олигарху, у которого самый лучший катух в деревне и, как оказалось, о чем я тебе еще не говорил, целая современная усадьба в Пономаревке на берегу Дёмы». Мы смотрели на Диму как на открытие, которое мы не подозревали встретить в этой глухомани.

«Но все-таки что, Дима, держит тебя в Ильиновке?» Дима, не задумываясь, ответил: «Так у меня же, как вы видели, все хорошо, да и кто будет помогать овцам ягниться, и кто будет ягнят далее выращивать, и куда денутся две мои кошки, которые охраняют меня как собаки, а главное, кто будет ухаживать за могилами наших с тобой близких?» Ну что я мог сказать в ответ на

такое понимание жизни? Ничего! У него свой мир, и он его бережет. А потом я подумал и с улыбкой отметил: «Дима, ты живешь действительно хорошо. У тебя хоромы с русской печью, любимая музыка, гурт овец в очень теплом катухе, палаты в столице района на самом берегу красавицы Дёмы, воспетой Аксаковым, нулевой “Беларусь”, иномарка, цирковые кошки, как у Куклачева, охраняющие тебя. Ты давно не имеешь и, видимо, не имел никогда дел с налоговой службой, а поэтому спишь без сновидений. А значит, ты живешь в ладу с собой, что могут позволить себе в настоящее время только очень богатые люди». Обнявшись и потискав друг друга, мы расстались.

Пока мы ехали в машине, меня посещали грустные мысли и невольное восхищение этим человеком. Для меня было непостижимо, как мог один человек, работая в колхозе и занимаясь круглосуточно домашним хозяйством, выполнять любой музыкальный каприз людей, живущих в деревнях Ильиновка, Александровка, Деготля, Красная Заря, Макушкино, Ясная Поляна, Ключевка, Яруга, Островка, и никто из райкома партии не знал о нем и не пытался как-то помочь ему в чем-то или хотя бы рассказать о жизни этого уникального человека и его благородном деле. И с этим подавленным настроением я поднялся на Ильиновскую гору и долго смотрел на то место, где похоронена моя родная бабушка и живет никому до сих пор не известный выдающийся деревенский баянист, который на протяжении всей жизни утолял музыкальный голод деревенских людей, искренне и бескорыстно делясь со всеми своим божественным даром.

Книга 2023.indd 88-89 5/3/23 19:33



Средняя школа, в которую я пошел в первый класс в 1942 году.

Война. Начальная школа

Мы переехали на Казанскую улицу в 1941 году, а в 1942 году я семилетним пошел в первый класс Пономаревской средней школы. Помню первую свою учительницу Анастасию Петровну Рожкову, о которой я уже упомянул раньше. С того момента, когда я начал учиться, я понял, что моя свободная жизнь на улице закончилась и началась какая-то непонятная другая жизнь, к которой я привыкал очень долго. Домашних дел не убавилось, а тут еще надо было не только посещать уроки, но и готовить домашние задания.

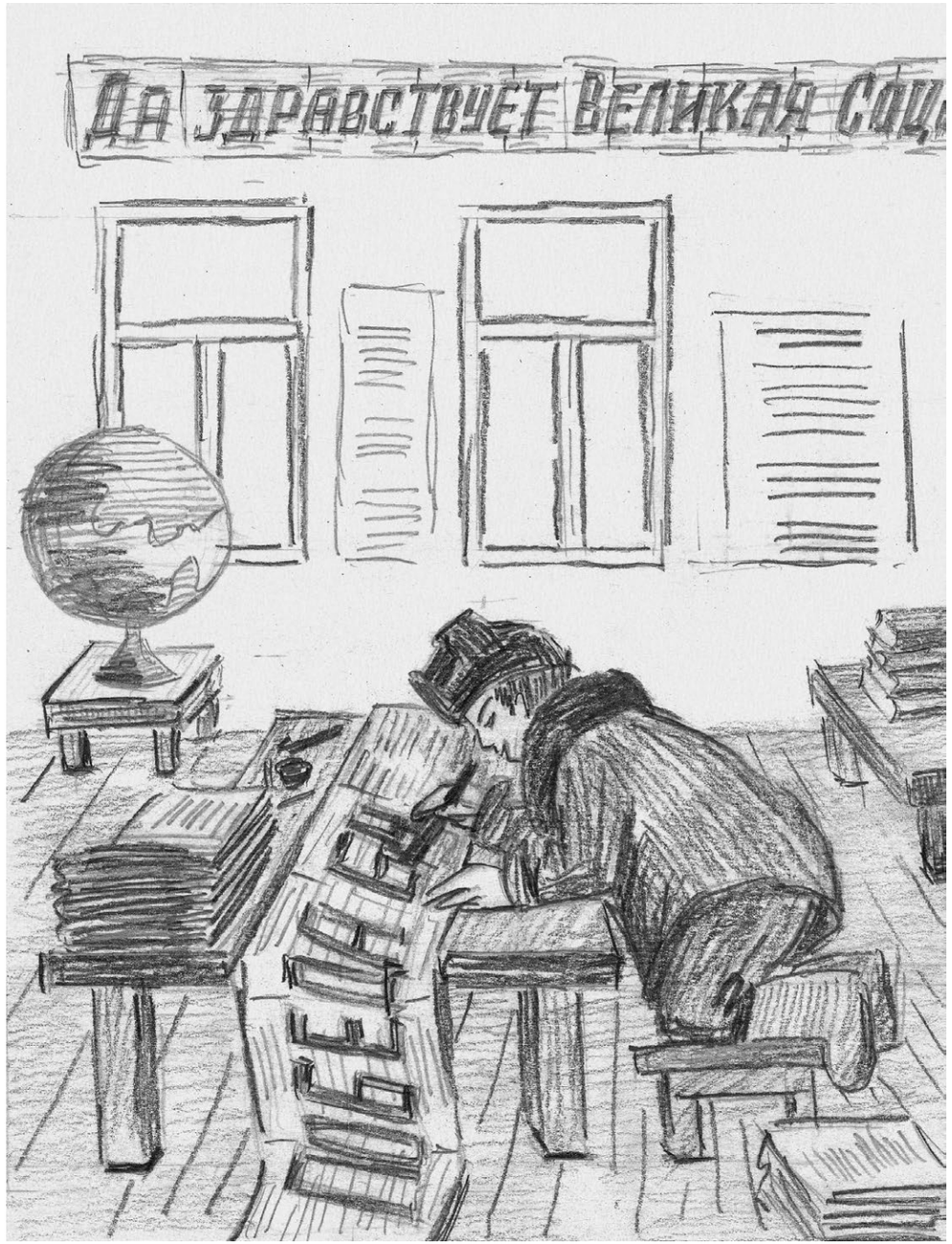
До третьего класса я учился в средней школе, потом по неизвестным мне причинам наш класс был переведен в неполно-среднюю школу. По завершении седьмого класса мы вернулись назад в среднюю школу, которую я закончил в 1952 году. За время обучения в этих двух школах со мной произошло множество всяких примечательных событий, о которых я могу кое-что рассказать. Учеба моя в первом классе проходила практически из-под палки. Я вечно на уроках сидел, поглядывая в окно и придумывая, как бы удрать с них на Дёму. И это мне нередко удавалось.

Моя жизнь со второго класса и по 1945 год была практически полувоенной. Я помню, как мы, второклассники, два раза в неделю маршировали в строю с деревянными винтовками-муляжами под руководством огромного дядьки с усами в военной шинели. Он сильно хромал, но это не мешало ему зычно покрикивать на нас, и, выполняя его приказы, мы многому научились: ходить строевым шагом, быстро падать на землю, наводить винтовки на невидимого врага и даже колоть его чучела во дворе школы. В более старших классах на военных занятиях нас учили обращаться с настоящим оружием, и мы даже научились разбирать и собирать затворы трехлинейки и автомат, используемый на войне. Наряду с этими занятиями я и лично вносил вклад

Книга 2023.indd 90-91 5/3/23 19:33

в нашу победу. В обеих школах в классах и коридорах развешивались плакаты с различными поздравлениями трудящихся с советскими праздниками и призывами к разгрому фашизма, написанные мной громадными буквами на склеенных газетных листах. В стенных газетах также были изображения Гитлера и немецких солдат, скопированные мной с карикатур Кукрыниксов. В ту пору, уже со второго класса, я начал рисовать, чаще всего копируя чьи-то рисунки на военные темы. Учителя, заметив мое увлечение, стали нещадно эксплуатировать меня, от чего я не отказывался, и загружали как настоящего мастера своего дела, вознаграждая освобождением от уроков. И даже бабушка однажды оценила мой успех в рисовании настолько высоко, что я стал с тех пор без энтузиазма относиться к марксизму.

Конечно, чуть ли не каждый день на уроках мы слышали хвалу Сталину, Ленину, Марксу, Энгельсу, Кларе Цеткин и другим вождям пролетариата и вместе с нашими учителями гордились ими. Я даже пытался моей бабушке Настасье Федоровне доказать, что она очень не права, когда нашего главнокомандующего Сталина обзывает антихристом, хотя я и не понимал до конца смысл этого слова. Но как-то раз она так убедительно доказала, что Сталин — настоящий антихрист, безбожник, что я стал с тех пор сомневаться в правоте учителей, восхвалявших его, и боялся признаться в этом кому-либо. Обычно я вставал рано и перед школой, пока мать топила русскую печь кизяком и готовила завтрак, сидя за столом у керосиновой лампы-коптилки без стекла, что-то рисовал, а потом раскрашивал рисунки цветными карандашами. И вот как-то раз я срисовывал из книги портрет Сталина в военной форме. Бабушка в это время тоже уже не спала и обычно наблюдала за мной, лежа на печи. У нее было очень зоркое зрение, и, увидев, что я рисую Сталина, она строго заметила: «Водка, брось мулевать этого антихриста. Если он будет непохожим, тебя посадють. Убери с глаз моих окаянного безбожника». (Бабушка, не выговаривая слово «Вовка», обычно называла меня «Водкой».) Я испугался тогда такой критической оценки роли вождя и после этого перестал рисовать его и всех партийных деятелей, навечно затаив недоверие к их учению. И уже намного позже, работая после института, я никогда не пытался вступить в партию, объясняя агитаторам, что я давно уже партийный человек, поскольку работаю в партиях, не вылезая годами из тайги. Ну а когда агитаторы спрашивали, как же я буду расти вверх по должности не будучи членом партии, я с усмешкой отвечал, что меня больше всего инте-



Учась в школе, я постоянно писал лозунги на склеенных газетных листах.

Книга 2023.indd 92-93 5/3/23 19:33

ресует рост не вверх, а вширь — посетить и привести в известность таежные территории, где еще никто из бледнолицых не бывал, вспоминая Фенимора Купера и Владимира Арсеньева.

Моя бабушка Настасья Федоровна Седых (в девичестве Широбокова), мать моего отца Николая Прокофьевича, была очень строгой, очень доброй и очень упрямой женщиной. Любой проступок внуков, опасный для жизни, летом она наказывала поркой очень жгучей мелколистной крапивой, зимой — веником из чилиги и каждого из нас терпеливо учила, как надо выполнять ее поручения. Несмотря на строгость, доброта ее была неиссякаемой. Если кто-то из нас жаловался на голод между обедом и ужином, она обязательно чем-нибудь кормила внука. Я был самый младший, и потому она меня больше всех жалела. Пока она пряла пряжу на прялке или вязала нам шерстяные носки, варежки и даже свитера, сидя на лавке вблизи окна в передней комнате, я после обеда чаще всего отирался около нее. И навсегда запомнил один и тот же ее способ избавиться от меня, если я что-то делал на подоконнике позади нее. «Водка,— не оборачиваясь, строго говорила она,— не засть мне свет, я ж тебе варежки вяжу». А я в ответ канючил: «Бабань, я гисть хочу, дай че-нибудь». Она отвечала: «Вот душатян, как ты мне тута надоел. Потерпи до ужина». «Я гисть хочу, не дотяну до ужина, помру». И тут она отвечала: «Ступай к печке, там на загнетке стоит небольшой горшок с абаркой. Чтобы не обжечь руки, бери его лоханом и ставь на стол, но только на дощечку, и ешь тушеный горох столько, сколько влезет в твое брюхо. Давай, кыш отцедова и больше мне не мешай». Я наедался этого гороха и до ужина уже бабушке не надоедал.

За исключением растопки русской печи рано утром и приготовления завтрака, всем остальным кухонным хозяйством полностью занималась бабушка. Вечером в задней комнате — горнице она затопляла дровами голландку и на плите обычно варила пшенную кашу, лапшу или зюрьму, а по большей части картошку, которую мы ели с простоквашей. Этот молочный продукт был у нас всегда, пока доилась корова. Масло или сметану мы практически не готовили. После дойки кто-то из парней относил свежее молоко на молкомбинат, а оттуда возвращался с восемью литрами обрата. Из него бабушка каждый день делала простоквашу. Нас всех, едоков, было восемь человек, и этой простокваши хватало на день.

Бабушка также контролировала все, что остальные члены семьи делали для домашнего хозяйства. Старшие братья должны были в течение дня принести кизяк к русской печке, дрова к голландке, но самое главное — обеспечить водой всех нас, живущих в избе, и вместе с нами скотину во дворе — корову, теленка и пять овец. В передней избе, рядом с русской печью и столом, стояли три фляги по тридцать пять литров, которые нужно было ежедневно наполнять водой. Для этого зимой на санках, а летом на тележке Петька и Шурка каждый день с двумя или тремя флягами отправлялись к колодцу, расположенному в двухстах метрах от дома. Из колодца глубиной около пятнадцати метров они вручную доставали воду десятилитровой бадьей. Чтобы заполнить все фляги, надо было раз семь опустить воротом бадью. Набрав фляги, Петр вставал впереди санок или тележки, тянул за бечеву, а Шурка помогал ему, толкая груз сзади. И так это продолжалось ежедневно, пока все мы не разлетелись по Стране Советов.

Что касается упрямства бабушки, то оно было неисправимо и опасно для всей семьи. Например, она постоянно рано закрывала трубу в голландке, даже при мелькании на углях голубых бликов. Это часто вызывало очень сильное отравление угарным газом нас, спящих на полу, и только нашатырным спиртом мать нас спасала. Сколько мы ни говорили и ни объясняли бабушке, что закрывать трубу так рано опасно, она отвечала, что важнее для спящих на полу удерживать тепло в доме. В конце концов мы стали проверять состояние углей после того, как бабушка отправлялась спать на русскую печь, и закрывали трубу, только когда угли покрывались пеплом. Все наладилось, и матери и тете Гане уже не приходилось нас откачивать.

Наряду с качествами характера, которые бабушка проявляла в ежедневных делах, она знала все о лекарственных растениях, растущих в окрестностях. Пока семья жила в Максимовке, летом бабушка с моим старшим братом Дмитрием постоянно ходила в лес, где собирала различные растения, сушила их и готовила лекарства. Как она говорила, у нее всегда было множество видов растений, которыми она лечила домашних от известных ей болезней. Она делала по своим рецептам мази, которые способствовали быстрому заживлению любых ран и порезов. В доме на Казанской улице, в пристройке на стенах и под потолком висело множество сухих букетов каких-то трав, отварами которых она поила нас как чаем. Так что с настоящей чайной заваркой иркутского развеса я познакомился лишь лет через десять после окончания института.

Книга 2023.indd 94-95 5/3/23 19:33

Мыло, добытое с грехом—теперь постираемся.

Но самое интересное, что я помню, это умение бабушки плести лапти. Когда во время войны мы жили на Казанской улице, у нас в сарае всегда к стенке были прислонены вязанки липовой коры, из которой бабушка заготавливала лыко для плетения лаптей. Длинными вечерами, сидя рядом с керосиновой лампой без стекла, она быстро орудовала кочедыком, плетя русские лапти. В отличие от татарских лаптей из одного слоя, бабушка мастерила трехслойные лапти, которые носились много дольше. Мы, все внуки, носили лапти ее производства с толстыми шерстяными носками, оберегая ноги от поранения сухой стерней на сенокосе, во время заготовки дров в лесу и уборки урожая пшеницы и ржи в колхозе. Они были легкие и удобные в летнее время, когда еще стояла теплая погода.

Занятия в классах шли своим чередом, и на уроках, слушая наших замечательных учителей, мы забывали, что творится вне школы. И только висящие в коридорах лозунги, написанные мной, напоминали о том, что где-то далеко идет война. На улице тоже все говорило о том, что война повсюду в жизни людей, и в том числе здесь, в нашей Пономаревке. Появились раненые солдаты с костылями, толпы людей около военкомата, провожающих своих близких и ждущих известий с фронта, длинные очереди за хлебом, мылом, спичками, в которых люди занимали место с ночи. Участились случаи грабежей продуктов из погребов и кладовок, всякой домашней рухляди, которая обменивалась потом тоже на продукты. Каждая семья и каждый человек приспосабливались к военной жизни, изобретая что-то новое в добыче еды, чтобы не умереть с голоду, и мыла, чтобы совсем не завшиветь. И моя мать была уличена как-то раз в мошенничестве при покупке мыла.

За мылом, и в особенности хозяйственным, стояли большие очереди, и последним в этой очереди часто мыла не доставалось. И вот как-то раз мать, поняв, что продавщицы отпускали матерям с детьми на руках без очереди, и люди этому не препятствовали, с четырехлетней Женькой на руках, замотанной пеленками и засунутой за пазуху шубы, получила кусок мыла без очереди. Потом отошла к окну, положила мыло на подоконник и стала что-то поправлять в одежде ребенка. И вдруг из-за пазухи появляется голова Женьки и звонким голосом произносит: «Мама, быстро убери мыло с подоконника, а то украдут». Мать обомлела, а очередь рассмеялась, и кто-то произнес: «Вот какая девчонка хитрая, пока мать мыло покупала, молчала, а как появилась опасность кражи, ишь ты как закричала!» Мать схватила мыло и, при-

Книга 2023.indd 96-97 5/3/23 19:33

жав Женьку к груди и не оглядываясь, выскочила из магазина. После этого случая мать больше не брала Женьку с собой за покупками.

Мы же с матерью в эту пору зимой каждую субботу и воскресенье после базара сгребали оставшееся на местах стоянки лошадей сено, и нас никто не останавливал. Таким образом мы добывали сено в дополнение к тому, что у нас было заготовлено летом, и нам всегда хватало корма содержать скотину до ее выгона на пастбища.

Несмотря на то, что в газетах, по радио, на улице, в школе все было насыщено информацией о войне, событиями, связанными с войной, мы, дети семи–двенадцати лет, воспринимали войну как нечто фантастическо-героическое, происходящее где-то далеко от нас. Мы слабо понимали всю тяжесть горя, постигшего практически каждую семью с потерей на войне отца, брата, дяди, и с восторгом слушали по радио и читали в газетах об успехах нашей армии на войне, о героизме людей, и во всем старались им подражать. Мы жили своей уличной жизнью, где в любое время года нужно было демонстрировать сверстникам свою силу, сообразительность, успехи в играх, умения, необходимые в лесу, на реке, в степи.

Для нас, пацанов с Казанской улицы, самая лучшая пора нашей жизни начиналась на весенних каникулах, которые приходились на вторую неделю апреля. В степи за окраиной села и до первой вершины и далее повсюду на пологих взгорках из-под снега открывались поляны, куда мы, пацаны с нескольких дворов, гоняли своих овец на выпас. В эту пору всегда стояла солнечная погода, было тепло, и высоко-высоко в небе пели жаворонки, азартно славя весну очаровательной музыкой. Наши овцы, изголодавшись за зиму по вольному корму, сразу же приступали к делу и дружно наперегонки щипали сухую отаву, не поднимая голов и не обращая никакого внимания на окружающую благодать. А благодать исходила отовсюду. Пар, образующий прозрачное пухлое волнующее одеяло, струился из земли, тотчас растворяясь в теплом воздухе, насыщенном хрустальным перезвоном жаворонков. Стайки грачей, перелетающих с одной поляны на другую как хозяева этих просторов, что-то собирали на кромках еще не растаявшего снега, изредка мягким карканьем беседуя между собой. А по утрам далеко-далеко вверху косяки журавлей, гусей и лебедей шли на север выращивать потомство, курлыканьем призывая всех живущих на земле заниматься тем же самым. И даже волк, почти каждый день сидящий от нас метрах в трехстах за водным потоком в

вершине, мирно выполнял роль не разбойника, а сторожа, внимательно наблюдая за нами и нашими овцами, разомлев от тепла и съеденных мышей и сусликов.

Мы же буквально купались в этой благодати, не осознавая ее, и так же, как и овцы, изголодавшиеся по приволью, на окружающих подсохших полянах вели охоту на сусликов, выливая их из нор. Ну а потом, набрав гору сухого помета коров и лошадей, разжигали большой костер, жарили свою добычу, пекли картошку, прихваченную из дома, уплетали все это, сушились у огня и наслаждались степным воздухом, пропитанным дымом горящего навоза. К вечеру веселые и, как нам казалось, с такими же веселыми, громко блеющими овцами возвращались домой. Остаток вечера каждый день до самого темна мы играли в клёк, пока домашние не загоняли нас спать. Так проходили счастливые дни апрельских каникул, которые кончались в воскресенье, а с понедельника, несмотря на весну, начинались опять дни, похожие на зимние.

Зимой же я был привязан к дому и жил в режиме, предписанном матерью, бабушкой и тетей Ганей. Учеба, учеба, учеба, уход за скотиной, привоз воды из далекого колодца, заготовка дров и опять вечером какие-то занятия в школе по собственному выбору. Одна радость была — если удавалось в воскресенье удрать на Затон в горы и кататься на лыжах весь день.

При таком режиме жизни ничего не оставалось делать, как учиться, и учиться хорошо. До окончания четвертого класса я шел пятерочником, что давалось без особых усилий. У нас дома было много всяких книг, которые по мере возможности собирал отец. Среди них множество приключенческой литературы: Джек Лондон, Фенимор Купер, Майн Рид, которых я читал с удовольствием. Из советских писателей той поры все учащиеся нашей школы хорошо знали Аркадия Гайдара и, конечно, его повесть «Тимур и его команда». Следуя Тимуру, из местных ребятишек моего возраста я собрал боевую дружину, и мы с весны начали активно помогать одиноким пожилым людям: копали землю на огородах, сажали и пропалывали картошку, приносили воду. Но эта придуманная деятельность Тимура, подхваченная нами, продолжалась до тех пор, пока не созрели огурцы в Орепьевке, на окраине села на лугах вблизи Дёмы. В этом выселке, утопающем в лопухах (репейниках), грунтовые воды повсюду находились на глубине два-три метра, и все живущие там выращивали поливные овощи, и среди них в изобилии огурцы.

Книга 2023.indd 98-99 5/3/23 19:33

Ребятишки Казанской улицы, обитавшие на самом высоком ее участке, граничащем со степью, где вода залегала на глубине двадцать–сорок метров и в связи с этим было мало колодцев, не имели своих поливных овощей и потому ежегодно глубокими ночами делали набеги в Орепьевку, обирая огурцы на грядках. Несмотря на опасность быть пойманными и избитыми хозяйскими людьми или конкурентами, пробирались чуть ли не ползком через высокую картошку до грядок, расположенных обычно вблизи дома. Не видя из-за темноты огуречных плетей и листьев, каждый из нас ощупью мог сорвать только несколько огурцов и, удерживая их за пазухой, быстро покинуть огород. Наутро хозяйки, видя потоптанные грядки, громко навзрыд проклинали ночных разбойников, грозя их жестоко наказать при поимке. При этом они даже заявляли, что могли бы налетчикам бесплатно давать огурцы, если бы они попросили. Мы сильно сожалели о содеянном преступлении и сочувствовали хозяйкам, но никогда не согласились бы стать побирушками вместо того, чтобы совершать лихие вторжения в Орепьевку. Мы знали, что при хорошем поливе огуречные плети оправятся, но все-таки вторично эти огороды не посещали, боясь встретить какие-нибудь препятствия, устроенные на пути к грядкам, а также чтобы дать время хозяйке смириться с потерями. Днем мы выискивали новые объекты для вторжения за теми же огурцами. Нас интересовали огороды только в тех хозяйствах, где в домах нет мужчин, во дворе нет собак и подальше от соседей, чтобы мы могли с меньшей опасностью и уроном для хозяйки поживиться у нее огурцами.

Лето шло своим чередом. Я с утра до вечера был занят со старшими братьями домашними делами—прополкой картошки, изготовлением и сушкой кизяков и навоза, заготовкой дров и сенокосом в островских лесах, рыбалкой бреднем на Садаке и Сидяке, и было не до встреч с членами нашей команды. Но зная, что скоро наступит время созревания огурцов, я созвал друзей, чтобы обсудить наше поведение в огуречном сезоне. Руководствуясь тимуровскими принципами жизни, мы единогласно постановили прекратить в это лето ночной промысел в Орепьевке. Разошлись. Прошла неделя после собрания, и я заметил, что некоторые из нашей дружины тайком жуют огурцы, наверняка добытые на чужих огородах. И тут я понял, что мне не удастся удержать от ночных набегов за огурцами полуголодных деревенских мальчишек, лишенных отцов и не скованных запретами обездоленных мам и бабушек, не имеющих денег, чтобы купить этот обыкновенный деревенский продукт. Гайдар создал придуманную жизнь своего героя где-то в дачных поселках, утопающих в цветущих яблонях, где люди, в отличие от нас, жили безбедно. Мы же, деревенские ребятишки, не знающие, что такое дачи, не видевшие яблок и не знающие их вкуса, увлеченные наивной идеей, вознамерились как-то переиначить свою жизнь вопреки местным законам. А деревенская жизнь в отличие от дачной была совершенно другой, шла по своим правилам, которых Гайдар не знал и не хотел знать. Лихость деревенских мальчишек как будущих солдат проявлялась в лесу, в степи, на реке, в набегах на огороды и колхозные бахчи, в драках за власть на улице, в работе, которую нас жестко заставляли выполнять матери, бабушки и отцы-инвалиды, вернувшиеся с войны. Помогать же одиноким и пожилым людям в деревне было нормой жизни, и мы, подростки, были так воспитаны.

В четвертом классе, несмотря на строгий запрет отца, вынесенный мне еще в пять лет, я начал пытаться курить, считая себя уже взрослым. Возвращаясь из школы, мы с друзьями по дороге собирали окурки с самосадом и у одного из нас, когда никого не было дома, выбирали из окурков табак и скручивали из газет цигарки, которые курили у кого-нибудь в сарае и нередко на улице.

И вот как-то раз зимой гуляем с другом по главной улице райцентра, попыхивая самодельными папиросами. Навстречу идет мужик. На всякий случай папиросы прячем в рукава. Мужик проходит мимо и вдруг окликает:

—Ну-ка, пацаны, подойдите ко мне.

Раз старший просит, мы идем к нему. Подходим, и он жестко приказывает:

—Окурки сейчас же выбросить из рукавов, не дай бог, загорятся ваши фуфайки!

Мы выбросили горящие цигарки в снег и стоим как парализованные, молча, не двигаясь и не пытаясь бежать. А мужик встал между нами, взял каждого из нас за ухо, подтянул наши головы к себе и строго спросил:

—Чьи будете?

Мы промямлили что-то о себе, но он понял, что наши отцы на войне и, не отпуская нас, произнес:

—Скажите вашим мамам (назвав их имена), что вы нагло прилюдно курили на улице, и передайте им от меня (назвав свое имя), что я прошу их строго наказать вас. А я, когда буду в ваших казанских краях, проверю, хоро-

Книга 2023.indd 100-101 5/3/23 19:33

шо ли они выполнили мою просьбу. Понятно?! И больше ни мне, ни кому-то другому не попадайтесь с куревом.—И отпустил нас.

Мы как ошпаренные нырнули в переулок, и я долго-долго, аж до самого десятого класса, остерегался курить.

На встрече команды последователей Гайдара, взвесив все сложности нашего бытия в военное время, мы поняли, что это было даже не наивная, а просто дурацкая затея лишить себя огурцов в сезон, когда кто-то имеет их в изобилии, а мы—ничего. А кроме огурцов еще очень хотелось дынь и арбузов, а также подсолнечных и конопляных семечек, которые можно было обрести в походах на колхозные поля. И тогда, взвесив все за и против, решили вторжения на орепьевские грядки прекратить как очень невыгодное и опасное занятие, к тому же это избавляло нас от чувства вины за потоптанные грядки. Договорились в ближайшие дни изучить все подходы, удобные для нас при налете на колхозные плантации огурцов, бахчи, поля с подсолнечниками и коноплей, а также выяснить режим работы сторожей: когда они спят, делают обход или объезд охраняемых объектов, когда и куда отлучаются, каких собак держат—злых или жадных на гостинцы, в чем и в каких местах укладывают свою продукцию для отправки и прочие приметы их охранной жизни.

Выяснив все необходимое для наших походов на поля колхоза «Путь Ильича», мы приступили к набегам за огурцами, дынями, арбузами, не испытывая никакого чувства вины, поскольку выращивалась эта продукция неизвестно для кого и ее никогда не получали наши матери и их сыновья, работавшие в колхозе. Мы понимали, что это не колоски на хлебных полях, за которые сажали сборщиков, а овощи и ягоды, которые могут быстро сгнить, если их не съесть. Набеги мы обычно совершали рано утром, когда уже было хорошо видно, а сторожа путем не проснулись. На объекты своей «работы» мы пробирались от стен леса или лощин, покрытых чилигой и другими колючими кустарниками. Сторожа изредка пытались нас ловить, но, как только они это предпринимали, мы тотчас разлетались, как воробьи, по своим укрытиям, куда они и не пытались соваться. После каждой успешной операции мы возвращались с хорошей добычей, рассказывая домашним, что арбузы, дыни и огурцы мы заработали, помогая убирать урожай на колхозных бахчах. Ну а подсолнечные и конопляные поля мы посещали позже, уже в сентябре, и походы на них были всегда удачными. Мы набирали там

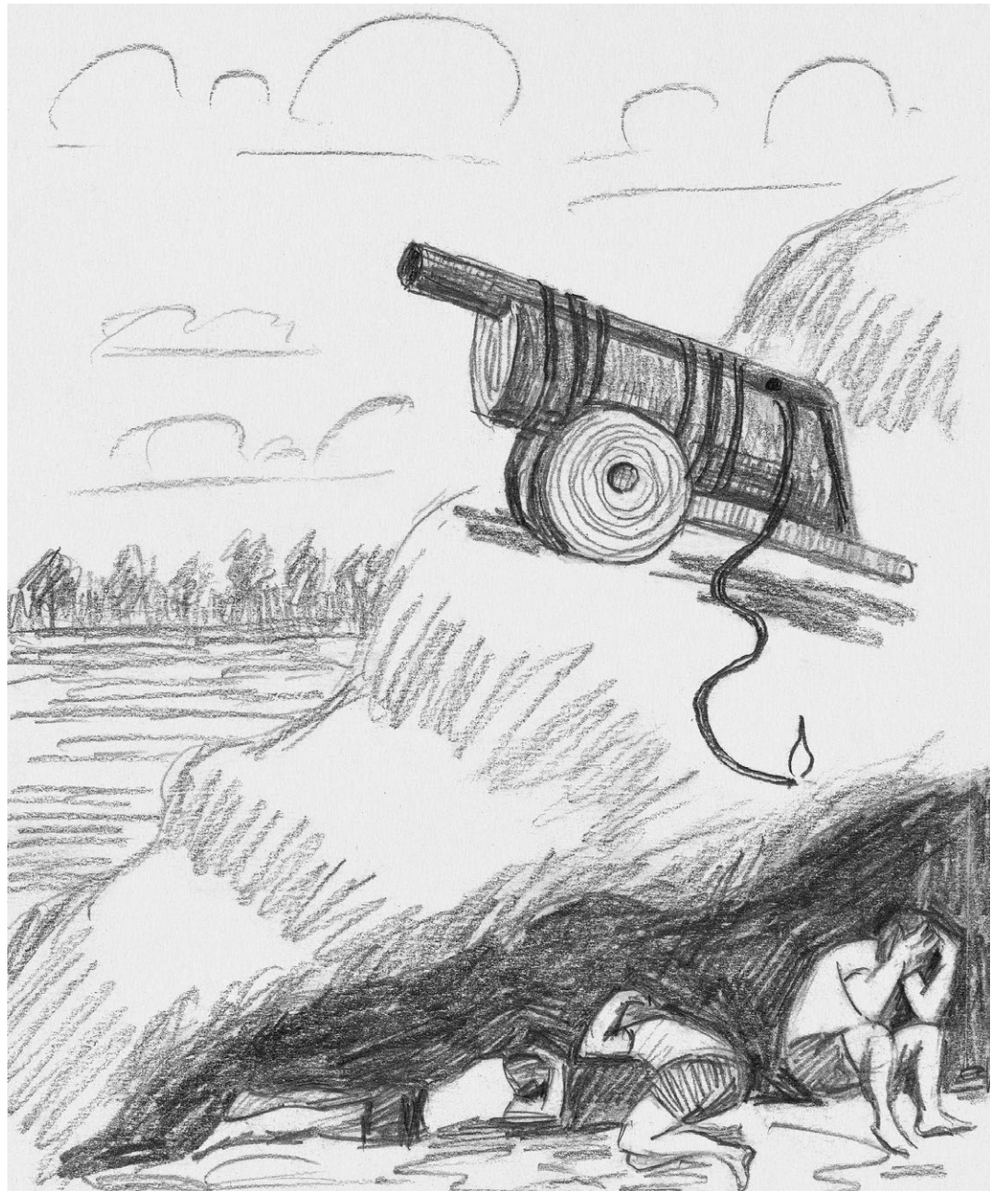
семечки, которые были очень вкусны в жареном виде. Эти поля охранялись одним всадником с плеткой, и если ты сплоховал и обнаружил себя, мог получить чувствительный удар по спине, который надолго отшибает охоту лузгать подсолнечные или есть конопляные семечки. Но нас было невозможно поймать на этих полях. Подсолнечник и конопля выше нас, и мы заходили, полусогнувшись, подальше от края, когда сторож на коне находился с противоположной стороны поля, и там сидя или лежа, совершенно незаметные, собирали семечки. А когда набирали столько, сколько нам нужно, осмотрев все кругом, покидали поле, пока сторож был от нас далеко.

Таким образом, вовремя отрезвев и отказавшись от гайдаровских идей, мы, дети, застигнутые войной, вернулись к своей исторически сложившейся обыкновенной деревенской жизни. А реализацию тимуровских идей уступили пионерам, которыми мы не являлись. Под разными предлогами мы отказывались участвовать в деятельности пионерских отрядов, и одной из главных причин было то, что вожатыми и их заместителями были дети начальников района—секретарей райкома, председателей райисполкома, милиции и других руководителей. Они зимой ходили в хорошей теплой одежде, летом бегали не босиком, а в сандалиях, и что-то втихаря ели в школе, доставая пищу из своих кожаных портфелей. За все это мы, дети пропавших и погибших отцов, люто ненавидели их и избегали встреч с ними. Они же в свою очередь старались избегать нас, особенно на реке, в лесу или в степи, где они в одиночку появлялись крайне редко, боясь быть избитыми.

Нас не смущало то, как мы были одеты и обуты. Я и мои друзья с Казанской улицы все лето от снега и до снега не носили никакой обуви, где бы мы ни были—в уреме, за Дёмой, в степи, на улице. И только бабушка следила за моими ногами, заставляя меня терпеть, пока она смазывала своими мазями цыпки или рваные раны под ногтями. Все лето я ходил в коротких штанах и рубашках, перешитых из отцовского белья. Осенью, когда уже наступали холода, но еще не было снега, я, как и старшие братья, носил отцовские ботинки или сапоги с шерстяными носками или портянками. Ну а поверх рубахи надевал фуфайку для взрослых, которую не снимал до самой весны. Когда же наступала зима, в начале декабря, как и все местные люди, я надевал валенки, на голову—малахай, под фуфайку домашние заставляли меня надевать толстый шерстяной свитер, связанный бабушкой. Когда было очень холодно, насколько я помню, меня одевали в овчинный полушубок для взрослых.

Книга 2023.indd 102-103 5/3/23 19:33

Мои школьные друзья с четвертого по седьмой класс: слева—Толька Мананников, справа—Вовка Семечкин и я—создатели пушки, испытания которой мы провели на берегу Демы.



Книга 2023.indd 104-105 5/3/23 19:33

Единственное, что отравляло нам жизнь зимой на улице, это милиция и то, как она вела себя на базаре и в других общественных местах. До нас, пацанов, доходила информация об арестах хороших людей за какие-то непонятные нам провинности, что вызывало тревогу за нас и наших близких и ненависть к милиционерам. И когда мы видели кого-либо из них, идущего нам навстречу, то торопились перейти на другую сторону улицы, боясь встречаться с ним. Летом же мы, почти не бывая в селе, их не видели, забывали про них и занимались своими, порой лихими, делами. И вот об одном таком деле мы вспоминали втроем с Вовкой Семечкиным и Толькой Мананниковым, с которыми я учился в неполно-средней школе. Будучи в Пономаревке, я встретил их к своей великой радости. Живут они в тех же домах, в которых жили в прошлом. Я был восхищен, что они здоровы и живут в ладу с собой в домах своих отцов и матерей, и никакие амбиции не заставили их покинуть Пономаревку, и они были этим счастливы. Посмотрев на их жизнь, я даже засомневался в значимости своих мытарств по тайге и по свету. Возможно, я лишил себя каких-то ценностей, скитаясь далеко от места жизни своих предков. Но главное, что мы не забыли, как втроем сконструировали пушку, чтобы ее залпом напугать своих неприятелей, не пускавших нас купаться на лучшем пляже Дёмы, который располагался в районе нынешнего моста.

В ту пору мы где-то достали обрезок двухдюймовой трубы длиной около метра, кувалдой сплющили и отогнули один ее конец, пропилили около него отверстие, повторив все то, что делается с трубкой при подготовке пугача. Потом нашли чурбак длиной с полметра, на котором сделали продольную выемку, и заделали в нем трубу, закрутив проводами. Сплющенный конец на торце пня закрепили большими гвоздями. Потом с нижней стороны чурбака прибили кусок жерди и с обоих концов поставили колеса из спилов дуба. Сашка Курдюмов, наш одноклассник, у своего отца втихаря достал порох, который мы заложили в трубу, а потом насыпали в нее мелкую гальку и придавили, как и порох, пыжами, вырезанными из брошенных валенок. Не помню где достали бикфордов шнур, и в какой-то день, вечером, когда на реке никого не было, мы втроем погрузили свое изобретение на тележку, укрыли сверху мешками и повезли на реку. На краю крутого берега, против пляжа, установили нашу пушку, направив на самую широкую часть русла реки, чтобы узнать, как далеко полетит галька. Один конец бикфордова шнура закрепили рядом с отверстием трубы, второй конец подожгли и спрятались в

канаву метрах в десяти от пушки на всякий случай, если испытание пройдет не по нашему плану. Огонь пошел к трубе, и вскоре происходит взрыв, и наше изобретение переворачивается и летит с крутого берега вниз. Разлетевшаяся галька нас не задела. Мы выскочили из укрытия и увидели, что наша пушка лежит в грязи у воды с разорванным дулом. Угрюмые, мы спустились к ней, посмотрели на наше грозное чудовище и поняли, что конструкторами оружия нам не быть. Мы столкнули пушку в воду, и она спокойно поплыла по реке, удержав нас от совершения бестолкового и опасного поступка. Но это испытание наделало много шума среди купающихся пацанов, и с тех пор на реке с нами никто не задирался, боясь, что мы можем повторить испытание новой пушки, о которой мы втихаря говорили самым болтливым.

Обсудив одну из самых ярких наших проказ, мы также вспомнили еще одно веселую проделку, которую учинил Семечкин с одним из наших одноклассников в четвертом классе. В неполно-средней школе зимой мы чуть ли не каждый день пилили несколькими поперечными пилами бревна березы, кололи чурки и разносили дрова по классам, складывая их у печек. И вот однажды Вовка Семечкин и Бульба (кличка одного ученика, фамилию и имя его мы не вспомнили) встали в темных сенях с большой корзиной и стали ждать учительницу Бундину (имя мы также не вспомнили). Она была небольшого роста, молодая, очень подвижная и веселая. Заходит она в сени, обметает валенки веником. И тут Вовка и Бульба поднимают ее, быстро сажают в корзину и с гиканьем бегут со своей ношей по коридору. Так пронесли ее два раза туда и обратно. Учительница кричала, смеялась, грозилась, а они, натешившись, под рукоплескания учащихся остановились перед учительской и очень вежливо помогли учительнице выйти из корзины, как из кареты. Кстати, это озорство в дирекции не разбирали, и мы часто его вспоминали, пока учились в этой школе.

В дирекции же разбирали другую шалость Бульбы. Бульба—длинный парнишка из семьи белорусов, эвакуированных из Минска. Потому мы и прозвали его Бульбой, зная перевод слова «картошка» на белорусский язык. Каждую весну он ходил в школу в лаптях, как многие из нас, и, чтобы как можно меньше мочить ноги, к каждому лаптю, так же как и мы, привязывал деревянные колодки с высокими каблуками под носками и пятками. Когда мы ходили или бегали по коридору, раздавался такой гром, как от лошадей, виденных нами в кино. А вот Бульба бегал и по партам. И вот как-то раз учи-

Книга 2023.indd 106-107 5/3/23 19:33

тельница на уроке за что-то его наказала, а когда надоело ему стоять в углу, он вскочил на парту в лаптях с этими каблуками и начал бегать по партам. Учительница в страхе вызвала директора, завхоза и кого-то из мужчин-учителей, они его поймали и утащили в учительскую. Там же, вызвав его маму, они вместе долго разбирали поведение этого шумного хулигана и все вместе наказали его, заставив сидеть в учительской за столом без лаптей и читать содержание урока по учебнику. Кстати, после этого наказания он больше не помышлял о том, чтобы бегать в лаптях по партам, и стал вести себя на уроках как все остальные ученики.

Итак, встретившись, мы, три выпускника, окончившие неполно-среднюю школу шестьдесят пять лет назад, с удовольствием вспомнили наиболее памятные эпизоды из нашей жизни в военное время, даже не выпив за встречу и расставание. К сожалению, не хватило времени. Договорились, что в следующий мой приезд мы основательно помянем наши школьные годы. Как видно из наших воспоминаний, несмотря на очень тяжелое время, мы жили довольно беззаботно и не принимали так близко к сердцу жестокости войны, как принимали их взрослые. И это, скорее всего, потому, что не понимали, как и в чем она проявляется, эта жестокость.

Но однажды я стал свидетелем ее проявления. Как-то летом 1943 года бабушка послала меня за коровой на выгон, где та паслась с несколькими коровами, по какой-то причине отставшими от стада. Выгон располагался далеко за дворами Первомайской улицы, последней улицы села, идущей параллельно нашей и граничащей со степью. Я нашел нашу кормилицу и уже было погнал ее домой, но вдруг увидел метрах в двухстах от меня толпу женщин с граблями, лопатами, косами, бегущих с криками за каким-то мужиком. Он бежал быстрее, чем они, и расстояние между ними не сокращалось. Из какого-то двора выскочили два милиционера и, обгоняя женщин, пустились за этим человеком. Я остановился и стал наблюдать за толпой. И вдруг беглец споткнулся и упал. Тут на него наваливаются два милиционера, а потом подбегают женщины. Я не утерпел и побежал к ним. Подбегаю и вижу, что женщины набросились на этого человека, стали избивать его черенками своих инструментов, ногами, крича: «Подлец, изверг, скотина, наши мужики воюют за нас и за тебя, а ты, дезертир, сбежал с фронта и целый год прятался по погребам, спасая свою жизнь». Мужик не сопротивлялся, лишь пытался защитить окровавленную голову руками, стонал и рыдал. Милиционеры кое-как вырвали его из рук истязателей и стали уговаривать женщин разойтись.

Мне было страшно смотреть на этого избитого человека, и я побежал назад к корове. Потом увидел автобус, подъехавший к толпе. Милиционеры затащили дезертира в салон, и все уехали. Женщины еще долго стояли и обсуждали событие, затем, собрав свой инструмент, пошли назад в деревню.

Вернувшись домой, я рассказал обо всем бабушке и матери. Они долго сидели молча, а потом мать, тяжело вздохнув, сказала: «Вот она война, она уже докатилась до нас. Страшно, когда наши воюют, а кто-то, сбежав, отсиживается в тылу за бабскими юбками. Их мало посадить, их надо выбросить в степь на растерзание волкам!» Бабушка молчала, строго смотрела своими пронзительными глазами в степь и, крестясь, причитала: «Господи, Христа ради, помоги нашим одолеть злодеев . . . Господи . . . »

Так в один из будних дней я встретился с жестокостью войны у себя в степи, и мне стало жалко отца, пропавшего без вести на фронте, где-то лежавшего засыпанным в окопе или доживавшего в безвестности в лагере смерти.

Наряду с жестокими драматическими конфликтами в будничной жизни села, связанными с войной, помню один забавный случай. Где-то в 1943 году напротив нас в доме справного хозяина поселились артисты театра из какого-то оккупированного города. Из них одна пожилая дама ежедневно вечером ходила к нам за молоком. Была зима, и она приходила в драной меховой шубе, и наша собака Норма всегда встречала ее лаем. Собака была привязана и никакой опасности для посетителей не представляла. Обычно она лежала в конуре мордой около входа. Приходящих к нам людей, одетых в фуфайки или овчинные полушубки, она молча провожала глазами до входа в дом. Собака-полукровка из гончих и дворняжек, Норма была великолепной охотницей за зайцами и лисами и, конечно, люди, одетые в знакомую ей с детства одежду, ее никак не привлекали. Но при виде существа, похожего на человека, в драной шубе из какого-то зверя Норма выскакивала из конуры и яростно лаяла, пытаясь сорваться с цепи. Хитрая артистка, чтобы успокоить собаку, всегда приносила ей гостинцы, и Норма замолкала до следующего ее прихода.

И вот как-то раз Петр уехал с Нормой на охоту на несколько дней в леса Максимовки. Артистка, которую мы, ребятишки, прозвали дояркой, продолжала ходить за молоком, но также с гостинцами, которые накапливала в кармане дохи на случай неожиданной встречи с Нормой. И через несколько дней этот случай возник. Петр вернулся с охоты, и собака заняла свое постоянное место в конуре. И вот она, наша доярка, вечером появляется в

Книга 2023.indd 108-109 5/3/23 19:33

ограде и идет свободно мимо конуры, не замечая собаки. Норма, увидев драную доху, выскочила из конуры, стала радостно лаять и вилять хвостом, не трогая обладателя такой дорогой шубы. Артистка, забыв, как собаку звать, испугавшись, остановилась и стала бросать гостинцы из кармана и кричать: «Порция, порция, порция», и Норма с удовольствием проглатывала, не жуя, свои порции. Мать в испуге выбежала из избы, но увидев собаку, подбирающую со снега гостинцы, успокоилась и вынесла артистке молоко. А та достала последний гостинец из кармана, с руки покормила Норму и ушла очень радостная на свою квартиру.

Впоследствии мы часто со смехом вспоминали эту необычную встречу, а Норму стали называть Порцией, но собака и на такую кличку отзывалась с удовольствием. Артистка, крестная мама собаки, вслед за нами стала называть ее Порцией, гладила ее и кормила порциями всякой еды, специально оставляемой ей с бедного стола эвакуированных актеров.

Наступила зима 1944 года. С войны вернулись раненые друзья отца Петр Логинов и Николай Безбородов, взятые на фронт в одно время с ним. Петр Логинов—это тот самый друг с Островки, с которым отец пролетел с матерными частушками мимо райкома, а Николай—муж сводной сестры нашей матери, жившей в доме деда Луки Ивановича, их общего отца. И они рассказали матери, что отец наш не пропал, а погиб, накрытый миной в окопе. Они были призваны вместе и зачислены в одно отделение какого-то батальона, кое-как вооруженного, брошенного 13 июля навстречу наступающим немцам где-то далеко на западе. Батальон не выдержал, и солдаты стали отдельными группами отступать под огнем неприятеля. Отец, будучи командиром отделения, как говорили Петр и Николай, велел бежать с оставшимися живыми назад и занять новую позицию, а он их прикроет. Отбежав и заняв какую-то канаву, они оглянулись и увидели, как в окопе Николая взорвалась мина, и поняли, что наш отец погиб. Батальон не удержался на новом месте, отступил, а расположение, где остался отец, надолго стало оккупированной территорией. Не дождавшись каких-либо иных подтверждений гибели отца, командование сообщило о нем как о без вести пропавшем через два месяца после этого события. Все пропавшие без вести в первые дни войны рассматривались командованием как погибшие, и в связи с этим семьям начислялась пенсия и какие-то льготы за погибшего кормильца. Так ли это было или по-другому, но отец погиб всего лишь через двадцать дней после того, как мы

его проводили на фронт. В это время, в начале войны, пропадали без вести целые военные подразделения, окруженные немцами.

Мать, услышав сообщение о гибели отца от его друзей, как они уже рассказывали, рыдала и приговаривала: «Эх, Колька, Колька, как был простодыра, делал все как всегда только по-своему, таким же и на войне остался. Нет бы бежать вместе с Петькой и Колькой, глядишь, и остался бы жив». И каждый раз, вспоминая их рассказ, она рыдала, приговаривая эти слова.

Наступил наконец-то 1945 год. Война шла к концу. Царила атмосфера радостного ожидания капитуляции Германии, и народ повсюду готовился к празднованию вселенского праздника Победы.

И вот наступил май. Берлин взят. Каждый день народ в Пономаревке с нетерпением ждал сообщения по радио о завершении войны и объявления дня Победы. Все ждали, что вот-вот этот день настанет—об этом сообщали по радио каждый день. Девятое мая. Раннее утро. Радио должно говорить, а оно молчит. Проходит полчаса, радио молчит. Проходит час, радио молчит. И вдруг громкий стук в окно. Слышим голос тети Нины Юрковой, уборщицы райкома, нашей соседки: «Паша, Паша, война закончилась!» Мать, как тигрица из логова (из чулана), бросается к окну, отворяет форточку, а тетя Нина продолжает кричать: «Паша, Паша, война закончилась!»—и дальше побежала к соседям Нагибиным, и дальше—к семье фельдшера Дегоды с криком: «Война закончилась, война закончилась! Победа, наша победа!» Через час радио начало говорить, и мы услышали, что Германия капитулировала и мы стали Победителями в самой кровавой войне человечества.

Книга 2023.indd 110-111 5/3/23 19:33

Отец, Николай Прокофьевич Седых (1906–1941). В селе Пономаревка—начальник районного отдела дорожного строительства и смотритель древнего Казанского тракта Москва–Казань–Оренбург. В начале 30-х годов председатель сельского совета в деревне Максимовка.

Отец. Война

Шел 1939 год. ЗИС-5, нагруженный домашним скарбом, катился из Максимовки в Пономаревку. Мне было тогда четыре года. Отец сидел в кабине, а мы втроем—Петька, Шурка и я—в кузове. За нами, не отставая, бежала наша черная собака по кличке Аза, с которой отец в Чепуховке и в окрестных лесах добывал зайцев. Я не помню пельменей из рубленой зайчатины, но, когда мать рассказывала о них, приготовленных ей, бабушкой и отцом, слюнки поневоле выступали.

Помню, миновали три татарские деревни, о которых я упоминал ранее, проехали по деревянному мосту через, как мне казалось тогда, очень широкую Дёму, оставили позади большую деревню Наурузово, и вот мы в Пономаревке. Нас уже ждали мама и Дмитрий, а бабушка еще оставалась на хуторе до следующего рейса.

Отца Николая Прокофьевича Седых, работавшего в деревне Максимовке председателем сельского совета, за неизвестные для меня заслуги Оренбургское управление дорожного строительства в 1934 году пригласило к себе на работу дорожным десятником, а потом назначило его начальником районного отдела дорожного строительства, где он должен был решать задачи проведения дорог в пределах района и обслуживания работы государственной шоссейной дороги, связывающей Оренбург с Казанью, издревле называемой Московским трактом, а в последнее время—Казанским.

В центре села, напротив нынешней работающей церкви, ему предоставили добротный дом под железной крышей для жилья и работы. Его контора размещалась в помещении, пристроенном к одному из торцов этого дома. При доме был огороженный забором большой двор, где всегда, как я помню, находились одна-две легковые машины. И вот в этом пятистенном деревян-

Книга 2023.indd 112-113 5/3/23 19:33

ном доме мы поселились семьей из восьми человек—отец, мать, бабушка, мои братья Димка, Петька, Шурка и сестра Женя. В нем мы и жили все вместе до 23 июня 1941 года. Отец с матерью занимали один чулан—спальню, Женя—второй, бабушка располагалась на русской печи в задней комнате, а мы, четыре брата, занимали все остальное пространство, но спали всегда в горнице на полу, застеленном на ночь дерюгами, овчинными тулупами и шубами. Я мало что помню из жизни в этом доме, но три случая до сих пор мной не забываются.

Поздняя осень. Черная ночь на дворе. Мы ночуем без отца. Окна дома наглухо закрыты ставнями с крепкими запорами, двери на засовах. Все улеглись спать. Не успев заснуть, слышим вдруг громкий стук в ставни. Все разом вскочили и молча стоят, испуганные неожиданным звуком. Стук повторился. Мать вздула десятилинейную керосиновую лампу и проговорила: «Что там за умалишенный ломится в дом так поздно? Димка, проверим,

При переезде в 1939 году в Пономаревку отцу предоставили для жилья казенный дом, в котором мы и поселились семьей из восьми человек. Дом в ту пору был рубленный под железной крышей. За последними двумя окнами располагалась контора «Дорстроя».

возьми только кочергу с собой». Сунув ноги в галоши, они вышли наружу, освещая себе дорогу лампой. Вскоре мы все оставшиеся дома услышали смех у ворот и громкую болтовню, и тотчас в дом вваливаются отец с лампой, за ним—мать и последний—Митька с какими-то сумками, и все повалились на пол, устроив с нами кучу-малу. Потом отец уселся между нами и начал из сумок доставать и раздавать всем гостинцы. И вот он, первый подарок мне из рук отца—металлический пистолет. Вручая его, он строго сказал: «Нигде и никогда не направляй пистолет на человека. Узнаю—отберу, и больше никогда и ничего не получишь из моих рук». Мне тогда было пять лет, и я с этим пистолетом не расставался целыми днями, всегда помня наказ отца. И только когда ложился спать, бабушка Настасья забирала его к себе на печку для сохранения, грозя указательным пальцем и говоря, что она обязательно накажет меня, если я возьму пистолет без ее разрешения. Такое строгое отношение даже к игрушечному оружию мне пригодилось, когда я стал ездить в экспедиции. От каждого владельца ружья и даже топора и охотничьего ножа я требовал, чтобы эти инструменты были только при нем, с его личными вещами, чтобы на базе и на таборе ружье было всегда разряженным и чтобы никогда и никому не давал ими пользоваться, оберегал от порчи или использования не по назначению.

Как правило, взятый без разрешения топор возвращается хозяину с зазубринами, нож обычно почему-то теряется, а ружье в неумелых руках нередко приводит к трагедии. Владельцу ружья следует всегда помнить, что и кочерга раз в жизни стреляет, и, руководствуясь этими словами, нигде и никогда не оставлять оружие незачехленным или заряженным. Огнестрельным оружием должен пользоваться только хозяин и только по назначению.

Второй и третий случай—это уже уроки за баловство и воровство. В пять лет я и мой сосед такого же возраста пытались поджечь скирд кизяка, стоявший между нашими домами. Об этом я уже выше кратко упомянул, а сейчас расскажу более подробно. Насовав внизу в дырки скирда бумагу, я чиркал спичками по коробке, но они не зажигались. И тут совершенно неожиданно моя бабушка обливает нас ведром воды, перехватывает меня рукой и тащит к нам во двор. Здесь же, не выпуская меня, она рвет голыми руками самую жгучую крапиву с мелким листом, зажимает меня ногами, сбрасывает с меня короткие штанишки и по голой попе успевает хлестануть раза три. Жгучая боль охватила задницу. Я не помню, кричал я или нет, но я вырвался и удрал

Книга 2023.indd 114-115 5/3/23 19:33

со двора. До самого позднего вечера я болтался где-то в центре села в районе базара, а потом потемну вернулся домой, пробрался в контору и залег там на лавку. Минут через тридцать заходит бабушка, садится рядом со мной. Гладит меня по голове и рассказывает, что могло бы случиться, если бы она вовремя не застала нас за поджогом скирда. Потом принесла большую кружку молока и большой ломоть хлеба, и, пока я их уплетал, она рассказывала всякие страшные события из жизни погорельцев в Боголюбовке и Максимовке. Будучи уже в экспедициях в тайге, я жестко требовал от рабочих и всяких романтиков строго выполнять инструкцию по технике противопожарной безопасности и особенно тщательно гасить костер при уходе с места ночевки или после чаепития. При этом я нередко рассказывал им историю с поджогом из моих «детских университетов». Обычно кто-нибудь из бичей шутливо замечал, что в тайге нет этой страшной крапивы. «А жаль, что ее здесь нет!—серьезно отвечал я.—Ради лучшего освоения правил обращения с огнем в лесу было бы полезно каждого из вас посечь этим растением, чтобы поджигателя тайги и меня вместе с ним избавить от ходки в места не столь отдаленные». Слушатели с улыбкой наблюдали наш диалог, но с огнем в тайге обращались очень и очень ответственно.

Третий же случай не менее примечательный, и я его помню со всеми подробностями. Не знаю, где ночевал в ту ночь Димка, видимо, на погребке или на сеновале во дворе, но его с нами не было. И вот утром отец будит нас троих—Петьку, Шурку и меня—и говорит: «Ну, субчики, сознавайтесь, что вы делали на огородах этих тетушек?» Протираем глаза и видим: в дверях стоят три бабули и что-то наперебой рассказывают отцу. Мы их сразу узнали и тут же втроем быстро нырнули под тулуп. Одна из них жила неподалеку, на берегу Дёмы, и Петька у нее часто тырил дыни с бахчи. У второй тетки, которая жила поближе к нашему дому, на огороде были грядки с огурцами, на которые совершал набеги Шурка со своим другом и с соседом этой тетки. Ну а я, как самый младший (мне было тогда всего пять лет), никуда самовольно не отлучался, но у соседей в ту пору я все-таки собирал горох. Лежа на меже рядом с его зарослями, срывал стручки со стеблей и жевал, наслаждаясь зеленой мякотью. Чужой горох оказывался почему-то слаще нашего, который рос неподалеку от соседского. Слышим, отец говорит теткам: «Девки, сейчас при вас я их поучу как следует, и после этого они никогда не будут лазить по вашим грядкам. Петька,—строго сказал отец,—вылезай-ка из норы наружу, опусти трусы, ложись животом вниз и жди, пока я не приготовлю ремень для

Отец и мать в 30-е годы.

Книга 2023.indd 116-117 5/3/23 19:33

тебя». Петька молча делает, что ему приказал отец. А рядом с дверью висело несколько ремней различной ширины, которые использовались отцом для ношения и правки опасной бритвы. Отец демонстративно перед тетками выбирает самый узкий ремень, ворча: «Старшего надо посечь побольнее, чтобы плохой пример не подавал младшим», протягивает его с удовольствием через кулак левой руки, потом, сложив его вдвое, подходит к молча лежащему Петру и три раза подряд проходит ремнем по его голой заднице. Тетки, увидев, что отец собрался серьезно посечь старшего, отвернулись, а одна из них начала креститься, приговаривая: «Свят, свят, свят . . . » «Все, хватит с тебя и запомни: будешь тырить чужие дыни, буду сечь очень и очень часто». Петька после третьего удара юркнул под тулуп и больше не появлялся. Выполнив экзекуцию, отец строгий, но довольный, вернулся к ремням и стал тщательно выбирать из них второй для Шурки. Тетки же после первого урока заголосили и начали просить отца младших братьев не сечь, а только строго их поругать. Отец, не обращая на них никакого внимания, выбирает ремень пошире и показывает теткам, что таким ремнем будет сечь младшего не так больно, как старшего. Потом провел вторую экзекуцию. Шурка после порки быстро скрылся под тулупом, а потом, чуть-чуть отвернув его полу, стал наблюдать за отцом, как он будет расправляться со мной. Ну здесь уже тетки прекратили наблюдать расправу по их доносу и бросились на кухню к матери с просьбой остановить своего палача. Как рассказывала потом мать, отец глянул на них из-за двери, держа связку ремней в руке, и зло процедил сквозь зубы: «Девки, не учите меня, как правильно жить и не мешайте мне проводить уроки». Потом повесил ремни на стену, оставив в руке самый широкий ремень, и, прижимая ладонью, протянул его по штанине.

Тетки, увидев намерение отца все-таки посечь и пятилетнего ребенка, удрученные поркой старших, засуетились и поспешили покинуть расправу над ворами, но отец остановил их и на прощание сказал: «Хорошо, девки, что донесли мне на моих огольцов, и теперь увидите, что никогда более никто из них не появится на ваших огородах, и даже их друзья будут теперь обходить ваши плетни». Отец, проводив теток, вернулся к нашей лежке с ремнем. Я понял, глядя на ремень, что мне не миновать наказания, снял трусы и лег на пузо.

Отец сел на табурет рядом со мной и с улыбкой объявил: «Эй, грабители, Петька и Шурка, вылезайте на свет божий и вместе со мной будем судить

самого хитрого озорника. Ну, Вовка, ну хитрый ты плут. Залег в заросли гороха и поедал чужое добро несколько дней чуть ли не рядом с хозяйкой, которая тебя увидела, когда стала поливать горох. Если ты и ничего не уволок с огорода, но ел чужое без разрешения, то это тоже считается воровством, и тебе полагается принять три ремня, как и твоим братьям-грабителям». Отец, не поднимаясь со стула, шлепнул меня три раза ремнем по спине и скомандовал: «Подъем, умываться и завтракать!» А после завтрака при свидетелях—матери, бабушке и Жене—спокойно провел беседу с нами, сказав нам, что мы уже взрослые, а раз взрослые, то такие же, как отец, мать и бабушка, а они не воруют, а зарабатывают то, что нам всем надо для жизни. «А посему с сегодняшнего дня,—заявил отец,—вы втроем под руководством самого старшего из вас, Петра, каждый день будете наводить порядок во дворе и перед домом. В сенцах в корзине будет всегда навалом огурцов, гороха и даже дынь, и каждый из вас, никого не спрашивая, может есть их, сколько в вас влезет. Ну а теперь радуйтесь, что ни один ремень не коснется ваших голых поп, а болячек еще при жизни наживете много и без отца с матерью»,—закончил отец урок и, улыбаясь, достал из-под стола дыню. А через неделю у нас появился футбольный мяч, который мы все свободное время гоняли на площади возле церкви перед домом.

И вот сейчас, вспоминая эту расправу над нами, я восхищаюсь отцом, устроившим изящный спектакль по воспитанию своих детей. Выбором емней для порки, строгим обращением к нам отец только демонстрировал перед тетками свою суровость, а шлепал нас совсем не больно. И даже Петька заметил: «А чтой-то ты, папаня, так неумело стегаешь, было не больно». «А я только примерялся, искал место на ваших спинах и задницах, где в следующий раз я бы мог посильнее похлестать»,—ответил отец, улыбаясь. Отец, как режиссер, показывал теткам и нам, что мы всегда будем неотвратимо наказаны за воровство. А дело-то было в том, что мы только год как переехали жить в райцентр, и наши родители еще не обустроились на новом месте и не завели еще своих грядок из-за отсутствия колодца во дворе. В Максимовке овощи у всех выращивались у ручья, и никому из деревенских детей даже в голову не приходило что-либо красть с чужих огородов.

После этой разборки ничего особо примечательного не помню до ухода отца на войну, за исключением поездок с ним на ближайший дорожный кордон, расположенный у второй вершины. Он нередко брал меня с собой туда,

Книга 2023.indd 118-119 5/3/23 19:33

где постоянно жил с семьей смотритель и ремонтник дороги. Семья жила в приличном рубленом доме, покрытом тесом, во дворе которого располагались брички, телеги и всякий дорожный инвентарь, а в загоне под лабазом содержались лошади. Все это хозяйство использовали рабочие при ремонте дороги. Также на этом кордоне задерживались автомашины, идущие с железнодорожной станции Абдулино до Оренбурга. Шоферы здесь ночевали и исправляли всякие неполадки в автомобилях. Обычно на кордон мы ехали в тарантасе, запряженном хорошей лошадью, часто останавливаясь в разных местах, где отец подолгу ходил и что-то записывал, а я тем временем радостно бегал по лесным посадкам с обеих сторон дороги, прячась от жгучего степного солнца. Эти посадки в ту пору были единственными, созданными по инициативе отца дорожным отделом района. Отец мне объяснял, что, когда деревья в этих полосах подрастут, то вместе с густым кустарником под ними будут защищать дорогу от снежных заносов и сильных ветров, что позволит в зимнее время беспрепятственно ехать по ней любому транспорту.

К моему удовольствию, когда я был в Пономаревке вблизи села, я также видел остатки этой древней лесозащитной полосы, еще выполнившей свое предназначение по защите старой дороги от заноса снегом, напоминающие мне и моим землякам о творчески инициативных людях, живших когда-то в глубинке Оренбургской области и начавших создавать лесозащитные полосы в районе за много лет до сталинского плана преобразования природы в степях СССР.

И вот настал 1941 год. На третий день начала войны, 24 июня, Николай Прокофьевич Седых был взят на фронт. И в первые же дни войны пропал для нас без вести где-то на границе, пока позже нам не сообщили о его смерти. Возможно, он остался бы жив, если бы был призван на фронт позже. Буквально через два дня, 26 июня, курьер из Оренбурга доставил в военкомат бронь на отца на полгода. Но она не застала его, он уже был два дня в пути. Курьер, а это был непосредственный начальник отца Смелков, как вспоминала мать, в расстройстве отметил, что отец в начале войны принес бы больше пользы, занимаясь поддержанием стратегически важной дороги Казанского тракта в рабочем состоянии для начинающегося потока автотранспорта. Начальство дороги также посчитало, что если война не закончится за полгода, то отец может быть призван на фронт, но только в саперные войска, где он мог бы внести значительно больший вклад в разгром врага, чем будучи простым солдатом.

А районное начальство поступило по-своему. Воспользовавшись моментом, оно вручило повестку на второй день войны и отправило его на фронт на третий день, наконец-то грамотно избавившись от очень непокладистого и своенравного человека, занятого исключительно ремонтом и обновлением старинного Казанского тракта, открытого Екатериной II и соединяющего Оренбург с Казанью и Москвой. Причину этой акции, совершенную управленцами района, я понял много позже. Уже когда я был взрослым и мы обсуждали дома какие-то события в Пономаревке, мать нередко упоминала фамилии местных начальников, которые плохо относились к отцу. А они, видимо, по-другому и не могли. Какой-то неизвестный мужик из какой-то малоизвестной Максимовки неизвестно за какие заслуги вдруг назначается областью начальником отдела дорожного строительства в райцентре с решением одной задачи: ремонта и содержания в рабочем состоянии стратегически важной дороги в пределах Пономаревского района. В центре села ему предоставляется по тем временам великолепный пятистенный дом под железной крышей, и он за свои дорожные дела отчитывается не в районе, а в области. Ну кто из местного начальства, повязанного страхом и доносами друг на друга, будет воспринимать положительно такого человека без «пуха на рыльце», к которому не за что придраться и не за что наказать. Притом отец, будучи беспартийным,—что у всех управленцев района вызывало недоумение,—отвечал за очень важный объект, в распоряжении которого был свой транспорт: автомобили, лошади, рабочие и даже кордоны на дороге с живущими в них смотрителями—ремонтниками дороги. Он выполнял работу только своими силами, ни с кем не взаимодействовал, и контролировать его было невозможно. Конечно, наделенный такими полномочиями, в глазах местных управленцев он стал персоной нон грата, и, воспользовавшись моментом, начальство района тотчас избавилось от него повесткой на фронт.

23 июня 1941 года. Воскресенье. Стоял яркий солнечный день. Мать с бабушкой, печальные, с раннего утра суетились, собирая отцу все необходимое в дорогу. К обеду появился фотограф. Мать позвала своих детей, и мы с отцом, матерью и бабушкой сфотографировались впервые всей семьей. Эта фотография осталась вечной памятью о той счастливой довоенной жизни, которую я до сих пор чуть-чуть помню.

Но проводы отца мне запомнились хорошо. После ухода фотографа семья уселась за стол, и, как бывает на Руси при проводах на войну, все вели себя довольно непринужденно и весело, уверенные в том, что скоро отец

Книга 2023.indd 120-121 5/3/23 19:33

Семья Седых 23 июня 1941 года в день ухода отца на фронт. Вверху стоят—Дмитрий, Петр, Александр; сидят—мать, отец, Женька, бабушка и Вовка стоит.

вернется и мы заживем прежней жизнью. И только когда стали выходить из-за стола, бабушка Настасья и мать буквально заголосили, загружая две котомки бельем и продуктами. Дети стояли молча, растерянные, придавленные непонятной для них тревожной атмосферой. Отец, деловито проверив то, что положили ему в котомки, крепко завязал их и попросил всех сесть на прощание, взял Женьку на колени, а меня привлек к себе. Потом разом встали. Отец оглядел печально дом и все, что стояло в комнатах, расцеловал меня с Женькой и решительно вышел за дверь. Митька и Петька подхватили его котомки, Шурку он обнял за плечи, мать взял за руку, и они вышли из ворот. Бабушка обняла меня с Женькой, и мы вместе сидели на лавке у ворот, долго глядя на уходящих, пока они не скрылись за вышкой пожарки.

Бабушка вытерла слезы платком, прижала нас к себе, и мы вернулись во двор. Солнце ярко светило с утра, и, несмотря на такой прекрасный летний день, мне стало печально и тревожно: мне показалось, что отца-то я больше не увижу. И где-то через час я схватил за руку трехлетнюю Женьку и поволок ее в военкомат. Бабушка загородила мне дорогу и решительно не отпускала, боясь, что где-то на пути к военкомату, до которого от нас было километра два, мы потеряемся. Не слушая бабушку, я еще крепче зажал руку сестренки, и, не оглядываясь, мы прытко побежали к провожающим. Прибегаем. Народу у военкомата тьма. Стояло много запряженных подвод. Народ толпился группами, и среди них кто-то играл на гармошке, кто-то распевал частушки, кто-то плясал, большинство женщин рыдало. Наши стояли очень печальные, прижавшись к отцу. Увидев меня и Женьку, отец быстро подошел к нам, присел на корточки и со слезами на глазах стал обнимать и целовать нас. Димка, Шурка, Петька и мать стояли над нами и удивлялись вслух тому, как мы очутились здесь. Отец радостно похлопал меня по спине, как я понял позже, молча похвалив за то, что я так дерзко сбежал из дома, чтобы проститься с ним, решительно встал и пошел к своим попутчикам, сидевшим на телеге. Потом остановился, вернулся, всех обнял и поцеловал, подошел к жене и сказал: «Паша, об одном прошу, дай сыновьям и дочери высшее образование, Агафья тебе поможет». Обнял ее, постоял, опустил руки как плети и, полусгорбленный, пошел садиться на телегу. Телега с шестью мобилизованными тронулась. Мать разрыдалась и стояла вместе с нами, не двигаясь, пока телега не выехала на Казанскую улицу, Казанский тракт, который обустраивался в последнее предвоенное время моим отцом Николаем Прокофьевичем Седых.

Книга 2023.indd 122-123 5/3/23 19:33

И вот с тех пор я отца не видел и познавал его позже только по воспоминаниям моей матери. Они учились в одном классе церковно-приходской школы в деревне Максимовке. Отец учился лучше всех. Моя мать, будучи озорной девчонкой и обладая недюжинной силой, чтобы Колька не хвастался своими отметками, нередко поднимала его на руки, выносила из класса и бросала в сугроб. Кольке это со временем очень понравилось, и, когда они поженились, часто провоцировал жену на то, чтобы она поносила его на руках. Хотя к тому времени отец также стал сильным мужчиной и сам был готов свою молодую жену носить на руках. Она этого не любила, но шла на руки, если отец обещал за это рассчитываться выполнением любых ее капризов.

Несмотря на все трудности нашей жизни после ухода отца на фронт, мать нередко рассказывала разные смешные ситуации из их жизни «с Колькой», пока в сентябре 1941 года не пришло с фронта извещение о том, что он пропал без вести. Как рассказывала мать, после получения этого печального сообщения она уходила в степь, заваливалась в глубокую борозду на пашне и выла как волчица, прося у бога ответа на вопрос, как одной прокормить семью из семи человек, причем Дмитрию, самому старшему из пятерых детей, в 1941 году было всего пятнадцать лет, самой младшей — три года, а свекрови было уже за семьдесят. Мать ходила в степь несколько дней, пытаясь как-то утешить себя и найти силы в себе и в детях, чтобы начать жить без отца. И вот он выход: Николай пропал без вести, но еще может найтись, и надо ждать его во что бы то ни стало. А теперь уже давно настала пора косить сено скотине, готовить дрова на зиму, копать картошку и ждать, ждать отца. И так началась новая жизнь без отца с нечеловеческим напряжением — борьба с голодом, холодом, болезнями и другими напастями военного времени.

С тех пор в ежедневных молитвах мать стала упрашивать бога после победы над врагом вернуть нашего отца в любом виде и дать ей силы поднять пятерых детей и, как просил отец, сделать все возможное для того, чтобы они получили высшее образование.

Лесная полоса вдоль Казанского тракта, созданная по инициативе моего отца и выполняющая до сих пор свою роль по защите старой дороги от снега, 2013 год.

Книга 2023.indd 124-125 5/3/23 19:33

Уже будучи студентом, я нарисовал уход земляков на фронт.

Мать, Прасковья Лукьяновна Седых (1906–1991). С 1941 по 1950 год после ухода мужа на фронт работала в колхозе «Путь Ильича».

Мать. Война

После официального сообщения о без вести пропавшем отце в сентябре 1941 года мать поняла, что он теперь не скоро вернется, а может, не вернется совсем. В один момент перед ней возникла безжалостная проблема спасти четырех сыновей и дочь от голода, холода и болезней и оградить их от улицы, а наряду с этим для нее стало наиважнейшей задачей мобилизовать себя на выполнение стратегического наказа мужа дать всем детям высшее образование. И мать, как-то собрав нас вместе, строго сказала: «Запомните навсегда: отец был и будет с вами участвовать в ваших ежедневных делах, пока вы живы. А сейчас мы будем его ждать, как ждали его приезда из длинных командировок». И вскорости, свыкшись с возникшим положением как данностью, мать, не строя каких-то конкретных планов, приступила к последовательному монотонному выполнению задания отца как к обычной ежедневной работе, опираясь на его авторитет. А авторитет отца у нее и детей был непререкаемым, и мать им мастерски пользовалась, осознанно формируя в нас его черты характера и его неутомимое стремление к высокому уровню образования. И мать добилась этого в полной мере, прилагая все силы и умение жить в чрезвычайно трудных условиях того времени, полученное ей от своего рода.

Прасковья Лукьяновна Седых, а в девичестве Иноземцева, потеряв мать еще в раннем детстве, росла и воспитывалась только заботами отца Лукьяна Ивановича из рода северных прибалтийских славян, пришедших когда-то на юг и поселившихся на землях будущей Тамбовской губернии. Видимо, от аборигенов юга они получили прозвище людей из иных земель, ставшее впоследствии фамилией «Иноземцевы» мужской части этого рода. Они были крестьянами-однодворцами и так же, как и род Седых, переселились в начале XIX века в Оренбургскую губернию.

Книга 2023.indd 128-129 5/3/23 19:33

Будучи сообразительной и работоспособной, мать овладела практически всеми хозяйственными женскими и мужскими делами, которые передали ей ее отец, деды и бабки, тетки и дяди, знавшие и умевшие многое из того, что принесли их пращуры с севера. К своему замужеству мать на швейной машине «Зингер» могла сшить все от батистовой кофты до шубы из овчины, приготовить любую пищу как в русской печи, так и на тагане, и особенно мастерски она готовила разнообразные квасы и самогонку, пельмени и рыбу по-северному, обязательно надрезая спинки рыб до хребта, чтобы они хорошо прожарились. К тому же она филигранно отбивала косы и лучше всех косила траву. Она метала стога, принимала роды у скотины, пахала землю плугом, запряженным тремя конями, даже плела лапти и освоила многие другие премудрости. При этом мать обладала от бога физической силой и смекалкой, пользуясь которыми она спокойно, не суетясь, преодолевала любой возникший конфликт с природой или с людьми, свидетелем чего я был не раз.

Однажды осенью 1943 года мы с матерью возвращались с сенокоса из-под Островки, сидя в рыдване на большом возу сена, крепко закрепленного бастрыком и несколько раз перехваченного веревками поперек воза. Дорога большей частью шла под уклон, и лошадь бойко везла нас, не прилагая усилий. И вот уже с правой стороны осталась знаменитая гора Маньяк, и далее пошел самый крутой участок дороги. Мать сильно натягивала вожжи, чтобы удержать лошадь от быстрой и опасной езды и заставляя ее не торопясь спускаться вниз. И вот он, последний и единственный крутой поворот дороги перед выходом на луга Дёмы, раскинувшиеся до деревни Наурузово. Мы медленно съехали к подошве склона, и лошадь пошла спокойно, теперь уже прилагая усилия, чтобы тащить груз. И вдруг задний левый угол рыдваны начал клониться вниз, а потом резко остановился, и мы с матерью, держась за веревки, сползли вниз на дорогу. Лошадь стоит как вкопанная, даже не пытаясь сдвинуть воз. Сено, предусмотрительно закрепленное бастрыком и веревками, не разваливается. Воз, сильно наклоненный влево, опирается на ось, упертую в дорогу, а колеса ни рядом с возом, ни вблизи не видно. Что делать? Мать, не задумываясь, послала меня вперед найти колесо и прикатить к возу, а сама пошла по дороге назад искать деревянную чакушку. Вернулась и только тогда стала осматривать сильно наклоненный бок рыдваны и всю заднюю ось.

Я нашел колесо в кювете, метрах в десяти от лошади, и прикатил его к возу. Мать, не спрашивая меня, справлюсь ли я с заданием или нет, скомандовала: «Как только поднимется ось чуть выше втулки, тут же насаживай колесо на ось и толкай его вперед. Все, давай». Мне было тогда всего восемь лет, и я еще ни разу не поднимал колесо. А заднее колесо было, наверное, килограммов пятнадцать. После этого приказа я нисколько не засомневался в том, что я его подниму, сосредоточился и, стоя около оси, удерживал колесо вертикально рядом с ней. Глянув с одобрением на колесо, а не на меня, мать подлезает под верхнюю опору рыдваны, прикладывает спину к плоской боковине ее, упирается ногами в дорогу, и вдруг на моих глазах левая задняя часть воза медленно пошла вверх. «Вовка,—кричит мать резко,—не разевай рот, быстро надень колесо». И я втупруж надел втулку на ось и, повертывая колесо по смазанной дегтем оси, дослал его вперед до упора. В тот же момент воз резко сантиметров на пять упал вниз и остановился, удерживаемый четырьмя колесами. Мать поднялась, отряхнула с себя сено, улыбнулась и сказала: «Ну, Вовка, ты молодец, прямо в отца». Затем она воткнула чакушку в отверстие оси, нашла какой-то обрывок веревки и закрепила ее, прочно примотав к оси. Мы, довольные, забрались на воз, и отдохнувшая лошадь, пофыркивая, повезла нас домой, на Казанскую улицу.

Ну а смекалкой своей мать выручала не раз себя, семью, своих близких и колхозников, с которыми она стала работать в пятой бригаде после ухода отца на фронт. Я расскажу только об одном ужасном событии, когда она спасла себя, своих напарников и нас, детей, бабушку и золовку от страшного неизвестного будущего.

Наступила зима 1943 года. После ухода отца на войну и до ее окончания мы по-настоящему не голодали. За нашим домом, в который мы переехали, было двадцать соток земли, на которой мы выращивали картошку. Кроме того, на лугах распахивали два огорода соток по пятнадцать, где также выращивали картошку, которой нам хватало на целый год, а излишек мать продавала оренбуржцам. Еще мы держали дойную корову и от нее теленка на мясо, пять голов овец и около пятнадцати кур. Молоко в качестве налога ежедневно сдавали в молкомбинат, и оттуда нам возвращали примерно столько же обрата, из которого бабушка делала кислое молоко, похожее на современный обезжиренный кефир. Щи у нас практически не сходили со стола. Большей частью они были пустыми, но зимой в них было и мясо. Мы выращивали

Книга 2023.indd 130-131 5/3/23 19:33

Спуск дороги с увала в направлении татарской деревни Наурузово. Впереди на повороте заднее левое колесо соскочило с оси рыдваны с большим возом сена.

Мать (слева) со своей двоюродной сестрой, с Димкой, Петькой, и Шуркой на коленях.

Книга 2023.indd 132-133 5/3/23 19:33

капусту на песчаных берегах Дёмы, и практически ежегодно мать засаливала две кадушки общим объемом около четырехсот литров, которых нам хватало до нового сбора. Наряду с картошкой мать выращивала на огородах много тыквы. Тушеную в чугуне и с пшенной кашей, мы потребляли ее практически до марта в качестве второго блюда после щей. Также на второе очень часто готовилась абарка — горох, который тушился в глиняных горшках. Часть тыквы мать солила вместе с капустой, и мы ее, по вкусу похожую на моченые яблоки, также уплетали с картошкой.

Летом же у нас ежедневно был изготовленный, как правило, из свеклы квас, яйца, рыба, добываемая собственным семиметровым бреднем на Садаке и Сидяке, и овощи, поставляемые нашей родней из Максимовки. У нас не было сахара и, конечно, хлеба. С полуночи мы, ребятишки, занимали очередь за хлебом и приносили его из магазина не каждый день, тратя деньги, полученные от продажи картошки. На базаре зерно и муку не продавали, и их добывали только где-то в деревнях путем обмена на довоенную одежду. Лепешки и блины готовились дома только по праздникам, а в остальное время из буханок хлеба, покупаемых в магазине, мать с бабушкой наладились делать пироги с добавлением картошки и жареной муки, как они говорили, «для запаха». Это рукотворное кулинарное изделие, тяжелое и похожее на стандартный кирпич хлеба, мы дети называли «пурыня» и через силу проглатывали вместе со щами. Также почти каждый день на завтрак бабушка готовила еще блюдо из картошки, перемешанной с жареной мукой. Это изделие мы называли почему-то дедкой и ели по утрам с кислым молоком.

К концу января 1942 года заготовленные до войны зерно и мука были на исходе, и перед матерью возник вопрос, где их достать. Вокруг Пономаревки хлеб по обмену уже было не найти, и надо было ехать куда-то далеко. Мать прослышала, что в Акбулакском районе за Оренбургом в деревнях легко меняют хлеб на тряпки, и у нее возникла идея добраться туда. Сговорилась с напарницей в колхозе и с одним мужиком из пятой бригады колхоза «Путь Ильича», и они на лошади Дорстроя отправились в путь. В то время новый начальник Дорстроя, работавший с отцом до войны, помогал нам чем мог.

До хлебного места было более двухсот километров, и обменщики надеялись вернуться с покупками дней через семь-восемь. Никто в нашей семье не сомневался в успехе затеи матери, и мы, спокойно жуя пурыни со щами, стали ждать ее возвращения. И вот в конце девятого дня ее отсутствия открываются ворота, и во двор въезжают сани с двумя мешками зерна. Все кинулись

обнимать мать, а она, притянув нас к себе, спокойно сказала Митьке и Петьке разгрузить сани, занести мешки в кладовку, распрячь лошадь и поставить ее под лабаз к сену, накрыв дерюгой, и завтра отогнать в Дорстрой и добавила: «И завтра после обеда затопите баню». Старшие сыновья остались выполнять поручения матери, а мы с Женькой за матерью ввалились в дом, где бабушка затопляла голландку в горнице, а тетя Ганя (это мы, дети, когда тетя эвакуировалась из Харькова, стали звать ее тетей Ганей) готовила какую-то еду на ужин. Мать остановилась, через силу как-то улыбнулась, спросила у тети и бабушки: «У вас все в порядке?» — и, покачнувшись, прошла в свой спальный чулан. Сняв валенки и шубу и далее не раздеваясь, упала на кровать, накрылась шубой и тотчас же заснула. И проспала, не поднимаясь, до обеда следующего дня. Мы до поздней ночи сидели в задней комнате, радостно обсуждая появление матери с хлебом и то, что она вернулась здоровой и что, судя по ее поведению, все прошло без приключений.

На следующий день ближе к полудню Митька и Петр начали готовить баню, занесенную последним бураном: откапывать ее от снега, возить воду, колоть дрова. Затопив баню, они вернулись в избу, и мы все, кроме матери, стали занимать свои места за столом. И вот она, Прасковья Лукьяновна, выспавшаяся, с заплетенной косой, в шерстяной кофте, небрежно накинутой на белую батистовую блузку, садится рядом с Шуркой, со мной и Женькой, кладет свои руки нам на плечи, оглядывая всех, произносит: «Ну что, максимские шушпаны, живем дальше с хлебом и даже с блинами по праздникам. А сегодня, — мать повернулась к бабушке Настасье, лежавшей на печи и наблюдавшей за всеми внизу, — делаем настоящую домашнюю лапшу с мясом по случаю удачной торговли, проведенной вашей матерью в Акбулакском районе».

Все сходили в баню. Стол для ужина был накрыт в горнице, где в голландке потрескивали дрова, было тепло, и раскрасневшаяся мать весело раскладывала лапшу по мискам. Бабушка по этому случаю тоже сидела за праздничным столом, строго наблюдая за поведением внуков и внучки. Из мисок валил пар, распространяя запахи баранины, и все ждали команды начинать. И началось. Мы, дети, не дожидаясь, когда лапша остынет, активно дуя на нее в ложках, осторожно отправляли в рот и далее с наслаждением проглатывали. Миски пустели быстро, но мать, следя за нами, подливала новые порции, чтобы наелись лапши до отвала.

Все насытились, но никто из-за стола не уходил. Стали ждать, когда мать

Книга 2023.indd 134-135 5/3/23 19:33

расскажет о своем путешествии. Но она, судя по всему, и не собиралась ничего рассказывать, а наоборот, спрашивала нас всех, как мы без нее здесь жили. Но наша тетка, как самая любопытная среди нас и с образованием, все-таки попыталась разговорить мать и спросила: «Ну как вам троим удалось все-таки у черта на куличках сбагрить свои тряпки за золото, которое лежит в кладовке? Я считаю, что вы совершили отчаянный поступок, на который я бы никогда не решилась». Мать, совершенно не понимая восхищения золовки ее поездкой на базар, спокойно и даже как-то вяло ответила: «Поездка была как поездка, если не считать задержки в связи с ночевкой в степи во время пурги, которая, как я вижу, была и здесь». Все жадно стали смотреть на мать, ожидая, что она расскажет об этом приключении. Тетя также не унималась и требовала от матери рассказа о путешествии.

«Ну ладно,—произнесла мать,—я всего рассказывать не буду, поскольку эта была обычная поездка с работой, но вот как ночевали в степи, это будет полезно услышать всем сыновьям, может, пригодится когда-нибудь им в их полувоенной жизни. У нас был добрый сильный мерин и крепкие большие сани с боковыми и задней стенками. Как вы помните, девять дней назад была хорошая солнечная безветренная погода, и, казалось, ничего не предвещало ее изменения. На четвертый день до обеда мы доехали до деревни, расположенной километрах в тридцати от Оренбурга. В этой деревне нам удалось выгодно обменять наши тряпки на три центнера пшеницы, которую мы рассыпали в шесть мешков и погрузили их в сани. Гостеприимные хозяева предлагали отдохнуть с дороги и переночевать, но мы не остались и часа в три дня отправились назад. По дороге, километрах в пятнадцати от этой деревни, был заезжий двор, где мы собирались заночевать. Несмотря на то, что мы были загруженные, до ночлега добрались вовремя. Как и везде в заезжих дворах, хозяйка поставила гостям самовар, ну а продукты у нас были свои. Спали, как обычно, на полу на сене, на дерюгах, сверху укрытые своими шубами и зипунами. Расплатившись с хозяевами за ночлег буквально копейками, рано утром отправились дальше. Проехали пятьдесят километров и опять заночевали в заезжем дворе. На следующий день мы проехали уже около шестидесяти километров. Часто по дороге были уклоны, и лошадь легко везла наш груз и нас, даже бежала иногда трусцой. На подъемах мы сходили и помогали ей тащить сани вверх. За три дня мы легко преодолели где-то около ста тридцати километров—чуть более половины пути.

Наступил четвертый день нашего возвращения. До следующего ночлега предстояло преодолеть всего около пятидесяти километров. День, как и все предыдущие, наступил безветренный, и мы, радостные, легко отправились в путь. За время нашей поездки никто не заболел, не зачихал, и это придавало уверенности, что с нами ничего не случится. А вот в этот день и случилось. Перекусив по дороге всухомятку, мы продолжили путь, не останавливаясь. И где-то часа в три солнце стало прятаться за тучи, начался ветер с бураном. Это нас пока никак не расстроило. Дорогу было еще хорошо видно, и, практически не снижая скорости, мы продвигались вперед по склонам, съезжая даже трусцой, а на подъемах втроем помогая лошади идти без напряжения. Начало темнеть, а пурга нарастала. Ветер усилился, и снег пошел плотней. Дорогу уже не было видно, и ее можно было ощущать только ногами. Идти за санями, помогать лошади становилось все труднее. До деревни оставалось километров шесть-семь, и это заставляло нас толкать сани, чтобы продвигаться вперед. И вот лошадь встала. Яшка пытался вожжами заставить ее идти, но она никак не шла, стояла, а потом вдруг пошла уже по глубокому снегу. Моя напарница не выходила из саней, сидела, прижавшись к задней стенке, укутанная в шубу и зипун и уже полностью заметенная снегом. Яков понукал лошадь вожжами, а я помогала ей тащить сани, толкая их сзади. Но вот опять лошадь остановилась, тяжело дыша. Я подошла к ней, погладила по голове, взяла за холку и начала энергично понукать. И вот она опять пошла, и я вместе с ней. Теперь уже за ее крупом не было видно саней. Но все-таки, похлопывая лошадь по холке, я пыталась упрямо продвигаться с ней вперед, надеясь, что вот-вот увижу сквозь пургу мерцающие огни деревни. Огней нет. Лошадь опять остановилась. Круп и бока ее стали совсем мокрыми и горячими от пота. Я остановила ее и, держась за оглоблю, пробралась к саням. Яков уже не держал вожжи. Он, скрючившись и завернувшись в тулуп поверх шубы, прижался к передней стенке саней и что-то бормотал. Моя напарница, полностью засыпанная снегом, молчала. Вижу: дела наши плохи.

—Ну-ка, Зоя, быстро просыпайся. Ишь, развалилась, как на печке. Вставай живо.—Я начала сильно толкать Зою и сметать руками с нее снег.

А она жалобно-жалобно сквозь сон вдруг отвечает:

—Паша, Паша, не трогай меня, мне очень тепло, я засыпаю.

И тут, разъяренная, я закричала:

—Ты что, ошалела, дура? Ты не засыпаешь, ты замерзаешь.

Книга 2023.indd 136-137 5/3/23 19:33

Я схватила ее за рукава шубы и выволокла из саней, ворча:

—Вишь, ей тепло! Дура, так не засыпают, запомни, так замерзают,—и ткнула ее сзади к саням толкать их.

Вернулась к Якову. Он сидел спиной к ветру, согнувшись в три погибели под тулупом. Я схватила ворот тулупа, разогнула Якова в свою сторону и прошипела:

—Яков, ты что нюни распустил? Ты же замерзнешь, сидя так! Скукожился как мокрая курица, живо выползай из саней, иди к Зое и толкай с ней сани, а я поведу за узду лошадь. Бог даст, выберемся,—и по оглобле добралась до морды лошади.

Лошадь дрожала, жалобно фыркая. Я обняла ее голову, прижалась к ней и прошептала: «Давай, давай, спасай нас», и, держась за узду, начала лошадь тащить за собой. Смотрю, пошла. Пробираемся по глубокому снегу минут десять, но здесь я стала терять дорогу, не чуя ее под ногами. Снег уже выше колен, лошадь встала. Надо, думаю, дать отдохнуть ей минут пять, а потом все-таки попробовать идти. Пурга не унималась. Я еще постояла минут пять и попыталась идти с лошадью, лошадь сильно дернулась, потом попробовала еще раз, сдвинулась шагов на пять и встала. Снег пошел глубокий, видимо сугроб, и я поняла, что мы дальше не пройдем без дороги, без огней, без чьей-либо помощи. Что делать? Ответив себе, что придется здесь и ночевать, стала пробираться к саням, утопая в снегу и держась за оглоблю. Мои сотоварищи сидели на корточках с подветренной стороны саней, укрываясь дерюгой. Темно. Ветер, не прерываясь, дул с одинаковой силой, сметая и засыпая снегом все живое на своем пути.

—Ну что, не надоело вам жевать сопли под дерюгой? Если ничего не делать, нас снег заметет навсегда. Надо устраиваться ночевать!

—А как, Паша? Я впервые попал в такую пургу в степи,—промямлил почти со слезами Яков.

И здесь я решительно ответила:

—Я тоже не ночевала в такой буран, но ты мужик, и уже давно бы сказал нам, двум теткам, что надо делать. А коли не сказал, теперь слушай меня. Зоя,—крикнула я громко, чтобы было слышно через ветер,—найди сейчас в санях под снегом небольшой мешок с овсом и отсыпь в торбу лошади овса немедленно! Яков, поверни сани и поставь их длинной стороной под углом к ветру, чтобы ветер со снегом прямо не ударял по морде лошади. Потом от-

Ночевка в пургу в степи.

Книга 2023.indd 138-139 5/3/23 19:33

пряги ее, накрой своим овчинным тулупом посередине спины, а сверху перекрой дерюгой и закрепи чересседельником, чтобы ветер не унес их.

—Как тулупом, а я?—вдруг жалобно заканючил Яков.

Мать строго глянула на Якова и железным тоном произнесла:

—Прежде всего мы должны спасти лошадь. Она сейчас мокрая от пота, и если она не просохнет и не отогреется, то околеет, а потом и мы за ней. Наденешь мой зипун поверх своей шубы и перетопчешься.

Яков молча пробрался к лошади, повернул сани, распряг лошадь и накрыл ее. Потом положили сани на бок, прижав боковину к снегу всеми мешками пшеницы, а лошадь поставили с наветренной стороны, привязав ее к верхней части загнутых полозьев. Лошадь послушно встала вдоль саней и начала спокойно жевать овес из торбы, повешенной на ее морду. Мы же получили убежище, где пол и крышу образовывали боковины саней. С наветренной стороны стенка получилась из днища саней, сколоченных из легких досок, и вместе с лошадью она ограждала нас от ветра. С подветренной стороны от загнутых полозьев до спинки саней получился невысокий длинный лаз в наше уютное логово. Мы забрались в него и разместились по-татарски на мешках, покрытых сеном и дерюгой. Вне нашей норы бушевала пурга, лошадь, защищенная теплым покрывалом, спокойно жевала овес и сено, положенное за задней стенкой саней, а мы радостно беседовали, дожидаясь утра. Начало светать. Пурга стала затихать, а когда перестал дуть ветер и падать снег, мы вылезли из своего логова. Лошадь была сухая и энергично поедала сено с саней. К нашему удивлению и удовольствию мы обнаружили, что ночевали в двадцати метрах от дороги, упершись в сугроб. А к еще большему нашему удовольствию при нас проехало два воза с сеном, направляясь в деревню, куда мы не доехали. Вернувшись радостные к саням, мы запрягли свою спасительницу и поехали по готовому следу в деревню, где как следует отдохнули, и далее домой. И теперь вы видите свою мать живой через два с половиной дня после ночевки в страшную пургу».

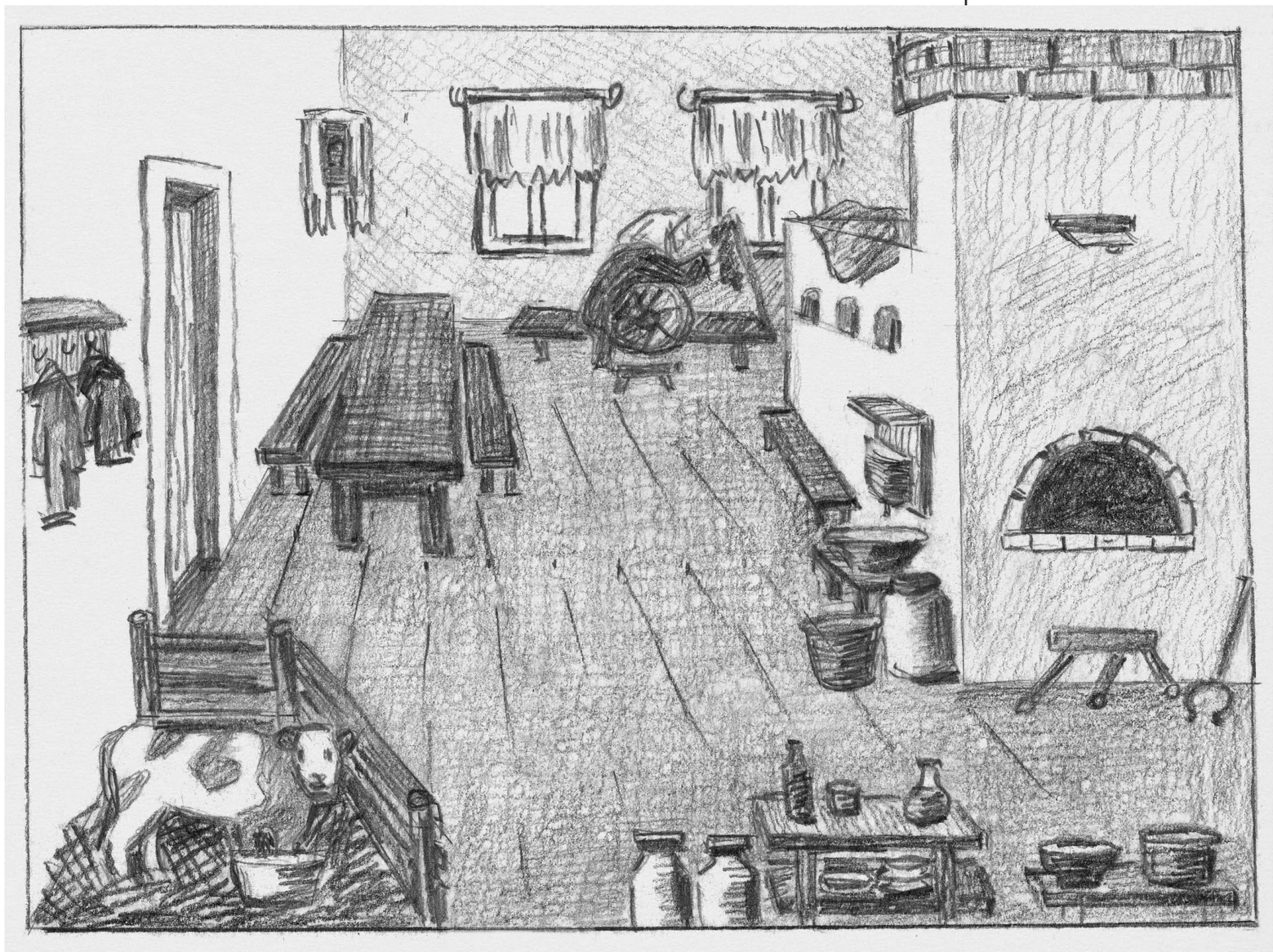
Мать нас никогда громко не ругала, нервно и истерично не кричала на нас, а обычно лишь спокойно говорила по поводу какого-нибудь нашего проступка: «Прежде чем приступить к выполнению какого-нибудь дела, надо всегда хорошо подумать, как аккуратно и вовремя выполнить его, чтобы не было стыдно самому перед собой и перед людьми, стыдно перед матерью и отцом. А если порученное дело вы аккуратно выполнить не можете—и не

беритесь за него. Учитесь всему этому в школе, дома и у своей бабушки, у матери с отцом, у соседей, у людей на улице. И запомните при этом, что для каждого из вас самым большим бесстыдством будет, если вдруг меня вызовут в школу из-за того, что кто-то из вас плохо учится, или пропускает уроки, или балуется, и будут ругать меня вместо вас. Как я за вас буду отвечать, если я в вашей школе не учусь? Как? За что?» Никто из нас на этот провокационный вопрос вразумительно не мог ответить, а мать, не останавливаясь, продолжала: «Обо всех моих походах в школу для разборки вашего учения и поведения я все равно доложу отцу, когда он вернется с фронта, а уж он пусть разбирается с вами потом по-мужски». Для нас подобная угроза была более чем убедительна, и мы, каждый из нас, не доводили наши школьные дела до каких-то конфликтов, чтобы за них отвечала еще и мать.

Я не помню, чтобы мать проводила длинные беседы по поводу нашего поведения, но помню все ругательные слова, которые она употребляла, когда кого-то из нас отчитывала: неаккуратно, бесстыдник, бессовестный, паразит, лентяй, лодырь. Мать никому из нас не поручала делать что-либо, если ему это сделать было не под силу или он не знал, как это выполнить. Но если же кто-то из нас, зная, как выполнить работу, не делал ее, то она громко при всех обзовет его и лентяем, и лодырем, и паразитом, и обязательно скажет, на кого он стал похож из известных неавторитетных лиц в деревне. После этого она шла сама выполнять свое задание, прихватив, конечно, с собой лодыря, и он сидел рядом, пока она выполняла не сделанную им работу. По прошествии времени мне стала очень понятна ее манера поведения с детьми. Она могла сделать любую, самую сложную работу по хозяйству, и обмануть ее было невозможно, она заранее знала, кто из нас и как может выполнить порученное ему дело. Ей было достаточно задать один-два вопроса по сделанной работе, и из ответа исполнителя она делала заключение, посылать ли его доделывать или нет. Конечно, пока мы были маленькие, все ответственные и сложные дела она выполняла сама. И эти два события, которые я описал выше, лучше всего говорят о характере Прасковьи Лукьяновны—моей матери, благодаря которой мы стали без отца такими, какие есть сейчас.

С приходом известия о без вести пропавшем на войне начальнике Дорстроя перед областным управлением дороги встал вопрос о принятии нового руководителя на место отца и о нашем освобождении казенного дома. Мать решила не возвращаться в Максимовку и на сбережения купила дом

Книга 2023.indd 140-141 5/3/23 19:33



Утварь, русская печь и телёнок в передней комнате.

1944 год, обитатели дома № 15 по Казанской улице. Мать (слева) и тетя Ганя (справа), Шурка и Петька сзади, Вовка и Женя впереди.

Книга 2023.indd 142-143 5/3/23 19:33

на Казанской улице, куда мы переехали жить в конце 1941 года. Дом был пятистенный, не хуже казенного, но покрытый соломенной крышей. Были надворные постройки, большая саманная кладовая, погребка, катухи для скотины и огород соток двадцать. Но большим недостатком было отсутствие рядом колодца. Ближайший из них находился в двухстах метрах от дома, и нам, пацанам, приходилось ежедневно оттуда возить во флягах воду для семьи и коровы, теленка, овец.

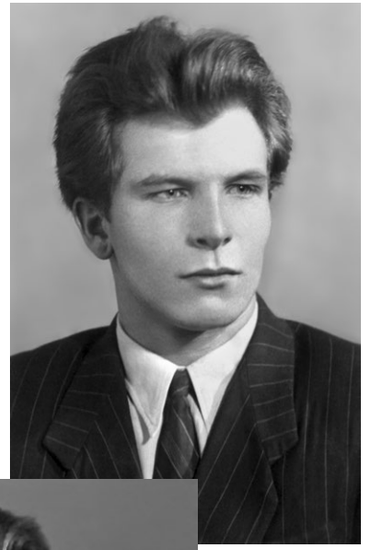
После переезда на Казанскую улицу я пошел в первый класс Пономаревской средней школы, и с этого момента моя свободная жизнь на улице закончилась и началась другая жизнь, к которой я привыкал очень долго.

Но старшие братья своим примером приучили меня вовремя ходить в школу и как следует делать домашние задания. Всеми нами, учениками, командовал Митька, поступивший в 1940 году в седьмой класс Пономаревской средней школы и закончивший ее в 1944 году. В том же году его забрали в армию, где он прослужил в авиации в Закавказье до 1946 года. Я его мало помню, но для Петра и Александра он был большим авторитетом и ослушаться его для них было невозможно. Он был очень начитанный, и его влияние на нас было огромное. Его очень любила бабушка, первого своего внука, с которым она в Максимовке все лето собирала лекарственные травы и сушила для приготовления лекарств и чаев. После демобилизации он поступил в летное училище в Ртищево, но в 1952 году погиб в учебном лагере, что стало второй трагедией в нашей семье. Учась в училище, он периодически посылал нам книги иностранных и отечественных классиков: Гоголя, Пушкина, Джека Лондона, Марка Твена, Фенимора Купера и многих других, которыми мы просто зачитывались. Митька уже в ту пору начинал писать какие-то рассказы из своей жизни и всякого рода статьи, оставшиеся у нас в архивах.

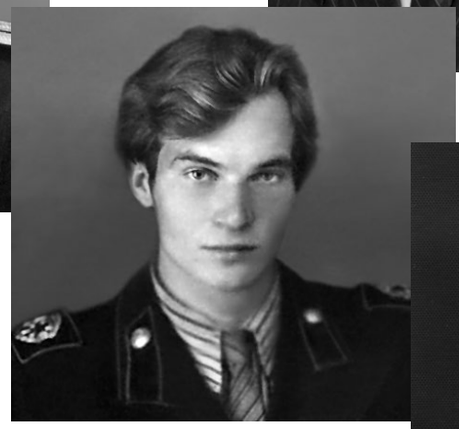
После ухода Митьки в армию нам, семерым, оставшимся с бабушкой, стало жить физически намного труднее. Еще один мужик, который во всем помогал матери, оставил нас, и опять не по своей воле. И тут Петр, почувствовав себя главным в семье, в возрасте всего четырнадцати лет не стал заканчивать девятый класс и бросил школу. Для матери и тетки Гани этот поступок был абсолютно неожиданным, и они никак не могли понять его причину. А Петр совершенно спокойно объяснил всем, что мы, оставшиеся без Митьки семь человек, из которых только одна мать работает в колхозе и держит такое большое домашнее хозяйство, не выживем, и он как самый

Дмитрий

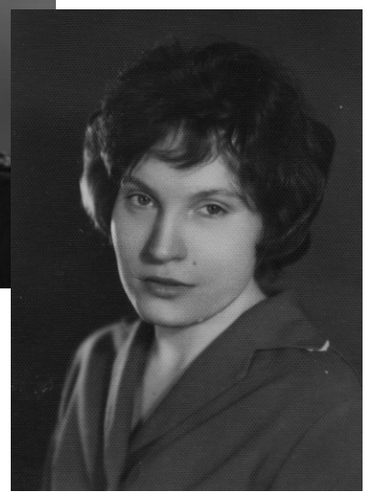
Владимир



Петр



Александр



Женя

Книга 2023.indd 144-145 5/3/23 19:33

Трое сыновей с семьями в гостях
у матери в Пономаревке.

Книга 2023.indd 146-147 5/3/23 19:33

старший обязан спасать семью, то есть работать с матерью. Мать, сильно расстроенная, я помню, вожжами несколько раз хлестанула Петьку с приговором, что это отец наказал ей сечь любого из сыновей, кто плохо будет учиться. «А вот если бы он узнал, что ты бросил учиться, он бы выгнал тебя из дома». Но Петька стоял, не шелохнувшись, а потом ответил, что в школу он больше не пойдет и станет работать вместе с ней. Мать села, опустила безвольно руки на колени и вздохнула: «Делай как знаешь, ты взрослый».

И Петька пошел работать в колхоз с такими же сверстниками, бросившими учиться, и в частности с Анатолием Поповым, ставшим впоследствии первым секретарем райкома. И вот такие пацаны с ранней весны уезжали в поле, жили на культстанах, начинали пахать на лошадях в середине апреля и заканчивали пахоту во второй половине мая. Трудно даже представить: каждый из этих парнишек справлялся с плугом, запряженным тремя конями. В колхозах они выполняли самую тяжелую работу, за которую получали больше всех трудодней и очень гордились этим. Здесь они были просто работягами, а на улице вели себя как отчаянные хулиганы и ночью ходили только с плетками.

Во все времена в русских поселениях подростки с соседних улиц обычно враждовали и нередко очень серьезно дрались. Поэтому враждующие старались не появляться по одному на чужой улице, чтобы избежать нечаянной стычки с неприятелем. И вот однажды я был свидетелем такой расправы Петра с одним из парнишек с Первомайской улицы, проходящей параллельно Казанской. В центре села, рядом с базаром находился кинотеатр, и когда в нем должен был идти какой-нибудь фильм, вся публика, желающая идти на вечерний сеанс, задолго до его начала, празднично одетая, обычно гуляла перед кинотеатром. Я с пацанами отирался тут же, высматривая возможность проникнуть в зал без билета. И вдруг вижу: со стороны базара вдоль киосков идет мой старший брат после работы в поле и направляется мимо киношной толпы в сторону нашего дома. Конечно, я не дал себя обнаружить, но все-таки проследил, в какую сторону он пойдет. Вижу, остановился перед парнишкой с Первомайской улицы, и они начинают между собой громкий разговор, сопровождая его матом. Публика перед кинотеатром стала с интересом наблюдать за ними. И вдруг этот парнишка с неприятельской улицы посылает Петра громко на три буквы, и все мгновенно увидели, как тонкая

На хуторе под Керчью в гостях у Сашки, уже пенсионеры. Стоят: я, Полина, Александр; сидят: Петр и Женя.

Книга 2023.indd 148-149 5/3/23 19:33

плетка взметнулась вверх и с каким-то шипением в долю секунды прилипла к плечу и спине собеседника. Тот взвизгнул и почему-то присел, закрывая голову руками. Петр успел хлестануть его еще раз, а потом спокойно засунул плетку за пояс и, ни на кого не глядя, пошел в свою сторону. Никто из любителей кино не заступился за парнишку, видимо, понимая, что пацан получил по заслугам и влезать в уличные разборки неприлично. Все мужики когда-то проходили эту школу без участия посторонних.

После этого вражда между противоборствующими сторонами так сильно обострилась, что Петр для защиты себя и друзей сконструировал ружье-пугач, в котором порох должен был воспламеняться от спички, прикрепляемой к отверстию ствола. И вот он с друзьями решил опробовать ружье на выгоне за одним из огородов. Это самодельное ружье он кладет на прясла, направляет ствол на воображаемого противника, поджигает коробкой спичку на стволе, ствол взрывается, и его лицо покрывается частичками несгоревшего пороха. Ран, к счастью, не было, но после этого взрыва он уже больше ни с кем не враждовал. В восемнадцать лет его забрали в армию и отправили в Китай в Порт-Артур. Демобилизовавшись, он со своим другом Поповым закончил в Пономаревке десять классов и поступил в высшее морское политическое училище в Киеве. После училища по полной программе отслужил на Дальнем Востоке в войсках ПВО, а потом в чине майора ушел в запас.

Александр среди нас был самым лучшим учеником. В школу в 1939 году он поступил уже умея писать и читать. Научился он этому, подсматривая, как Петр и Дмитрий выполняют домашние задания. В школе он был одним из самых непокладистых и своенравных и часто пытался рассказывать учителям другие версии событий, вычитанных в каких-то книгах. Учась в седьмом классе, он с группой одноклассников взбунтовался из-за того, что одного учителя отстранили от ведения уроков и приняли на его место учительницу, которая им не понравилась. Они дошли в своей решительной забастовке до того, что ходили в деревню Семеновку, где жил учитель, и настоятельно приглашали уволенного вернуться и учить их. Я сейчас не помню, чем завершилась эта забастовка, но она не помешала ему хорошо закончить школу.

После окончания геологического факультета Харьковского госуниверситета Александр всю жизнь работал на Дальнем Востоке, занимаясь разведкой месторождений цветных металлов. В составе группы геологов он открыл большое Николаевское месторождение, рудой которого до сих пор снабжается Дальнегорский обогатительный комбинат. На четыре года он был командирован Министерством геологии РСФСР в Алжир, где с геологами этой страны восстанавливал рудники цветных металлов, эксплуатируемых еще римлянами. За вклад в открытие природных ресурсов Дальнего Востока отмечен почетным знаком и дипломом первооткрывателя месторождений.

Сестра Женька после Пономаревской средней школы окончила Новосибирский строительный институт и по направлению несколько лет занималась стройками в Магаданской области. Потом в начале 70-х годов переехала с мужем в Керчь, где проработала до пенсии заместителем директора Керченского металлургического завода по капитальному строительству. Под ее руководством впервые на заводе были построены громадные цеха по изготовлению стрелочных переводов, эмалевой посуды и деколи по голландской технологии.

И теперь, когда мне уже стукнуло восемьдесят семь лет, я все чаще вспоминаю редкие реплики матери, обращенные к нам, пятерым ее детям, которых она растила без отца. Она нас никогда специально не учила, как и что надо делать, а только зазывала нас выполнять вместе с ней все, что она умела делать хорошо и вовремя. При этом она нередко высказывала премудрости, которыми руководствовалась сама, ее близкие и другие жители деревни.

Отдельные ее высказывания я хорошо запомнил и попытаюсь их воспроизвести, но, к сожалению, не совсем ее языком.

В своих неудачах вини только себя и не суди тех, которые не помогали тебе, полученный урок даст тебе возможность лучше выполнить новое задуманное дело.

Если можешь с каким-то делом справиться сам, не проси ни у кого помощи — оказавший ее будет потом говорить, что без его участия ты бы не справился, умаляя тем самым твои деловые качества.

Если у кого-либо одолжишь деньги или вещь, всегда возвращай вовремя с большой благодарностью, помня народную пословицу «долг платежом красен».

Находясь в компании, отмечающей какое-либо событие, всегда помни, что по окончании встречи ты должен вернуться домой без сопровождения; утром же никогда не похмеляйся, чтобы не начать пьянку сызнова.

Делай все вовремя и как следует, чтобы не винить себя в старости, когда уже не будет сил что-либо доделать.

Книга 2023.indd 150-151 5/3/23 19:33

Когда эта гнусная старость настанет, найди в себе силы не ворчать на всех, а учить своих внуков и правнуков правильной жизни, что даст им познать радость учения от деда, а тебе—удовольствие.

Никогда зря не шикуй, неистраченные силы и деньги оставляй на черный день, который каждого из нас ждет впереди, а когда он наступит—это только богу известно.

Страждущему человеку помоги, не ожидая благодарности, как себе хворому.

По доброте своей без спроса ни к кому не лезь со своими советами, а когда попросят совет, по возможности отвечай по делу и подробно.

Не забывай бога, давшего тебе жизнь, и родителей, вырастивших тебя работящим и умным.

Всеми этими премудростями и многими другими люди пользовались всегда; возможно, в несколько ином виде они изложены в древних и современных книгах. Но, как оказалось, моя мать, не читавшая ни одной такой книги, знала эти премудрости и могла руководствовалась ими, воспитывая нас. При этом она приводила в пример нашего отца, вспоминая случаи из его жизни. Поэтому пропавший без вести на войне отец был с нами всегда, пока мы не выросли и не ушли в большой мир делать свою жизнь. Благодаря такой памяти об отце мы все впятером, когда выросли, в своем поведении стали походить на него, из-за чего мать была очень счастлива. Когда кто-нибудь из нас приезжал к матери в отпуск и выполнял здесь какую-либо работу, она каждому из нас в отдельности говорила: «Ну надо же, какой ты стоумовный, и делаешь все хорошо, как твой отец», вытирая при этом концом головного платка невольно выступившие слезы.

Эта женщина, моя мать Прасковья Лукьяновна, оставшись одна после ухода отца на фронт, мужественно поставила пятерых детей на ноги и полностью выполнила просьбу мужа, дав им всем высшее образование.

Миллионы женщин, во время войны оставшихся в деревнях с кучей ребятишек и работавших в колхозах, выращивая хлеб для фронта, тем самым вместе со своими мужьями громили войска немецких фашистов. К сожалению, до сих пор кинематограф не показал их жизнь в глухомани Страны Советов и нынешней России, а без их мужественной работы вряд ли могла быть победа над врагом в Отечественной войне 1941–1945 годов.

«Некрасовская женщина». Портрет матери, сделанный мной в один из приездов домой на студенческие каникулы.

Книга 2023.indd 152-153 5/3/23 19:33

Я со своим другом Женькой Курдюмовым в восьмом классе.

Школьные годы после войны

А евятого мая 1945 года висевшая на стене черная тарелка-радио весь день извещала о грандиозном событии в стране. Мать, бабушка, тетя Ганя, три брата и сестра не отходили от стены, вновь и вновь желая услышать, что война закончилась и скоро отец вернется домой, а следом за ним и брат Дмитрий, служивший с 1944 года где-то на границе с Турцией. Бабушка, не слушая радио, истово крестясь, била поклоны перед иконой, висевшей в углу под вышитым льняным полотенцем. Петр по распоряжению матери после обеда отрубил голову одной из куриц, бабушка приготовила из нее наваристую лапшу, и вечером все уселись за стол в горнице у голландки допоздна праздновать победу. Не помню, был ли следующий день выходным, но, когда я шел в школу и из школы, видел повсюду группы веселых и пьяных людей. Около магазинов сидели на ящиках инвалиды, вернувшиеся ранее с фронта, пили водку, обнимались, пели какие-то свои фронтовые песни, громко произносили тосты за Сталина, Жукова, Рокоссовского и других генералов, под командованием которых они воевали.

Шли послевоенные дни. За хлебом, мылом, изредка выбрасываемым сахаром по-прежнему стояли большие очереди, а люди все так же охотно делились друг с другом печалями и успехами. Мирная жизнь налаживалась в селе и дома. Тетя Ганя вскоре вернулась в Харьков, а нам, как всегда, надо было копать огороды, сажать картошку и капусту, мять с помощью лошадей навоз и делать из него кизяк на топливо, готовить дрова, косить сено и выполнять много других дел. Мать, нисколько не сомневаясь, что отец вернется с фронта, заставляла нас делать работу хорошо, чтобы он увидел, что мы баклуши не били и домашнее хозяйство поддерживали на уровне.

Но для меня в ту весну было более важным сдать испытание (своеобраз-

Книга 2023.indd 154-155 5/3/23 19:33

ные экзамены) за четвертый класс—мы должны были отвечать на вопросы по билетам. Помню, что к этим испытаниям я очень настойчиво готовился, прочитывая заново учебники. Все предметы я сдал на отлично.

Нынешнему поколению полезно знать, что мы сдавали экзамены каждый год, начиная с четвертого класса. Но с четвертого класса по шестой эти экзамены назывались испытаниями, хотя они также сдавались по билетам. И никто не уставал от этого режима, и школьники воспринимали такое учение как данность. И ни врачи, ни родители, ни учителя не считали это какой-то перегрузкой для детей и не проявляли никакого сочувствия к ленивым и капризным учащимся. Теперь, оценивая значение этих испытаний в моем школьном образовании, я считаю, что было бы полезно их возродить.

Из всех событий, случившихся со мной в первое лето после войны мне запомнились два. Одно из них могло бы быть трагическим, но мой ангел-хранитель, в которого я после этого стал верить, сберег мне в ту пору жизнь.

Когда мы переехали в Пономаревку, к нам до войны и после войны из всех деревень, где была наша родня,—Максимовки, Островки, Ильиновки, почти каждую субботу приезжал кто-то из теток, дядей, двоюродных братьев и сестер, которые ночевали у нас.

На Казанской улице в доме №15, где мы жили без отца, в нашем дворе в базарные дни стояли одна-две, а то и три подводы и, соответственно, столько же лошадей. Мать никогда не упускала возможности использовать этот транспорт для домашней работы, задействуя и меня с братьями. Мы привозили на этих подводах дрова из леса, сено, траву для теленка и коровы, и это вошло уже в привычку. Конечно, мы поили лошадей и даже изредка со своими друзьями гоняли в поле в ночное на вторую или даже третью вершину, расположенные в трех—пяти километрах от села. На этих конях без всяких седел и подстилок мы ездили трусцой, рысью или галопом, и это было для нас, конечно, необычайным удовольствием, хотя мы и морщились от боли, натирая задницы. Как-то раз, возвращаясь из ночного, мы лихо скакали по селу, направляясь к Дёме на водопой. И вот наша Казанская улица с дорогой, покрытой щебнем. Где-то на середине дороги лошадь подо мною почему-то сильно вытянула и наклонила вниз шею, и я, не удержавшись, сползаю вперед и падаю ей под ноги. Все это проходит в доли секунды. Потеряв сознание, я буквально через мгновение очнулся и, превозмогая боль в голове, плечах, спине, ногах, корячась, встал. Мой напарник, проскакав метров сто, вернулся ко мне, держа на поводу и мою лошадь. Я стоял, согнувшись в три

погибели, ощупывая себя везде, чтобы понять, не ли где-нибудь перелома, и радуясь, что лошадь не наступила на меня. Это падение произошло неподалеку от дома, и я с другом и лошадьми кое-как добрался до своего двора. Очухался от падения через час. Поставив флягу в тележку, мы поплелись к колодцу за водой, чтобы напоить коней. Дома в это время никого не было, и мне не пришлось рассказывать о своем удачном падении, а потом, когда повсюду в теле затихли боли, я уже и не стал говорить о нем. Я также продолжал с друзьями гонять в ночное, но стал более ответственно управлять лошадью. В поездках мы начали подстилать под себя всякое тряпье и, сидя на нем, считали себя настоящими всадниками.

В десять лет я уже мог распрягать и запрягать лошадь в любую подводу и делал это совершенно уверенно. Правда, из-за того, что я был мал ростом и еще недостаточно силен, мне иногда не удавалось затянуть супонью хомуты на лошади, особенно новые. Мне никогда не приходилось оставаться одному с запряженной лошадью, и хомутом занимались, как правило, мать и Петр. И вот как-то раз среди лета, когда кто-то приехал к нам из Максимовки на несколько дней, мать совершенно запросто сказала мне:

—Вовка, завтра утром запрягай лошадь и езжай к дяде Гурею и Васене на мельницу смолоть один мешок пшеницы.

—А че я, а не Шурка или Петька?—протянул я почти со слезами.

—А они послезавтра на колхозной лошади поедут со мной в Островку готовить дрова, а ты давай не гунди, ты уже большой, езжай в Романовку, там у Гурея водяная мельница.

—А где эта Романовка-то?—опять проныл я.

—А это где-то за Воздвиженкой, километров пять-десять от нее. До Воздвиженки доедешь, где ты бывал когда-то с отцом, и там спросишь, как добраться до мельницы. Давай, давай, собирайся и запрягай утром рано лошадь,—отрезала мать, совершенно не обращая внимания на мое нежелание ехать.

Ну что делать? Ослушаться мать никак нельзя, я не ребенок, и мне мать поручает мужское дело. Утром я запряг лошадь. Мать стянула хомут супонью, поправила чересседельник и сказала:

—Доедешь до Воздвиженки, лошадь не распрягай, освободи от удил, покорми травой, которую я накидаю в подводу, а потом напои. Вот тебе ведро, и где-нибудь из колодца или из Дёмы достанешь воду. Ну а как доехать до Романовки, там, в Воздвиженке, тебе любой скажет.

Книга 2023.indd 156-157 5/3/23 19:33

Потом положила в подводу узелок с яйцами и хлебом, открыла ворота, вывела подводу на улицу и добавила на дорогу:

—Лошадь шибко не гони, чтобы с тобою ничего не случилось. Еще рано, до Романовки тридцать-сорок километров, к вечеру доберешься. Через три дня я жду тебя с мукой.

И я один отправился в какую-то Романовку, в которой никогда не бывал. По дороге я должен был проехать большое татарское село Наурузово, потом русские—Григорьевку, Кирсаново. В них я когда-то бывал с отцом, и они не вызывали во мне беспокойства. Смирившись с тем, что от этой поездки никуда не денешься, я дернул вожжи, и лошадь трусцой покатила меня под уклон по Казанскому тракту на юг в сторону Оренбурга. Встречные и обгоняющие меня машины и подводы не мешали мне ехать, и к обеду я прибыл в Воздвиженку. Остановился на краю села, на поляне, примыкающей к Дёме, чтобы дать отдохнуть лошади и напоить ее. Здесь был большой камень, и я решил, что смогу им воспользоваться, чтобы затянуть супонью хомут. Несмотря на наказ матери, я распряг лошадь, освободил ее от удил и привязал уздой к расправленным вожжам. Кругом была хорошая трава, и я пустил лошадь пастись. Мерин был очень спокойный и, видимо, приученный слушаться, выполнял мои команды, не сопротивляясь. Далеко не отходя от телеги, он сразу же начал кормиться, довольно пофыркивая, а я пошел купаться на Дёму. Выкупавшись и позагорав, я съел три сваренных вкрутую яйца, запил водой из реки и напоил лошадь из ведра. Надев хомут на шею лошади, я завел ее между оглоблей и стал закреплять их с хомутом и дугой. Мерин не дергался и слушался меня беспрекословно.

И вот осталось только затянуть супонь на хомуте и закрепить чересседельник. Я попытался затянуть супонь, забравшись на камень, но это мне никак не удавалось—камень был слишком высок. Вот досада—зря я не послушался мать и распряг лошадь, самонадеянно решив сделать по-своему. Расстроенный, я сел на камень, ругая себя, и стал думать, как выйти из этого положения. Лошадь, возможно, пошла бы не торопясь с незасупоненным толком хомутом, и я бы потихоньку к вечеру добрался до Романовки, но я еще не знал, по какой дороге ехать в это село. Посидел еще немного, вижу—идет по берегу Дёмы мужик. Поравнявшись со мной, остановился, посмотрел на меня с лошадью, подошел и спросил:

—Чего сидишь-то? Кого ждешь, что ли?

Я, не стесняясь, рассказал ему, откуда я, как здесь очутился, чей я и что здесь делаю. И вдруг он очень радостно заулыбался и произнес:

—Ты сын, что ли, Николая Прокофьевича и Прасковьи Лукьяновны? Да мы же воздвиженские, с твоим отцом по Казанскому тракту восстановили здесь древний мост через Дёму и даже собрались создавать лесопосадки вдоль тракта от Григорьевки и до Кирсаново. Как жаль, что твой отец пропал без вести, теперь таких не сыщешь. Если бы он вернулся, мы бы сделали с ним Казанский тракт в пределах района самым лучшим от Оренбурга до Казани. Как жаль!—вздохнул он.

Вот так неожиданно на пути в какую-то Романовку я слушал рассказ о своем отце, боясь пропустить хоть слово.

—Ну ты шибко бойкий. Как это ты один, всего лишь в десять лет, отправился в дальнюю дорогу? Ну что поделаешь, война,—вздохнул он тяжело.—Давай, в чем застрял ты?

Потом поднялся с камня, где мы уже сидели рядом, осмотрел упряжь, поправил крепления дуги к оглоблям, а потом просто затянул супонь и сказал:

—Смотри, когда сам будешь затягивать супонь, ты закрепляй конец вот так, чтобы она крепко держала хомут и легко было ее рассупонивать. Ну а теперь, когда подъедешь вот к тому склону, сразу же съезжай вправо с тракта и поднимайся вверх по грунтовой дороге и далее никуда не сворачивай, часа через три будешь в Романовке. Гурею и Васене передавай привет от меня,—он назвал свое имя, потом хлопнул ладонью по крупу лошади и пошел своей дорогой, а я поехал по своей и к вечеру был на мельнице.

Все Широбоковы были рады моему приезду, а Мишка, мой троюродный брат, в особенности. С Мишкой мы весь следующий день—с утра и до вечера—купались в пруду и ловили окуней, а на третий день с мешком муки я вернулся домой.

Несмотря на то, что война закончилась, наша жизнь не улучшалась, а наоборот, становилась более жестокой, чем во время войны. Происходили различные события, заставляя всех нас отчаянно бороться за выживание. Старую корову мать сменила на новую, более молодую, которая оказалась тяжело больной бруцеллезом и заразила этой болезнью всех взрослых. Только Женьку и меня, еще маленьких, она не затронула. Бабушка практически не слезала с печи, мать и Шурка валялись в районной больнице, а Петр из-за отсутствия в ней места был отправлен лечиться в совхозную больницу, на-

Книга 2023.indd 158-159 5/3/23 19:33

Так стала выглядеть дикая заволжская степь после войны, освоенная жителями Пономаревки.

Книга 2023.indd 160-161 5/3/23 19:33

ходившуюся в двенадцати километрах от Пономаревки. Пока мать лечилась, за всеми нами ухаживала тетя Фекла, дочь нашей бабушки, приехавшая из Ильиновки. Мать, к нашей радости, выздоровела раньше всех и взялась активно лечить больных, строго выполняя указы врачей. В колхозе она добыла лошадь, и я один раз в три дня верхом на лошади отвозил Петру литр молока, десять яиц, вареную картошку и лепешки, испеченные матерью специально для него. В день доставки продуктов мать будила меня в шесть часов, я шел в бригаду, получал лошадь и в полвосьмого возвращался домой. Укладывал на спину лошади дерюгу под себя, вещмешок с продуктами закреплял за плечами и где-то около восьми часов отправлялся к Петру.

Проезжаю выгон за селом, и вот она—когда-то называемая дикой, заволжская степь, расстилавшаяся предо мной до горизонта, затянутого еще поволокой утреннего тумана. С обеих сторон грунтовой дороги поля покрыты созревающей рожью и парами, а на пологих склонах увалов, примыкающих к тихо текущим ручьям, заросшим камышом и отдельными ивами, располагаются свежесобранные копны и стога сена еще не окончившегося сенокоса. Стайки голубей, спугнутые лошадью, перелетают низко через лошадь и меня и садятся позади нас опять на дорогу что-то на ней собирать. Далеко в небе уже с утра парит беркут, внимательно наблюдая за всем, что движется на земле, высматривая зазевавшихся куропаток на полях. Ну а пустельга, будто бы заснувшая на телеграфном столбе, так же как и орел в небе, высматривает кругом, чем можно поживиться. Слабый туман еще стелется в первой вершине, а когда я подъезжаю ко второй, он уже начинает пропадать. Как-то раз здесь я неожиданно увидел двух дроф, спокойно расхаживающих на сенокосе в метрах трехстах от дороги. Заметив меня, они остановились и долго с высоко поднятыми головами смотрели в мою сторону.

К обеду начинается жара. Но я не тороплю лошадь, с удовольствием наблюдая дрожащий воздух на горизонте и восторгаясь внезапно возникшими на дороге вращающимися, как веретено, мелкими вихрями из пыли. Жара усиливается, все замолкает. И только изредка встречается на телеграфных столбах будто застывшая пустельга, наблюдающая за всем окружающим.

Переезжаю мост в третьей вершине. Дорога круто поворачивает влево, в сторону совхоза. Я останавливаю лошадь и, ведя ее под уздой, спускаюсь вниз к ручью. Даю ей напиться, а потом пью сам. Полежав на траве и дав успокоиться боли на ягодицах от мозолей, я взбираюсь с кочки на спину лошади и еду далее к поселку, поторапливая ее, чтобы успеть до обеда передать продукты брату. Вот и поселок. Я нахожу больницу и подъезжаю к окну, возле которого Петр уже ждет меня. Мы, конечно, улыбаемся друг другу, и я, не сходя с лошади, передаю ему вещмешок. Отойдя от окна, он выкладывает из него на стол продукты, а потом, хромая, выходит из палаты, выводит нас с лошадью за ограду, и мы расстаемся. Не обращая внимания на ярко освещенную степь, я гоню лошадь рысью и быстро возвращаюсь домой.

Эти поездки к брату я совершал около месяца и за это время стал более-менее умелым наездником без седла. В завзятого коневода и всадника я превратился к девятому классу, поскольку каждый год на каникулах работал в колхозе на сенокосе и уборке урожая. На этих работах мне приходилось заниматься конями ежедневно, подвозя на них сено или солому к скирдам. Полученные навыки очень пригодились мне в экспедиции в Туве, когда я в составе Новосибирской экспедиции лесосырьевых изысканий впервые обследовал совершенно неизвестную тайгу в горах Западного Саяна и на отрогах хребта Танну-Ола, пользуясь исключительно выносливыми и малорослыми конями монгольской породы. Часто доводилось ночевать в тайге наедине с конем, и в экспедиции удивлялись моему умению обращаться даже с монгольскими норовистыми лошадьми.

Так, в заботе о больных, прошло лето между пятым и шестым классом. Наконец-то все выздоровели, и послевоенная жизнь в борьбе за существование и в ожидании отца пошла своим чередом. Тетя Фекла забрала бабушку к себе в Ильиновку, и она, путем не выздоровев, в 1947 году в возрасте восьмидесяти трех лет ушла из жизни. Без нее нам стало жить еще тяжелее. До этого именно бабушка большей частью хозяйствовала у печки, и это давало матери возможность с Петром заниматься работой в колхозе, на огородах, сенокосе и дома во дворе. Со временем стали привыкать жить без бабушки, но часто вспоминали ее строгий, пронзительный взгляд на все, что было не по ней, и ее молитвы перед иконой с вечно горящей под ней лампадкой.

Наступил 1947 год, самый тяжелый год жизни в стране, в селе и у нас дома. Был неурожай хлеба, в магазинах, которые начали появляться после войны, часто не хватало продуктов, и многие просто голодали. Петра забрали в армию. Мы, трое, остались с матерью. Мне было тогда двенадцать лет, Шурке—пятнадцать и Женьке—десять. Мы все учились и матери могли помогать только во дворе при уходе за скотиной. В колхозе работала одна мать

Книга 2023.indd 162-163 5/3/23 19:33

и за свою работу в конце года получала всего триста грамм на трудодень, но зато имела возможность иногда пользоваться лошадью. И все это было бы и ничего, если бы после пропажи на войне отца, болезни бруцеллезом, смерти бабушки не случилась еще одна беда. Как говорит народная пословица, отмеченная Далем: «Повадилась беда, растворяй ворота».

Где-то в декабре тетя Нина Юркова, наша соседка, уборщица в райкоме, сообщила матери о дошедшем до нее слухе о том, что милиция собирается провести у нас обыск на предмет обнаружения каких-либо доказательств якобы соучастия матери в спекуляции огородным инвентарем с городскими родственниками. К нам часто заходили односельчане, и кто-то из них на телеге приехавшего на базар и остановившегося у нас родственника мог увидеть какие-нибудь лопаты, купленные на пономаревском рынке. Дома у нас не было никаких новых лопат, только нескольких старых, еще довоенного производства. У двух из них были свежие черенки из черемухи, заменившие старые сломанные. Мать не придала никакого значения сообщению соседки и была уверена, что из-за какого-то пустяка никто к нам не придет. Однако милиция в ту пору не оставляла без внимания ни один донос и проводила поиск с пристрастием, чтобы обнаружить любые доказательства вины и отправить человека в тюрьму и далее по этапу, в лагеря и на лесоповал.

И вот в один из поздних январских вечеров у нас появились два милиционера. Они были отцами ребят, с которыми я учился. Боясь встретиться с этими стражами правопорядка, я наблюдал из соседнего двора, где в это время никого не было. Они обшарили все углы внутри дома, в сенях, в кладовке, в катухах, где стояла скотина. Нигде и ничего не обнаружив, злые, прихватив две лопаты с черемуховыми черенками, удалились. Мы успокоились и даже стали забывать об их визите. Но не тут-то было. Через неделю-две мою мать забрала милиция, и она пропала месяца на два. Я не знаю до сих пор, для чего они искали эти лопаты и как вели следствие, но главное, что сделала советская милиция с моей матерью, женой начальника Казанского тракта, без вести пропавшего на войне в самые первые ее дни, матерью пятерых детей, хорошо работающей колхозницей,—ее не судили, было не за что, но все-таки ее отправили по этапу в знаменитую пересыльную тюрьму в Соль-Илецке. Пока матери не было дома, тетя Фекла, которая ухаживала за нами, когда все болели бруцеллезом, управляла нами и нашим хозяйством, а вернее—спасала нас и на этот раз.

Мы, трое детей, были слишком малы, чтобы доить корову, топить русскую печь и варить в ней еду, ухаживать за теленком, который содержался в задней комнате на кухне против печи, и делать много других дел. Но мы с Шуркой управлялись с хозяйством во дворе, и вся наша жизнь шла в ожидании матери. Мы не знали, где она и что будет с ней,—никто нам не сообщал об этом. И вдруг нежданно-негаданно она возвратилась: в ходе этапа власть разобралась и установила отсутствие за ней какой-либо вины, и ее срочно вернули домой. Она о себе ничего не говорила и никого не обвиняла, а только горевала и переживала за молодых парнишек, ни в чем не повинных, по ее мнению, которых гнали в Соль-Илецк вместе с группой взрослых арестантов.

В это же время из милиции вернули прихваченные у нас лопаты. Следователи установили, что лопаты были старые, довоенного производства, давно используемые, но только насаженные на черенки двухлетней давности.

В летнее время я с утра до вечера работал в колхозе, в основном на сенокосе и уборке урожая зерновых. Все эти забавы по вторжению в чужие огороды и на колхозные бахчи прекратились ввиду большой занятости дома и в колхозе. После окончания неполно-средней школы меня и всех моих одноклассников перевели в среднюю школу, в которой я учился особенно не напрягаясь. После семи классов я было собрался поступать в техникум, но мать категорически запретила даже думать об этом, строго приговаривая: «Я твоему отцу обещала дать вам высшее образование, но мне, ученице церковно-приходской школы, известно: чтобы его получить, надо закончить среднюю школу, и прежде всего восьмой класс, а потом все остальные. Вот когда ты ее закончишь, вот тогда сам и решай, куда тебе пойти учиться. Вот один из вас ослушался меня, и его, паразита, забрали в армию, а теперь получит ли он высшее образование, я не знаю. Ну и что я тогда скажу вашему отцу?» И к этому разговору мы не возвращались, пока я не закончил десять классов.

Строгими рассуждениями о нашем образовании мать призывала нас свято верить, что отец обязательно придет с войны. В ту пору матери было чуть более пятидесяти лет, и она еще была полна сил и энергии, чтобы вести нас по пути, избранному для нашей семьи ее мужем Николаем Прокофьевичем Седых.

Вспоминая те годы, я понимаю, почему всегда относился критически и подозрительно к советской власти и впоследствии, уже работая, не вступил в партию. Власть и партия в то время и позже, до развала Страны Советов,

Книга 2023.indd 164-165 5/3/23 19:33

Учащиеся восьмого класса с учителями.

были крайне жестоки и не прощали какие-либо обвинения их в неверном правлении народом. Отца забрали на фронт в первый же день войны с ответственной работы, от которой было бы во много раз больше пользы для фронта, чем от того, что он пропал обыкновенным солдатом по вине местного начальства, избавившегося от непокладистого человека. Больную мать забрали в милицию по чьему-то доносу за какой-то непонятный проступок и отправили без следствия и суда по этапу в пересыльную тюрьму, оставив троих подростков выживать, и никто не ответил за это надругательство. И как я мог благодарить эту партию и власть, якобы давшую мне безбедную жизнь, бесплатное образование и медицину! Да, мой дед, обычный средний крестьянин, еще до революции дал образование своей дочери, платя за ее обучение в Оренбургском педучилище, образование не хуже, чем в советских университетах. Окончив училище, эта дочь, вместо того чтобы вернуться в свою деревню и учить детей, под руководством партийных смутьянов ушла строить советскую власть на Украине. А потеряв мужа-чекиста, болевшего чахоткой, за свое подвижничество в строительстве коммунизма получила в Харькове маленькую комнатушку на подселении, в которой прожила всю жизнь. И вот, почувствовав на себе еще в школьные годы все негативные последствия деятельности советской власти и партии, я ушел после Средней Азии работать в таежные экспедиции, где успех в моей работе зависел только от меня самого, от моих знаний и энергии. В этой области своей деятельности без гоголевских дураков и дорог я создал свой мир, что было предназначено мне судьбой, благодаря генам отчаянных авантюристов «тамбовских волков» и совершенно невыносимой социальной среде, созданной доморощенными деревенскими большевиками. И все это совершилось со мной воистину благодаря гениальной русской пословице «нет худа без добра», которой я руководствовался всю жизнь, преодолевая худо ради достижения добра себе и близким, как сделали и мои предки, переселившись в дикую заволжскую степь осваивать целину по зову тогдашнего правительства. Удалось ли мне что-либо добиться в этом плане пусть скажут мои земляки и читатели этих записок.

Наступил 1948 год. Послевоенная жизнь медленно налаживалась. Ежегодно снижались цены на промтовары и продукты. В поле уродился хлеб, и колхозники осенью даже получили какое-то зерно на трудодни. Мы, уже повзрослевшие дети, серьезно помогали матери в хозяйстве и по-прежнему

Книга 2023.indd 166-167 5/3/23 19:33

были уверены, что отец придет. Но мать все больше теряла надежду на его возвращение, стала свыкаться с этой участью и начала ездить в Абдулино в церковь молиться. Дома повсюду были развешаны фотографии отца, и я до сих пор помню их все. Мы трое, оставшись при матери, учились прилично и все стремились после окончания десятого класса поступить в институт. Это намерение настолько жестко было привито нам матерью при поддержке тети Гани и Дмитрия, что мы даже и не думали поступить по-иному. Шурка, учась в девятом классе, уже готовился ехать в Харьков и в 1949 году сдал экзамены в престижный авиационный институт. Теперь нас с матерью осталось двое детей, я — в седьмом классе, Женька — в пятом. Матери стало еще сложнее, она буквально надрывалась, поднимая нас одна, и все чаще обращалась к богу.

Годом ранее померла тетя Наталья, одна из пятерых дочерей нашей бабушки. Она со своим мужем Ильей Филипповичем Поповым после войны из Ильиновки переехала в Пономаревку, и жили они вполне прилично в отдельном доме на окраине села. Илья Филиппович работал в ту пору счетоводом в колхозе «Путь Ильича» и чем мог помогал нам. Оставшись один, он категорически отказывался ехать жить к кому-либо из трех сыновей и двух дочерей и вел домашнее хозяйство один, ухаживая за своим старым отцом, лежавшим на русской печи. И вдруг наша мать, Прасковья Лукьяновна, окончательно потеряв надежду дождаться отца и боясь остаться одной, решила объединить хозяйство с Ильей Филипповичем и жить с ним под одной крышей, то есть выйти замуж. Я помню тот вечер, когда мать, печальная, за столом сообщила нам двоим об этом и попросила разрешения у нас совершить этот обряд. Ну как мы могли противостоять намерению двух одиноких людей? Мы понимали, что уйдем и мы в институты, и мать, оставшись одна, просто пропадет. Ей в ту пору было не к кому уйти из сыновей, ни у кого из них не было семьи, да мать ни к кому бы и не пошла жить с ее своенравным, гордым характером клана Иноземцевых. В начале 1950 года, продав дом, мы переехали на улицу Ленинскую и стали жить вблизи реки Дёмы. Мы с Женькой по обоюдному согласию со стариками не называли Илью Филипповича отцом, как-то обходились без подобной крестьянской привычки. В этом доме на всех стенах были развешаны фотографии отца и нашей родной тетки Натальи, и мы мирно существовали в новом качестве.

После объединения домашних хозяйств жить стало легче, но работы было не меньше, чем раньше. Так же надо было пахать землю, сажать картошку, косить сено, готовить дрова, ходить за скотиной. Колодец-журавль находился метрах в пятидесяти от дома, и мать с дедом завели огородик, где выращивали огурцы, дыни, арбузы, помидоры, лук, чеснок. Набеги на чужие огороды и бахчи остались только в воспоминаниях о моем военном времени. Илья Филиппович завел несколько ульев, пчеловодством он занимался еще дома, когда жил с тетей Натальей в Ильиновке. Кстати сказать, Ильиновкой деревня стала называться после того, как он поселился первый на краю большого оврага в пятнадцати километрах от Максимовки, женившись на дочери Прокофия Федоровича и Настасьи Федоровны Седых. Вот тогда, в двадцатых годах, они и приступили к освоению новых земель, начав с разведения пчел. Потом к дому Ильи стали подселяться эмигранты из Максимовки, и образовалась деревня Ильиновка, в которой до сих пор живет деревенский музыкант Дмитрий, мой двоюродный брат, сын моей родной тети Феклы, которая спасала нас во время двух полутрагических событий.

Молодые основатели деревни из рода Поповых и Седых вырастили в новом месте четверых сыновей и двух дочерей, которые с малолетства дружили с моими старшими братьями Дмитрием и Петром.

Переехав на Ленинскую улицу, мать перестала работать в колхозе и стала заниматься только домашним хозяйством, ухаживая за коровой, теленком, овцами, курами, что она делала с удовольствием, радуясь результатам своей работы. Несмотря на то, что дед был на пенсии, он продолжал работать в колхозе счетоводом, и мы могли пользоваться колхозными лошадьми при вспашке теперь уже одного огорода, для доставки дров и сена во двор. Заготовка же сена для коровы, теленка и овец, то, чем мы с матерью занимались и раньше, продолжала оставаться для нас проблемой. Колхоз «Путь Ильича» и какие-то другие колхозы и совхозы предлагали нам участвовать в проведении сенокоса, зарабатывая при этом для себя одну десятую часть от объема заготовленного сена. Этим предложением в ту пору пользовались люди, державшие корову, и мы с матерью тоже.

И вот как-то я с другом и соседом Петькой Овсянниковым на этих условиях решил поработать на сенокосе в Башкирии, в пятнадцати километрах от Пономаревки. Мы тогда окончили девять классов и посчитали, что справимся с этой работой. Пешком отправились в совхоз, пришли в контору. Нам обрадовались и приняли без проблем. Отвели нам комнату в каком-то доме для заезжих, предоставили кухню для приготовления пищи. Наутро за нами

Книга 2023.indd 168-169 5/3/23 19:33

заехали две подводы, полные мужиков и женщин, и отвезли в поле. На поле кругом лежали валы сгребенного сена. Бригаде из шести человек предстояло собирать его в рыдваны и подвозить к месту складывания омета. У нас спросили, что мы умеем делать, и узнав, что я когда-то вершил стога, поставили нас вершить ометы. Взрослые же подвозили сено на рыдванах и подавали его нам наверх. Скирдовать ометы гораздо сложнее и тяжелее, чем стога. Вершить ометы и стога вообще непростое дело. Кроме того, что поданное сено надо положить туда, куда надо, еще его следует потоптать. И чтобы у сооружения получились правильные вертикальные стенки, сужающиеся кверху, надо еще и управлять людьми, подающими сено наверх. Но эту работу удобно делать одному. Когда вершишь стог, круглый скирд, то места второму человеку просто нет. А если вы вдвоем, то надо управлять еще и напарником, особенно если он не имеет опыта. Обычно эта работа по складированию сена идет как на конвейере и без отдыха, пока не будет завершена. В первый день мы с Петром сметали половину омета, что немало для начала. Мы сильно устали, кое-как пожевали еду, взятую из дома, и, не раздеваясь, заснули как убитые на своих кроватях с пружинами.

Утром, помня, что вчера женщины кидали сено наверх куда попало, и мы не успевали перетаскивать его туда, где оно должно лежать, я начал подсказывать работающим внизу, куда класть сено. Постепенно в моих указаниях стали проскальзывать нецензурные слова. Работающие внизу теперь лучше понимали меня, и дело пошло значительно быстрее.

Смотрю, стали все меня слушаться, а тех, которые еще пытались делать по-своему, я просто материл. Я был воспитан улицей, и она меня научила очень ловко и грамотно пользоваться ее языком, применять его там, где без него обойтись нельзя. К вечеру второго дня под моим руководством работа пошла более слаженно, и мы сметали за день уже один полный омет. Мы с Петром, сильно уставшие, ввалились в нашу комнату, еле волоча себя, опять кое-как всухомятку поели и упали спать на скрипящие железные кровати. Работа на третий день началась как обычно, часов в десять, и закончилась около шести. Управляя всеми с помощью уличного языка, мы за день сметали два омета, и народ понял, что теперь работа пойдет еще более ударно. И вот, когда мы возвращались домой, одна из женщин, улыбаясь, громко сказала:

— Ну, Вовка, мы здесь в поле видели всяких матерщинников, но такого мастера увидели впервые, ты перещеголял всех. — И обернувшись ко всем спросила: — Ну как, девки, согласны со мной?

И все молодые сильные бабы залились смехом.

И вот сейчас я вспоминаю случай. Как-то сидя в кабинете первого секретаря райкома в одном таежном районе и обсуждая с ним организационные вопросы жизни нашей экспедиции, я невольно стал свидетелем того, как он по телефону управлял районом, считавшимся одним из передовых. В его общении цензурными были только союзы и прочие связующие слова, все остальное состояло из матерков. И я понял, что уже в девятом классе созрел для того, чтобы управлять людьми, и, к своему удовольствию, заметил, что, видимо, мог бы справиться уже тогда с работой первого секретаря райкома. В экспедиции только редкие бичи, отсидевшие несколько сроков в лагерях, владели искусством высокохудожественного монолога из этих слов, а все остальные выражались не лучше, чем я. Но и на моем таборе, и в тайге все пользовались матерными словами только в тех случаях, когда их нельзя было заменить литературными.

На четвертый день Петр покинул меня. За ним приехал на машине кто-то из его родни и увез в Пономаревку. Я остался один. С его отъездом сорвался наш план заработать сено, и я отказался дальше трудиться. Сенокосники, увидев меня одного, опечаленные, поехали в поле без нас, а я начал собираться домой. Сдал постельное белье, посуду и вилы в контору и в тот же день пошел домой пешком, несмотря на поздний час. Иду не торопясь, озирая пейзаж, совершенно не такой, как в нашей степи. В распадках дубовый лес с осиной и березой, на опушках густая трава с неведомыми крупными цветами, а невысоко над ними какие-то мелкие птички гоняются за коршуном, пытаясь отогнать его от этого леса. Солнце начало садиться. Установилась тишина, и только перепелки своей песней призывали всех: спать пора! спать пора! Подумав, что я до темна не успею дойти до дома, решил заночевать в километре-двух от второй фермы нашего колхоза. На пологом склоне увала на скошенном поле я подобрал одну копну с сеном. Образовав логово под ней и еще не забираясь в него, я полулежа, прислонившись к копне, стал наблюдать наступающую ночь. С темнотой перепелки замолчали, и их сменил коростель (дергач), крича как-то уж очень по-своему, дребезжащим голосом, видимо, напоминая всем сородичам, что он жив и здоров.

Где-то в километре от меня заржали лошади и там же начали лаять собаки, а следом послышались матерки, чтобы их угомонить. Передо мной на небосклоне появилась звезда, все более разгораясь, а за ней весь небосвод начал покрываться звездами, и вот он, Млечный Путь, светящимся ремнем

Книга 2023.indd 170-171 5/3/23 19:33

опоясал над копною купол неба. Наступила ночь. Близко от копны, низко, бесшумно пролетела сова, направляясь на свою ночную охоту, и только кузнечики еще исступленно скрипели вокруг, не мешая наступлению глубокой тишины. Глаза начали слипаться, и я в полудреме, не снимая лаптей, залез в свое логово и тотчас заснул мертвым сном, несмотря на прохладную ночь.

Проснулся я рано утром. В лощине стоял туман, и только какие-то ранние птички своим писком напоминали всем, что пора вставать. Я протер глаза, поднялся и быстро пошел восвояси по холмам вдоль уремы в Пономаревку.

Наступил 1952 год, год окончания средней школы. Мои друзья и я считали себя уже взрослыми — покуривали, изредка выпивали и все больше трепались о предстоящей студенческой жизни, поглядывая на колени своих одноклассниц. Нам в десятом классе повезло. Появились новые учителя — математик, он же физик, Михаил Кириллович Юдин, литератор, выпускник Оренбург-

Прежде чем попасть на бал-маскарад, неожиданно пришлось сначала привезти сена корове и овцам. А потом, переодетые в трех мушкетеров, мы появились на балу. Слева направо: Венька Попов — Атос, Лешка Ельчанинов — Портос, и я — Арамис.

Книга 2023.indd 172-173 5/3/23 19:33

ского института, учительница по химии. Они серьезно взялись за нас и затолкали в наши еще полупустые головы нечто такое, что из нас, деревенских парнишек, сделало наглых, самоуверенных молодых людей, рвущихся к освоению жизни за околицей села.

Они как-то смогли увлечь нас поисками личного подхода к решению поставленных задач, а если мы не находили решения, то подсказывали, где и как его найти. И после такого общения с ними я и все мои ближайшие друзья—Венька Попов, Лешка Ельчанинов, Петька Овсянников—не побоялись и поехали поступать в те вузы, в которые стремились попасть.

Наряду с этим они в нас разбудили и творческий подход к организации различных забав, проводимых в школе в праздничные дни. И вот как-то раз Венька Попов, Лешка Ельчанинов и я с моей подачи решили удивить всех в школе и появиться на новогоднем маскараде в костюмах трех мушкетеров. Мы ни с кем не делились нашей задумкой и все костюмы готовили у меня дома с помощью матери. Прасковья Лукьяновна, одобряя нашу затею и став нашей костюмершей, на своей швейной машинке «Зингер» изготовляла все, что мы ее просили. Все шло хорошо, костюмы к маскараду были готовы, мы перенесли их в школу, и наш классный руководитель Михаил Кириллович спрятал их в шкаф в учительской. А мы с нетерпением стали ждать школьного Нового года.

И вот наступило 30 декабря. Маскарад должен был состояться вечером в самом большом классе, находящемся в торцевой части кирпичного здания. Но неожиданно для меня случилось пренеприятное событие. Мать сообщила, что нам в колхозе выделили лошадь с санями и мы должен ехать на вторую вершину за сеном. Я остолбенел. А что же делать с нашими костюмами, мушкетерами, маскарадом, куда я при всем желании не успею попасть?! До нашего стога четыре-пять километров по дороге, далее с километр по снежному бездорожью, затем надо освободить стог от снега, уложить сено в сани и полтора-два часа ехать назад. И если мы выедем туда в час дня, я освобожусь от работы только часам к восьми вечера. Не рассуждая, я срочно пошел к Лешке, рассказал ему о случившемся и просил его быть с Венькой в школе часов в семь и ждать меня. Вернувшись, я объяснил матери свою озабоченность, на что она спокойно ответила: «Надо поторопиться», и после обеда мы отправились в степь, погоняя лошадь. И как рассчитали, вернулись в деревню с сеном часам к семи вечера. Я быстро собрался и чуть ли не бегом устремился в школу.

В большом классе вокруг высокой елки вовсю шли танцы учеников восьмых—десятых классов. Повсюду мелькали маски, и было трудно под ними кого-либо узнать. Мы втроем собрались в учительской. Я сбросил свою мирскую амуницию и через пятнадцать минут превратился в Арамиса. И вот мы, три мушкетера, появились на балу! Все танцующие остановились и, разинув рты, глядели на нас, а Трояновский, ученик восьмого класса, не видя нас, наяривал на баяне какой-то вальс. Мы всем танцующим и гостям-родителям сделали театральный поклон и пошли к елке через толпу, расступающуюся пред нами. Подойдя к ней, обернулись, глянули на привлекательные маски своих одноклассниц и галантно пригласили их на танец под музыку, которая не останавливалась. И вот теперь, через шестьдесят пять лет, я как будто снова вижу этих отчаянных мушкетеров, вспоминая свой десятый класс в средней школе села Пономаревка, где мы учились у выдающихся учителей, подготовивших нас к поступлению в престижные высшие учебные заведения в крупных городах Страны Советов—Москве, Ленинграде, Харькове, Оренбурге, Свердловске.

Прошли новогодние дни, потом Рождество, которое не забывала встречать мать и приучала нас следовать этому. Начались обычные школьные занятия. В нашем десятом классе кроме активного освоения предметов, по которым сдавали выпускные экзамены, обсуждались вопросы выбора профессии с учетом способностей и желаний старшеклассников. Экзамены приближались, и волей-неволей все одноклассники энергично готовились к встрече с ними. Прошел январь, февраль, наступил март. Солнце светило ярко, грачи по-хозяйски ходили по проталинам, а наступившее тепло вселяло в каждого из нас радость и удовольствие от подготовки к окончанию школы. Наступил апрель. С ярко-белых облаков с журчанием лились песни жаворонков, призывающих забыть зиму и готовиться к лету. И вдруг в середине апреля, как гром среди ясного неба, из летного училища города Ртищево Саратовской области приходит извещение о гибели старшего брата Дмитрия при выполнении военного задания. Все домашние—я, Женька, Илья Филиппович—были поражены этим сообщением, а мать просто убита новой бедой, свалившейся нежданно-негаданно. Еще не веря этому извещению, она пыталась понять, обращаясь к иконе, за что бог ее наказывает, а потом, опомнившись, вытирая слезы, просто произнесла: «Надо ехать прощаться и хоронить Дмитрия». Илья Филиппович идет быстро на почту и сообщает телеграммой в училище о приезде Прасковьи Лукьяновны, матери погибшего сына, и в тот

Книга 2023.indd 174-175 5/3/23 19:33

же день они уезжают в Ртищево. Мы остаемся вдвоем с тетей Феклой, срочно приехавшей из Ильиновки вести хозяйство.

Через неделю они возвратились. Мать, еле волоча ноги, слегла и несколько дней лежала, глотая какие-то отвары с медом. Оправившись от удара, она собрала нас всех за столом смотреть фотографии с похорон Дмитрия. Мы с Женькой впервые увидели близкого человека, лежащего в гробу. Нашего брата, еще недавно общавшегося с нами с неизменно веселой улыбкой, когда он бывал дома в отпуске. Мать спокойно рассказывала о том, как высоко ценили Дмитрия в училище и в городе, показывая фотографии с множеством людей, присутствовавших на похоронах. Она не могла понять, почему наряду с курсантами и военными преподавателями было так много обычного городского населения, и друзья Дмитрия объяснили, что ее сын активно участвовал в общественной жизни города и люди пришли проститься с ним. К концу дня мать собрала фотографии, спрятала в сундук, а одну из лучших фотографий закрепила на стене рядом с фотографией отца. Долго стояла перед ними, затем перекрестила их обоих и, обернувшись к нам, просто сказала: «Надо продолжать жить и учиться, и завтра расскажете про свои успехи».

Итак, началась новая жизнь под строгими и задумчивыми взглядами отца и брата, наблюдавшими за нами ежедневно со стены. Апрель закончился. Наступил май, а потом выпускные экзамены, которые я сдал вполне прилично, и в конце июля отправился в Харьков поступать в сельскохозяйственный институт им. В.В. Докучаева на факультет лесной мелиорации.

Отец и Дмитрий.

Книга 2023.indd 176-177 5/3/23 19:33

Я с друзьями в Харькове на первом курсе института.

Студенческое время

Переходя из класса в класс и осваивая все новые и новые знания, я задавался вопросом: куда же пойти учиться после школы, кем стать, чтобы быть не только сытым, но делать нечто полезное не для себя, а прежде всего для Родины, то есть чего-то необозримого. К посвящению своей жизни этому не совсем понятному явлению, объединяющему тьму различных народностей, призывала партия, власть, школа, комсомол. Нам, старшеклассникам, ближе были разговоры о реализации своих творческих амбиций, карьере и славе, о чем взрослые стеснялись говорить. И мы также хорошо понимали: все это у тебя будет в дальнейшем, если сейчас, в настоящее время, ты безошибочно выберешь институт, где получишь интересную профессию согласно своим способностям и влечению. В школе в разное время я занимался конструированием самолетов и пароходов, плясками, театральной самодеятельностью—словом, перепробовал множество занятий, пытаясь найти для себя что-то интересное. Очень сильно хотелось заниматься рисунком и живописью, способностями к которым меня немного наградил бог, но, достигнув самостоятельно каких-то успехов, я застывал, и не у кого было получить заряд для дальнейшего движения. Поступать же в художественное училище не было смелости и элементарных средств.

Занятия в школьных кружках вызывали во мне скуку, и много раз, прерывая попытки поиска в себе каких-либо талантов, я уходил в леса и степи, поражающие меня разнообразием жизни и скрытых тайн. Наблюдая этот непонятный мир, я все больше ощущал тревогу, понимая, что скоро его покину и займусь чем-то для себя неизвестным, чужим, к чему не лежит душа. Бродя и размышляя о будущем, я вдруг открыл в себе желание попытаться в чем-то разобраться, поделиться полученными знаниями и даже усилить их

Книга 2023.indd 178-179 5/3/23 19:33

благотворное влияние на жизнь человека. Но как подойти к решению этих слишком смелых задач, я еще не знал. В то время все газеты и радио были заполнены рассуждениями о преобразовании природы, о выращивании полезащитных лесов в степях, в полупустынях, направленных на предотвращение ветровой эрозии и повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Для выполнения этого грандиозного плана в некоторых сельскохозяйственных институтах страны была открыта новая специальность, которая полностью отвечала моим устремлениям в выборе профессии, и я решил поступить в Харьковский сельскохозяйственный институт на факультет лесомелиорации.

Вступительные экзамены начинались 1 августа, и я решил ехать на месяц раньше, чтобы освоиться с городской жизнью и не выглядеть робким провинциалом при поступлении в институт. И вот настал день моего отъезда. Накануне мы с друзьями хорошо выпили, но, несмотря на глубокое похмелье, мой двоюродный брат Павлик проводил меня до железнодорожной станции Абдулино, расположенной в шестидесяти километрах от Пономаревки. Доехав на попутной полуторке до станции, я наконец-то впервые увидел тяжело дышащий паром паровоз, черных, в мазуте, машиниста и кочегара, железную дорогу и вокзал, битком набитый пассажирами с маленькими детьми, мешками и перевязанными деревянными чемоданами.

Сесть было негде. Притулившись с братом к одной из стен, я принялся рассматривать пассажиров, одетых в самую различную сильно поношенную одежду и вдруг на противоположной стене увидел огромное живописное полотно в раме, на котором был изображен И.В. Сталин. Он стоял в военном кителе с левой согнутой рукой, с которой свисал плащ и смотрел в даль степей, где было написано «Полезащитные лесные полосы». И вот тут я понял, что не зря решил получить специальность по созданию лесов в степях и пустынях. Эта картина висела в абдулинском зале ожидания железнодорожного вокзала даже после ухода из жизни вождя — инициатора грандиозного плана, направленного на защиту сельхозкультур от суховеев. К сожалению, приемники Сталина не продолжили начатое им дело и загубили тем самым стремление многих поколений природоведов, мечтавших рукотворно улучшить климат юга страны. В случае выполнения этого плана можно было бы действительно повысить урожайность сельхозкультур и комфортность обитания человека в степных районах.

Поезд Хабаровск–Харьков прибывал где-то часа через три после нашего приезда, и я от нечего делать все это время, озираясь вокруг, слушал советы брата, который был на девять лет старше, как вести себя в общем вагоне, как не дать себя обокрасть, как доехать трамваем до дома в Харькове, где живет наша родная тетка, как вести себя с жителями большого города. И вот, пыхтя паром, паровоз подает поезд. Из общего вагона, куда мне надо было садиться, расталкивая толпу перед входом, выскакивает куча молодых людей в майках и с чайниками и бегут за кипятком, который можно было набрать рядом с вокзалом.

Проводница, проверив билет, сказала, какое место занять, и разрешила подняться в вагон. Брат зашел вместе со мной. В тамбуре и в проходе между купе стояли потные люди с довольными улыбками, ожидающие своих попутчиков с кипятком. Протиснувшись через них, мы находим мое сидячее место, которое, как оказалось, давно уже занято. Павлик под стол между чьими-то вещами затолкал мой замызганный чемодан с бельем, мы обнялись и расстались.

И вот он передо мной, мир за околицей села, куда я так долго стремился и который тесно окружал меня все эти четыре дня до Харькова. Сидящие внизу мужчины и женщины немного подвинулись и дали мне возможность сесть. Поезд дернулся и тронулся. Протискиваясь сквозь стоящих в проходе вагона, в купе зашли два человека в напрочь расстегнутых гимнастерках и третий в обычной одежде, похожий на деревенского. Они держали чайники с горячей водой, и один из них воскликнул: «Ну, братцы, налетай, пока дают бесплатно». Все засуетились и стали рыться в своих мешках, доставая оттуда всякую снедь. Сидящие еще теснее сдвинулись, уступив место за столом этим трем парням. Гражданский достал нож из сапога, начал резать хлеб, сало, огурцы, а другие разливали воду в протянутые кружки. Все ели, громко разговаривая и улыбаясь, и тут, вспомнив обо мне, заставили меня принять участие в общем пиршестве. Парни, узнав, что я еду до самого Харькова (а они до какой-то станции в Воронежской области), просили, не стесняясь, сказать им, когда я сильно захочу спать. Один из них, кивнув головой вверх, объяснил, что в этом случае надо туда залезть и залечь спать на полках для вещей, отметив, что там найдется место и для четвертого. И так пассажиры одного из перенаселенных купе, познакомившись со мной, без всяких обиняков приняли в свою среду общежития, которая была характерна для общих

Книга 2023.indd 180-181 5/3/23 19:33

вагонов в ту пору. Так я ехал четверо суток до конечной станции, как эти парни, бегая за кипятком, играя в карты наверху, делясь своим харчем, который мать положила мне в вещмешок и в чемодан.

И вот он, Харьков! Выхожу на привокзальную площадь. С краю остановка трамвая, люди. Подхожу, спрашиваю, одна женщина объясняет, на каком трамвае ехать до площади Дзержинского и что надо выйти у сквера рядом с высотным зданием «Газпром». Я ехал, прильнув к окну, и с жадностью рассматривал все вокруг. Пока трамвай тащился где-то внизу, под горой, ничего необычного я не видел, но когда поднялся вверх, на склон, и остановился у сквера, моим глазам предстало высотное здание, которое мне сразу понравились. Неподалеку от остановки я нашел дом, где на пятом этаже жила моя тетя Ганя, и поднялся к ней. Она занимала небольшую комнату в двенадцать квадратных метров в четырехкомнатной квартире, где кроме нее обитало еще четыре человека. Я впервые увидел, что такое городская квартира с удобствами, и частично понял, ради чего делали революцию в стране. После длинного и радостного обеда я занял диван, и с начала июля 1952 года началась моя харьковская жизнь.

Первое время я ежедневно сидел на балконе, жевал яблоки «белый налив», наблюдал за людьми, идущими внизу, изучал вывески на другом языке. Особенно меня привлекало заведение, расположенное напротив на первом этаже. На вывеске было написано «Перукарня» и я, будучи абсолютно уверенным в том, что это пекарня, удивлялся тому, насколько украинский язык похож на русский. Потом я стал сомневаться, что это пекарня. Машин, привозящих муку, я не видел, как не видел и испеченный хлеб. Нередко туда заходили люди и через короткое время выходили, приглаживая волосы ладонью. Часто я видел двух-трех курящих мужиков в белых халатах, стоящих у дверей и мирно разговаривающих. Я понимал, что это какие-то важные работники этого заведения, может быть, врачи, но никак не думал, что это обыкновенные парикмахеры.

Знакомясь с городом, в котором прожил пять лет, я привык к вывескам на украинском языке, но удивлялся одному: для кого они были написаны, если все горожане поголовно говорили на чистом русском языке и только в отличие от нас вместо слова «что» произносили «шо». Но этому я и не удивлялся. Много позже я узнал, что в России слово «что» произносят правильно только городские жители, а все остальные россияне вне Москвы и до самых

до окраин произносят его как «чего» или «чаво». И в том украинском институте, который я закончил, все говорили только на русском, и поэтому я никак не мог признать, что город Харьков украинский.

Через несколько дней я осмелился уже ходить по городу и в центральной части нашел улицу, на которой был расположен Харьковский сельскохозяйственный институт имени В.В. Докучаева. Это было роскошное здание, куда в двадцатые годы, после распада Российской империи, переехал из-под Варшавы Александровский лесной институт. До революции он котировался так же высоко, как Санкт-Петербургская лесная академия,—в этих двух заведениях в ту пору учились отпрыски самых привилегированных фамилий России. При переезде в Харьков лесной институт стал называться сельскохозяйственным ввиду того, что в нем были открыты факультеты сельскохозяйственного профиля. В период развертывания работ по созданию полезащитных лесов лесной факультет был преобразован в факультет лесной мелиорации, куда я и собирался поступать.

Я познакомился с приемной комиссией, сдал документы и начал до экзаменов активно внедряться в жизнь почти миллионного города, который по количеству вузов был в СССР третьим после Ленинграда. В нем имелось двадцать пять институтов, после него шли Киев, Нижний Новгород и Ташкент, где было около пятнадцати институтов.

Для меня, деревенского жителя из диких заволжских степей, окружающая городская жизнь была в новинку. Чтобы ее правильно освоить, надо было перво-наперво завести друзей. Но это было просто. Я видел, что в большом дворе, окруженном пятиэтажными домами, почти каждый вечер играли в волейбол подростки и парнишки моего возраста. И когда я, сидя на скамейке неподалеку, стал наблюдать за их игрой, они затащили меня в свою компанию и, что интересно, быстро признали своим. Потом я подружился с двумя самыми отчаянными парнями и субботними вечерами гулял с ними по центральной Сумской улице. На ней в это время закрывался проезд для транспорта, и харьковчане, съезжавшиеся из разных районов города, толпами ходили по мостовой и тротуарам от площади Тевелева и до памятника Шевченко. Днем я с новыми приятелями без билета катался на трамваях, научившись заскакивать на подножку и соскакивать с нее на ходу. Ну а когда мы ездили на реку Северный Донец и пруды, то в заплывах я опережал всех и вскоре стал своим среди шпаны нашего двора.

Книга 2023.indd 182-183 5/3/23 19:33

В ту пору я носил парусиновые полуботинки, покрытые зубным порошком, белые брюки и рубашки в полоску с короткими рукавами и своим видом не отличался от харьковских парней. В этой одежде я пришел и на экзамены, и все абитуриенты, приехавшие из украинской провинции, и преподаватели считали меня харьковчанином.

Приемных экзаменов мне пришлось сдавать семь: русский язык письменно, литература, физика, математика, химия, биология и немецкий язык. Кроме русского я все сдал на четыре и пять и набрал больше проходного балла. Русский письменный я и не ожидал, что сдам больше чем на три. По этому предмету, где надо было запоминать много правил, а не соображать, я и в школе получал чаще всего не выше тройки. Но все-таки экзамены прошли для меня не так уж просто. Я чуть было не завалил экзамен по математике, но ангел-хранитель подсказал, как выйти из провального положения.

А казус был в следующем. Экзамен по математике я не пошел сдавать в числе первых, и сдавшие его сообщили нам, стоявшим за дверью, что придется отвечать на пять вопросов, содержащихся в билете. На всякий случай я прихватил учебник по алгебре, засунув его за пояс под рубашку. Захожу, за столом комиссии — три экзаменатора, которые слушают отвечающего, одновременно поглядывая на абитуриентов, сидящих в аудитории и готовящихся к ответу. Взяв билет со стола комиссии, я сел подальше от нее. Следом за мной билет взяла девушка и села через сиденье от меня за мой стол. Глянув в билет, я увидел действительно пять вопросов и стал писать решение задач на чистых листах бумаги, лежащих на столе. Ответ на первый вопрос знаю, на второй — знаю, на третий — знаю, на четвертый — не знаю, на пятый — знаю. Что делать? Перелистал под столом алгебру и не нашел ответа на четвертый. Еще раз перелистал, опять не нашел. И здесь некстати пристает ко мне соседка с просьбой помочь ей ответить на какой-то вопрос в ее билете. Я знал ответ и, поглядывая на комиссию, с досадой стал излагать его девушке, стараясь не быть обнаруженным. И вдруг председатель комиссии громко обращается ко мне с вопросом: «Молодой человек, кто здесь принимает экзамен — вы или мы?» Я тут же замер, ожидая, что меня сейчас выгонят. Но, сделав замечание, председатель занялся своими делами, а я, напуганный им, подумал, что теперь он будет более строго экзаменовать меня. А как мне отвечать на четвертый вопрос, ответа на который я напрочь не знал? И вдруг чей-то голос подсказал: соображай и найдешь, как выпутаться из этого положения.

Я затаился и стал внимательно оценивать поведение экзаменаторов. Заметил, что у сдающего комиссия не забирает билет, а абитуриент, глядя в свой билет, зачитывает вопрос и с разрешения экзаменатора, сидящего против него, начинает отвечать. Затем экзаменаторы заслушивают следующий вопрос и дают разрешение на ответ. Если абитуриент отвечает хорошо, экзаменаторы прерывают его и разрешают переходить к следующему вопросу. Этот прием они применяют, как я понял, ко всем, и решил четвертый вопрос заменить другим, который я хорошо знал, текстуально несколько похожим на первый. И чтобы сильнее очаровать комиссию своими ответами, я перестал тезисно готовить их заранее, собираясь решать задачи прямо перед ними на чистых листах бумаги, демонстрируя свои глубокие знания по математике. Я смял листы с ответами и спрятал в карман.

И вот наступил мой черед. Спокойно сажусь за стол экзаменаторов, кладу перед собой билет и читаю первый вопрос. «Отвечайте», — произносит экзаменатор, сидящий передо мной. Я беру с их стола чистый лист бумаги и быстро пишу перед комиссией какие-то формулы и решение задач, обозначенных в вопросах. Не дожидаясь конца ответа на первый вопрос, меня просят перейти к следующему. Я продолжил отвечать в той же манере, используя новый чистый лист бумаги. Опять меня прерывают и просят перейти к третьему вопросу. Читаю вопрос и начинаю решать размашистым почерком опять на новом листе бумаги. Ответ на этот вопрос экзаменаторы слушают до конца, не прерывая меня. В сердце что-то защемило, и я приготовился назвать четвертый вопрос. И вдруг слышу от председателя комиссии: «Достаточно. В следующий раз на экзамен выходите с решенными задачами, чтобы нам с вами за нашим столом не тратить время. Пять за ваши ответы мы не можем поставить, вы слишком нагло вели себя, только четыре.» — Он обернулся к коллегам, которые улыбкой подтвердили свое согласие, а потом добавил: — Идите. Вы сдали хорошо». И я, чуть было не выронив книгу из-под пояса, быстро покинул аудиторию, выскочив на белый свет с широкой улыбкой.

И вот этим данным мне богом умением моментально соображать и принимать правильное решение во избежание какого-либо драматического или даже трагического конфликта с человеком или с природой я и воспользовался впервые под угрозой провала поступления в институт. Это умение меня нередко спасало в таежных экспедициях от неминуемой встречи со смер-

Книга 2023.indd 184-185 5/3/23 19:33

тью и все более закреплялось при работе в тайге. И когда рабочие изучали технику безопасности, я часто наряду с таежными примерами рассказывал и эту примечательную историю, произошедшую со мной на вступительном экзамене по математике.

Итак, я был зачислен на факультет лесной мелиорации! После поступления в институт я начал осваивать новый этап своей жизни. Я увидел, что, в отличие от школы, жизнь студента более свободная с точки зрения посещения занятий, и я научился сачковать на лекциях, но при этом старательно ходил на все практические занятия, а экзамены сдавал по конспектам, одолженным у девчонок. Нас на курсе было семьдесят пять человек, из них две группы мальчишек и одна группа девчонок. Экзамены у каждой группы были в разное время, и я пользовался чужими конспектами без проблем, расточая комплименты всем девчонкам, но больше всего, конечно, тем, у кого одалживал хорошие конспекты. Каждый год начиная с 1 сентября я обещал себе посещать все лекции и честно пытался делать это первые три-четыре недели, а дальше у меня никак не получалось. Я полностью отдался городской жизни, в которой мог получить и нечто другое, столь же полезное, как и знания по

Дворец культуры железнодорожников в котором размещалась художественная студия.

специальности. Прежде всего я стал перебирать разные виды спорта—греблю, гимнастику, легкую атлетику и другие и в конце концов остановился на классической борьбе, в которой быстро достиг второго разряда и пошел на первый, а потом забросил и борьбу. Тренер активно призывал меня не оставлять занятий и настаивал, чтоб я шел на мастера спорта. Это потребовало бы больших затрат времени и лишило бы меня возможности попробовать себя в чем-то другом. А я хотел заниматься рисунком и живописью, способностями к которым наделила меня природа. И на следующем курсе я нашел очень хорошую художественную студию, работавшую в великолепном Дворце железнодорожников, расположенном за знаменитым базаром в районе Ивановка—местообитание студентов в съемных квартирах, воров (роклов—местное название) и цыган. Эту студию я посещал более-менее постоянно по четвертый курс института и кое-чему научился.

Итак, первый семестр закончился. Я прилично сдал экзамены и отправился на каникулы домой, в Пономаревку. Общий вагон поезда Харьков–Хабаровск уже не пугал меня, и, как опытный пассажир, я без проблем доехал до Абдулино. А оттуда шестьдесят километров до Пономаревки попутной лошадью на древних санях, таких же, какими пользовались герои повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Проехав километров сорок, заночевали в заезжей избе, точно такой же, в какой встретились Пугачев и Гринев. Гостеприимная хозяйка поставила самовар, и мы, поужинав чаем и чем бог послал, завалились с возницей на полу на сене в тулупах рядом с другими гостями. Утром опять чай с сушками, и через двадцать километров я был дома. На эти же каникулы приехали Венька Попов из Москвы, где он учился в университете на механико-математическом факультете, Лешка Ельчанинов из Ленинграда, также сдавший экзамены за первый семестр в Железнодорожном институте. Подъехали также наши одноклассники из Свердловска, Оренбурга, Уфы, Бугуруслана, и мы всей оравой очень часто появлялись в школе и славили наших учителей.

Весело проведя зимние каникулы, мы, бывшие одноклассники, а теперь уже студенты, вернулись в свои институты. Второй семестр прошел по-студенчески обычно. На общих лекциях я сачковал, немножко занимался борьбой, нередко посещал с друзьями настоящую пивную в подвале на Сумской улице. Начались экзамены, и сдавал я их неплохо. Но вот досада, опять случился серьезный казус, правда, теперь не с алгеброй, а с высшей

Книга 2023.indd 186-187 5/3/23 19:33

математикой. Лекции по ней я практически не посещал и нагло надеялся, что освою ее по учебнику и чужим конспектам в дни подготовки к экзаменам. Но не тут-то было! Высшая математика никак не лезла в голову, и я опять прихватил учебник, засунув его за пояс, и явился сдавать. Взял билет и долго пытался что-нибудь вспомнить. Полистал втихаря учебник, нашел в нем ответы, но не мог их как следует понять. Выхожу сдавать и начинаю нести какую-то ахинею. Профессор, породистая красивая женщина, слушает молча, улыбаясь, затем заявляет: «Молодой человек, вы никогда не сдадите мне математику, но даю вам все-таки четыре дня на подготовку, и попробуйте прийти пересдать». И я не солоно хлебавши вышел из кабинета очень печальный, чего со мной давно уже не бывало. Что делать? И тут я вспомнил студента нашей группы Василия Чудика (такая фамилия), семь лет отслужившего в армии, который имел лучшие конспекты по математике, и попросил его одолжить их мне для подготовки. Учебник же я за эти четыре дня и не надеялся освоить.

Стояли прекрасные солнечные дни. Наступил купальный сезон, и первый день я провел с друзьями на пляже в Покотиловке. Второй и третий день я опять был на пляже, заглядывая в конспекты, пока лежал на песке. Кое-что стал понимать в них, но это было далеко не достаточно для сдачи экзамена. И тогда я почему-то вспомнил слова моего учителя Михаила Кирилловича Юдина, который как-то на уроке сказал: «Седых, ты даже не представляешь себе, какой ты талантливый человек, но в то же время ты также не представляешь, что твоя лень родилась намного раньше тебя». Весь класс от неожиданного заявления учителя обернулся и долго смотрел на меня с удивлением, видимо, пытаясь увидеть во мне эту талантливость. Я тоже сильно удивился, так как ни в чем и нигде эта талантливость во мне не проявлялась.

И вот наступил четвертый день. На пересдачу экзамена надо было идти в два часа дня, и раз Юдин, которому мы, ученики, все верили безоговорочно, единственный человек на свете, увидел во мне необычные способности, я решил попытаться открыть их в себе. Встал в четыре часа утра и начал по чужому конспекту внедряться в высшую математику. И вдруг часам к десяти я понял основные ключевые позиции этого предмета и стал запросто решать задачи высшей математики, и уже к двенадцати часам дня я освоил практически все, что надо было знать для пересдачи экзамена. Решая задачи, я сделал очень важное и очень наглое заключение о том, как проста и примитивна высшая математика, которую я, дурак, до того не знал и освоил просто по конспекту.

Пришел в институт с гордо поднятой головой, взял билет и через полчаса был готов отвечать на вопросы. И в этот раз, как на вступительных экзаменах, стал решать задачи на чистых листах бумаги, лежавших на столе перед профессором. Она смотрела на мои закорючки, остолбенев, ничего не понимая, а потом сказала с удивлением: «Не верю я, что вы могли подготовиться так основательно за четыре дня. Видимо, у вас есть записанные ответы на все вопросы в билетах.— Помолчала и заметила:— Все равно не могу понять: как даже по готовым ответам можно так ясно отвечать?» И так же, как и на вступительных экзаменах, она вместо пятерки поставила четыре, сказав, улыбаясь: «Поздравляю с успехом!» Я вышел и до вечера пробыл за дверью, помогая решать задачи студентам, пришедшим на пересдачу.

После весенних экзаменов в течение двадцати двух дней была практика по геодезии, и тогда я понял, что попал в серьезный институт: мы, студенты, за один только год получили знания, позволяющие заниматься инженерной геодезией в любой отрасли, связанной с землей. И мне в силу определенных обстоятельств даже доводилось работать геодезистом в геофизических экспедициях, о чем я расскажу позже.

Окончив первый курс вполне прилично и съездив домой на каникулы, я продолжил осваивать свою будущую профессию на втором курсе. Осознав наличие кое-каких пробелов в своей студенческой жизни, я строго пообещал себе посещать все общие лекции, но это мне удалось в течение не более полутора месяцев. Я также забросил борьбу и с большим удовольствием ходил в художественную студию заниматься рисунком и живописью. В этом мои успехи были очевидны. Я почти каждое воскресенье уезжал за город на этюды с новыми друзьями по студии. На третьем курсе я мог уже копировать любую живописную работу, но в то же время ощущал, что слегка путаюсь в цветах, и решил провериться на предмет дальтонизма. Я пошел в студенческую поликлинику, находившуюся на улице Пушкинской вблизи художественного института. Встретившись с врачом, я попросил ее как следует проверить мои глаза на различение цветов. Она процедуру провела очень тщательно и заявила, что мне не получить права на вождение автомобиля, ввиду того что я путаю зеленый цвет с красным, особенно в бледном их состоянии. На ее заключение я, заикаясь, печально выговорил: «Мне и не

Книга 2023.indd 188-189 5/3/23 19:33

нужны права на вождение, мне необходимо выяснить, могу ли я заниматься живописью». И вдруг, не спрашивая меня, где я занимаюсь этой живописью, она ответила: «Да в вашем художественном институте все поголовно дальтоники, так что занимайтесь на здоровье».

Я, несколько ободренный ее неожиданным заключением, позже познакомился с несколькими студентами художественного института и стал пропадать в их мастерских. Видя мои работы, они всячески агитировали меня бросить сельхозинститут и поступить к ним на графический факультет. Но если я такое решение и готов был принять, то только после окончания своего, теперь уже лесного факультета. После смерти Сталина необходимость создания лесов в степях и пустынях у правительства отпала, и наш лесомелиоративный факультет преобразовали в лесохозяйственный и восстановили в том его качестве, в каком он существовал после переезда из Польши.

Несмотря на то, что я не бросал заниматься живописью и рисунком, после окончания лесного факультета я не решился поступать в художественный институт. В этом увлечении я был очень требователен к себе и посчитал, что если я не стал знаменитым художником в двадцать два года, то и нечего пытать себя. И второе: я уже устал от военной, послевоенной и студенческой нищеты. Более того, зная себя как богемного человека, появившись в большом городе, я был склонен вести беспорядочную жизнь, увлекаясь всем, что мне было недоступно в селе—театром, кино, выставками, спортом, пивом в подвальных помещениях на улице Сумской. Одним словом, я отказался от затеи стать художником, и, как показала жизнь, не зря.

После этого решения я полностью отдался размышлениям об исследовании лесов страны и из предложенных мест работы выбрал аридные зоны страны. Правда, работая впоследствии в экспедициях, я изредка возвращался к занятиям изобразительным искусством, но не увлекаясь, в силу большой занятости на основной работе. Знания, полученные во время занятий живописью, мне очень пригодились потом при использовании фотографии в таежных исследованиях. А вот умение делать копии живописных работ оказалось полезно уже в институте, на преддипломной практике.

После четвертого курса я проходил преддипломную практику в Черниговской области, в одном из лесничеств Нежинского лесхоза. В мои задачи входило исследование строения и хода роста лиственничных насаждений, выращенных лесничеством. Я квартировал в типичной украинской хате с

глиняными полами, вблизи которой располагалось лесничество, и изредка писал этюды. За этим занятием меня как-то раз застал лесничий и попросил скопировать картину Левитана «Март». Я с удовольствием выполнил мой первый заказ и с еще большим удовольствием получил гонорар за работу в семьдесят рублей, и с этого момента моя полуголодная жизнь на практике превратилась в сытую и интересную. Окружающие бабушки, прослышав о появлении в их селе художника, стали заказывать мне писать иконы и платили за каждую, как мы договаривались, двадцать пять рублей или всякой продовольственной натурой: яйцами, сметаной, хлебом, помидорами и огурцами. По моей просьбе они приносили мне фанерные крышки от посылок, я их грунтовал и в течение дня писал две иконы—одну до обеда и вторую к вечеру. Делал копии с тех икон, которые они приносили, и мои боги получались более живописные, чем на иконах, и бабушки вместе со мной были очень довольны работой.

В нашей группе на втором курсе появился новый студент, Владимир Кирпич, который на год раньше поступил на факультет, но целый год был в академическом отпуске по болезни. Он был на два года старше меня, но, несмотря на это, мы стали закадычными друзьями, два сапога—пара, как нас обзывали однокурсники. Мы оба с ним были авантюристы, романтики, сачки, не чуждались хорошей выпивки, и оба сдавали экзамены по чужим конспектам. Несмотря на различные увлечения—Вовка был кандидатом в мастера спорта по шахматам, а я претендовал на звание художника, наша совместная студенческая жизнь протекала насыщенно и энергично, и мы часто забавлялись различными выдумками по пьянке. И вот как-то раз, будучи на практике, мы учудили одно мероприятие, игру в шахматы в стиле Остапа Бендера, но с более благополучным исходом.

До революции сахарозаводчик и винодел Кениг владел огромной площадью дубовых лесов в местечке Гута в девяноста километрах от Харькова. В своих дубравах он осуществлял оригинальный лесооборот, разработанный лесоводами по его заказу. В степных дубняках проводил сплошную рубку деревьев с последующим их выкорчевыванием, распахивал вырубку и сажал в течение шести лет сахарную свеклу, а затем на ее месте создавал лесные культуры дуба по специальным технологиям, разработанным учеными. Сам сахарозаводчик жил до революции со своей семьей и прислугой в роскошном здании вблизи сахарного завода. Оно было окружено дендропарком площа-

Книга 2023.indd 190-191 5/3/23 19:33

дью в двести гектаров с огромным количеством различных видов древесно-кустарниковых растений. Парк и все жилищно-хозяйственные помещения охранялись чеченцами, живущими в башнях, построенных на углах великолепной ограды. На когда-то принадлежащих Кенигу лесах наш институт весной, когда завод не работал, ежегодно проводил двухнедельную практику по лесным культурам. Студенты на практике жили в общежитии сахарного завода и там же питались в небольшой столовой, которая в это время работала только для нас. Когда мы приехали на учебную практику в конце апреля 1954 года, дендропарк был в полном запустении. На лужайках ходили коровы, овцы, козы, щипали весеннюю траву, воды в бассейнах не было, зеркальные струи давно уже не работали, и видно было по всему, что никаких восстановительных работ там после войны не проводилось.

Но главное, ради чего студентов привозили сюда, это познакомиться с лесными культурами, созданными знаменитым сахарозаводчиком и лесоводом Кенигом. Когда мы увидели эти насаждения дуба, мы были восхищены их великолепным состоянием. Подготовка почвы, посадка саженцев и уход за ними проводились строго согласно технологиям, описанным в учебниках по лесным культурам. И к тому же каждый ряд деревьев дуба с кустарниками, называемыми подгоном, был посажен как будто по натянутым струнам. Мы каждый день ездили изучать эти культуры: копали и описывали почвенные разрезы, измеряли таксационные показатели деревьев и их совокупностей, фотографировали, а к вечеру возвращались в общежитие. Вечера были длинные, скучные. Негде было взять выпить и некуда было податься скрасить время: ни в кино, ни к девкам на какую-нибудь вечеринку. И вот в какой-то лесной деревушке, в районе расположения наших культур, мы зашли в местный клуб посмотреть, чем там занимаются люди. И тут ко мне обратился заведующий клубом с вопросом, нет ли среди нас шахматиста, который мог бы провести игру на нескольких досках с любителями шахмат деревни. Я тут же сообразил, что удача упала прямо в руки и ответил: есть такой, он кандидат в мастера спорта по шахматам, я с ним договорюсь, и проведем это мероприятие вечером в любой день. И добавил, что это для них будет стоить недорого, но для игры надо подобрать не менее десяти желающих сыграть с нашим мастером. Игру хорошо бы организовать в клубе на сцене, чтобы за ней могли наблюдать зрители, сидя в зале. За столами играющих за занавесью должен быть накрыт стол, где мы, организаторы, могли бы обсуждать игру и утолять голод. Заведующий клубом, ни с кем не советуясь, на все дал

добро и через два дня вечером приехал к нам на тарантасе, запряженном лихим конем, и забрал нас играть. Когда я ситуацию обрисовал Вовке, тот сразу согласился. Еще в общежитии, ожидая приезда заказчика, мы обсудили все тонкости игры, и, в частности, я попросил Вовку обязательно проиграть одну-две партии, а три-четыре свести вничью.

Приехали в клуб. Насколько я помню, на сцене уже сидели двенадцать шахматистов, упершись глазами в доски. Мы поднялись на сцену, поздоровались за руку со всеми, представили Вовку Кирпича как выдающегося шахматиста, имеющего звание кандидата в мастера. Себя же я назвал его секундантом. Их секунданты увели нас за занавесь, раздели, налили на четверть стакана самогонки. Мы выпили, закусили салом и солеными огурцами, затем все вместе вышли на сцену и объявили начало турнира. Игра шла как по маслу. Все деревенские шахматисты убедились, что играют с мастером, и с энтузиазмом вели игру. Вовка изредка заглядывал к нам, принимал для

На геодезической практике после первого курса. Я — второй слева.

Книга 2023.indd 192-193 5/3/23 19:33

бодрости положенные теперь уже полстакана для мастера, закусывал пирожками с мясом и галушками со сметаной и возвращался на турнир. Как и договорились, он проиграл две партии и три свел вничью, и все игроки были очень довольны этой встречей. Перед расставанием они просили еще раз приехать — мы не отказывались. Ну а потом, когда все игроки разошлись, мы, оставшиеся секунданты и живой дуэлянт, весело провели время, и часа в два ночи четыре человека от клуба на двух рысаках, запряженных в легкие повозки, с песнями доставили нас в общежитие. Конечно, мы с собой прихватили самогонку и закусь, и на следующий день вечером сидели и весело обсуждали происшедшее событие с одногруппниками. К общему удовольствию состоялись еще две такие встречи в том же клубе со столь же веселым возвращением домой. Ну а лесные культуры мы с Вовкой посещали аккуратно, не подводя руководителя. Он же, когда приезжали за нами экипажи, только просил возвращаться не в дупель пьяными. Вот так я провел с моим закадычным другом практику по лесным культурам, созданным сахарозаводчиком Кенигом в новой Гуте на основе лучшей технологии не только того времени, но и нынешнего.

Кончился второй курс, прошли летние каникулы. На третьем курсе мы с Вовкой Кирпичом стали меньше сачковать, так как начались лекции по специальным предметам. Они были для нас важными и интересными, и я даже включался в споры с самими классиками лесного дела, мало еще понимая что-либо в нем. Нам читали лекции признанные теперь корифеями науки о лесе Сергей Сергеевич Пятницкий (лесовод-селекционер), Дмитрий Васильевич Воробьев (лесной типолог), Василий Георгиевич Аверин (биолог лесных животных), Борис Иванович Гаврилов (таксатор), которые старались глубоко раскрывать содержание своих дисциплин, чтобы мы не разочаровались в них, уже посвятив им свою жизнь. Но, несмотря на усиленное посещение лекций, я продолжал заниматься живописью и начал поглядывать на девчонок. Стараясь избавиться от своей робости, часто после танцев в институте провожал их до общежития или до дома, где они снимали комнаты. Я уже тогда нередко бывал в воровских районах города и, еще не испытав на себе опасность столкновений с местными хулиганами, спокойно ходил там поздно вечером, возвращаясь из художественной студии или после встреч с какими-нибудь студентами, жившими в этих краях на квартирах.

И вот как-то раз после танцев в институте я довел трех девчонок до дома,

где они снимали квартиру. Дом располагался в одном из переулков на спуске от центральной площади Тевелева к бандитскому району Журавлевки. Перед входом во двор стоим, треплемся о том о сем. Минут через двадцать, когда уже собрались разойтись, подходит какой-то парнишка и совершенно нагло лезет к одной девчонке, не обращая на меня никакого внимания. Я резко загородил девчонку от хулигана, и вдруг откуда ни возьмись появились еще двое. Между нами возникла стычка, а потом драка. Девчонки мигом пропали в каком-то подъезде, а парни начали разбираться со мной. Была бы обычная кулачная потасовка, кому-то из них досталось бы и от меня, несмотря на их численное преимущество. Но у одного из них оказался солдатский ремень с крупной пряжкой, которой он несколько раз саданул мне по голове, и я, почти теряя сознание, скрылся в подъезде, вытирая кровь, бегущую с головы. Очухавшись от ударов и держась за голову, я выглянул из подъезда и никого не увидел. С окровавленным лицом, с приложенным к ранам на голове носовым платком, выбираюсь из подъезда и быстро по переулку поднимаюсь на площадь Тевелева. Добежал до поликлиники, которую я когда-то приметил среди домов. Там мне постригли волосы вокруг ран, очистили, покрыли какими-то мазями, забинтовали голову, оставив открытыми лишь рот, нос и глаза, и отпустили, убедившись, что я сам дойду до дома.

Я открыл входную дверь квартиры, пробрался незаметно на свой топчан и тотчас заснул. Утром тетушка увидела мою забинтованную голову, громко заахала и целых две недели, пока мне не сняли бинты, охала и ахала и рассказывала, как надо вести себя в городе. Потом она преследовала меня целый месяц за поздние приходы после одиннадцати вечера, пока ей не надоело переучивать меня, и она плюнула на эту затею.

Вскорости приехала моя сестра Женька поступать в институт, и я перешел в общежитие. В комнате общежития нас жило девять человек из нашей группы. В основном это были украинцы из провинции. Все говорили на чистом русском языке, все были коммуникабельны, и я не видел в них каких-то проявлений национализма и в целом препятствий для нормального общения. Жизнь пошла совершенно самостоятельная с завтраком со сладким кипятком и маленькой французской булочкой. Днем — щи и шницель в столовой юридического института, а вечером — что бог послал, часто пирожки с потрохами за пятьдесят копеек и опять кипяток с сахаром. А когда и этого не было, я появлялся у тети и съедал у нее все, что было на плите, на полках и

Книга 2023.indd 194-195 5/3/23 19:33

на балконе. Отъевшись за сутки, я возвращался в общежитие и только через месяц, когда кончалась стипендия, снова появлялся у тетки.

Учеба по сравнению с предыдущими курсами стала более напряженной. Пришлось выполнять всякого рода курсовые проекты, которые требовали определенных знаний и много времени. Несмотря на учебную нагрузку, я также с Вовкой Кирпичом продолжал вести активную внеинститутскую жизнь, не отказываясь от пития, блуда и не бросая заниматься рисунком. Я был очень робким деревенским парнем, что меня очень напрягало. Чтобы избавиться от этого недуга, я с Вовкой по пьянке провоцировал какие-либо события. Я встречался с девушками, но старался не допускать серьезных отношений, которые помешали бы мне осуществить свою мечту увидеть мир или поступить в художественный институт. Но все-таки как-то раз на меня чуть не набросила удавку одна красавица с бандитской Холодной Горы.

Кроме Вовки Кирпича и Ивана Роменского, моих одногруппников, я изредка проводил время с парнями и девчонками, работающими в одном проектном институте. Мы вместе ходили в кино, а на праздниках собирались в комнате общежития у одного из парней, выпивали и танцевали. И вот как-то раз прихожу к этому парню, Николаю (до сих пор помню его имя), и вижу в его комнате за столом настолько красивую девушку, что я обалдел. Николай брился в душевой, и, судя по всему, они собирались куда-то идти. Кончив бриться, Николай представил мне Наталью, сообщив, что они познакомились вчера на какой-то встрече в институте. Потом он опять вышел, и мы остались вдвоем. Наталья поднимается, подходит к зеркалу, осматривает себя, поправляет прическу, оборачивается ко мне и, подбоченившись, кокетливо закинув голову, спрашивает: «Ну как?»—и снова оборачивается к зеркалу.

Я онемел от ее поворота и не сразу сообразил, что ответить. Возвращается Николай и предлагает втроем идти в кино. Сходили. И с этого общего похода в кино Наталья стала посещать нашу компанию. Я наблюдал за тем, как Николай обхаживает ее, и заметил, что реакции на его внимание никакой. И вот однажды мы, трое парней и Наташа, поехали на железнодорожный вокзал провожать на поезд нашего приятеля. Проводили, стоим на площади вчетвером и весело болтаем о том о сем. И вдруг Николай в качестве шутки вытаскивает из кармана коробку спичек, берет три спички и отламывает от двух головки, зажимает их вместе пальцами левой руки, оставляя снаружи

неповрежденные концы. Повернувшись к нам, не спрашивая согласия Натальи, говорит: «Тот, кому повезет вытащить спичку с головкой, проводит Наталью до дома». Мы все весело восприняли эту игру, но из этого я понял, что Николай еще не завоевал свою новую знакомую и не решается просто взять ее под руку и проводить.

Я моментально сообразил, что у меня есть шанс, и нагло, с некоторой издевкой, заявил: «Наталья, мое деревенское правильное воспитание не позволяет мне участвовать в розыгрыше на спичках, чтобы получить право проводить столь красивую и скромную девушку. Я вас избавлю от наблюдения за этой унизительной процедурой и, если вы не возражаете, с великим удовольствием провожу тебя до твоего дома без всякой игры»,—почему-то перейдя на «ты», закончил я. И не спрашивая разрешения, без всякой робости взял Наташу под руку и повел ее к трамваю, демонстративно не оглядываясь на оставшихся. Поднявшись в трамвай, мы заняли в салоне два свободных места и на нем доехали почти до дома Наташи на Холодной Горе.

После этого начались наши встречи, и мы по воскресеньям шлялись с Наташей по разным привлекательным местам. Всем парням в нашей комнате она очень понравилась своей внешностью и умением достойно поддержать разговор, поэтому они не покидали комнату, пока я собирался с ней гулять.

Осенью 1956 года, где-то в сентябре, я вернулся с преддипломной практики, и началась работа по подготовке дипломного проекта. Весь курс зимой обсуждал только, куда и в какие организации мы можем поехать работать—в лесное хозяйство, лесоустройство или агролеспроект. Все ближе и ближе подходило время защиты дипломов и направления на работу.

С Наташей я продолжал встречаться, и она даже активно участвовала в обсуждении вопроса, куда мне лучше идти работать. Она стала настойчиво советовать самый неприемлемый для меня вариант: «Володя, выбирай место в лесхозе поближе к Харькову, я там тоже буду работать в любой организации экономистом, построим дом и заживем по-человечески большой семьей»,—намекая на детей. О, здесь я и увидел для себя тот аркан, который меня остановит от моих решительных шагов и авантюрных проектов. К этому времени я уже запретил себе думать о поступлении в художественный институт и только мечтал отправиться далеко-далеко в какую-нибудь лесную экспедицию. Такое заявление Натальи, а тем более ее нежелание ехать со мной в дальние края привело к тому, что примерно за три месяца до защиты

Книга 2023.indd 196-197 5/3/23 19:33

диплома я все сделал для того, чтобы она по своей инициативе оставила меня как неперспективного партнера. Освободившись от райской жизни на Украине, я стал с нетерпением ждать своего назначения.

Диплом я защитил с высокой оценкой, и вскоре после защиты наступил самый ответственный день в моей жизни — когда решался вопрос, быть или не быть мне творцом своей судьбы там, куда меня затащит мой авантюризм и диплом, теперь уже не инженера-лесомелиоратора, а инженера лесного хозяйства. У нас на всем курсе не было выпускников с красным дипломом, и меня, как одного из тех, кто прилично закончил институт, комиссия выбрала в числе первых для получения направления на работу. И вот они предложения: Харьков — шесть мест, Симферополь — шесть мест, Минск — четырнадцать мест, Одесса — три места, Ворошиловград — четыре места, Ташкент — пять мест, остальные украинские города по два-три места, и даже в Россию — в Ростов и Воронеж.

Если бы было направление в Сибирь, то, будучи инженером лесного хозяйства, я отправился бы только за Урал заниматься лесоустроительными работами в неизведанных таежных районах. Но, к сожалению, направление туда отсутствовало, и я выбрал Ташкент, первую Среднеазиатскую лесомелиоративную экспедицию, чтобы проводить проектно-изыскательские работы по созданию лесов в пустынях, горах Голодной степи, то есть выполнять работу по специальности, которую я не получил. Лесомелиорация в стране в это время была практически приостановлена, и я уже не мог заниматься ей так, как мечтал. Но тем не менее я выбрал это направление, надеясь, что, проработав положенный срок после института, я сумею перебраться в Сибирь, и, более того, работа в Средней Азии позволит мне познакомиться с решением лесных проблем в аридной зоне страны, что очень важно для начинающего экспедиционного исследователя лесов Сибири и Дальнего Востока.

Декан факультета Сергей Сергеевич Пятницкий спросил с каким-то, как мне показалось, неодобрением в голосе, хорошо ли я подумал, выбрав работу в Туркестане, а не в Крыму. Я ответил, не задумываясь: да! И после этого в институтской многотиражке долго писали обо мне и еще четырех романтиках, отправившихся нести цивилизацию в Среднюю Азию Страны Советов.

После защиты диплома, 1957 год.

Книга 2023.indd 198-199 5/3/23 19:33

Автопортрет во время полевых работ в Голодной степи, 1957 год.

Первые шаги в Голодной степи

Окончив институт, в 1957 году я прибыл в Пономаревку. Мать светилась от радости, что третий ее сын получил высшее образование. К этому времени Шурка уже два года работал геологом в Приморском крае, занимаясь разведкой цветных металлов, а Петр, вернувшись из армии, окончив десятый класс и далее отучившись в высшем морском политическом училище в Киеве, служил уже офицером ПВО на том же Дальнем Востоке. Дома я доложил о своем назначении в Ташкент, в первую Среднеазиатскую агролесомелиоративную экспедицию, и о том, что по направлению Москвы я должен 6 сентября приступить к работе в ней в качестве инженера. До отъезда у меня было более полутора месяцев, и я с удовольствием отдался встречам с друзьями, купанию в Дёме, загоранию на пляжах и, конечно, сенокосу в колхозе.

В Пономаревке я встретил Анатолия Попова, учившегося когда-то в школе на класс ниже меня, но уже окончившего авиационное училище и год как работавшего в ташкентском аэропорту бортмехаником на вертолете. Он был в отпуске и по его окончании 3 сентября должен был быть на работе. Договорились в Ташкент ехать вместе. Время подошло, и 2 сентября мы прибыли в Оренбург. Оба взяли мягкий вагон в одном купе на поезд Москва–Ташкент. Толя позволил себе ехать с комфортом, потому что работал, а я, впервые получив подъемные тысячу сто рублей, что в четыре раза превышало мою месячную стипендию, не мог отказать себе в такой роскоши. Всю дорогу мы пили водку, обильно закусывая домашней снедью, и делились своим весельем с подполковником, ехавшим с нами в одном купе. При этом я ревностно следил за жизнью, меняющейся за окном, стараясь заметить нечто неизвестное для меня, где бы я мог быть полезным. Подъезжая к станции

Книга 2023.indd 200-201 5/3/23 19:33

Сыр-Дарья, я увидел, как один абориген, повязанный грязным платком, в голой степи на ишаке везет огромную связку камышей, и понял, что там, на юге, у меня будет много дел по закреплению движения песков или созданию лесных полос вдоль каналов и зеленых зон вокруг поселений в Голодной степи. Степь, называемая Голодной, как магия завораживала меня и зазывала принять участие в ее освоении вместе с целинниками, о работе которых чуть ли не ежедневно писали в центральной прессе. И я, не стесняясь Анатолия и подполковника, восторженно говорил о своем предназначении выпускника института, пренебрегшего лесами Крыма.

И вот он, Ташкент! «Ташкент — город хлебный» — запомнившееся мне название романа Александра Неверова. Первую ночь с 3 на 4 сентября я ночевал у Анатолия в общежитии аэропорта. На следующую ночь устроился в центре столицы в гостинице «Заревшан» в двухместном номере. Вторую кровать занимал молодой специалист, приехавший из Европы и работавший на какой-то текстильной фабрике. Мы быстро подружились и делились своими впечатлениями о местной жизни.

В ту пору я ходил с большим чубом, в зауженных брюках, в рубашке в крупную клетку, на ногах у меня были дорогие чешские полуботинки на толстой подошве. По тем временам таких, как я, относили к стилягам, но это те, которые, вообще-то, и не видели настоящих стиляг. И когда я первые дни ходил по Ташкенту, в открытые окна пошивочных мастерских и кафе высовывались люди и кричали, созывая своих: «Смотрите, смотрите, к нам приехал стиляга!» На улице тоже останавливались некоторые молодые люди и провожали меня долгим взглядом. И вот наступило 6 сентября. Побрившись и причесавшись, я появляюсь на улице Кафанова, в обычном дворе большого одноэтажного дома, в котором и располагалась первая Среднеазиатская агролесомелиоративная экспедиция. Захожу. В одной из первых комнат сидят женщины со счетами и арифмометрами, что-то пишут и считают — как потом выяснилось, это были бухгалтерия и экономический отдел. Поздоровался, доложил, кто я такой, и спросил начальника экспедиции. Одна из женщин, не отрываясь от работы и не проявляя ко мне никакого интереса, отвечает, что начальник в командировке, за него сейчас главный инженер, и к нему надо пройти через большую камеральную комнату. Я понял по взмаху ее руки, где эта комната, и иду туда. В проходной комнате рабочих столов не менее десяти, за ними сидят три женщины. Вежливо поздоровавшись с

Город Шахризябс — древнее жилище Тамерлана.

Книга 2023.indd 202-203 5/3/23 19:33

ними и не останавливаясь, иду мимо них в кабинет главного инженера. И вдруг слышу за спиной: «Надо же, живой стиляга к нам приехал, неужели на работу?» Дверь к главному инженеру полуоткрыта, захожу, здороваюсь и представляюсь. Главный инженер ответил на мое приветствие, откинулся на стуле и сказал: «Слушаю вас». Я рассказываю всю историю, как я попал в Ташкент и в его кабинет, и подаю ему направление из московского Агролеспроекта, в подчинении которого они работают. Он внимательно прочитал направление, подписанное его начальником, отложил его и скучно посмотрел на меня, а потом произнес: «Так они не знали, что ли, что нет у нас вакансий и мы не просили их направлять к нам выпускников вузов из Европы? У нас,—продолжал он,—такой же сельхозинститут, и в нем есть лесомелиоративный факультет, и мы, если нам нужно, берем выпускников оттуда. В отличие от европейских вузов, нашим студентам читают лесные дисциплины с учетом специфики местных лесорастительных условий, о которых вы могли только слышать, и, конечно, вам не рассказывали, как создавать лесные культуры на орошаемых землях. Вот поэтому мы и воздерживаемся от приема специалистов из Европы». Я внимательно слушал главного инженера, а про себя думал, как же я буду платить за гостиницу, на что буду жить в этом чужом для меня городе и как буду возвращаться назад—не в Харьков, а в Москву—за новым назначением. Ведь я же наивно надеялся, что с сегодняшнего дня, то есть с 6 сентября, буду оформлен на работу, получу какой-то аванс и приступлю к изучению всяких инструкций и, возможно, уже поеду в поле.

Я смотрел на главного инженера и не видел его. Все рухнуло, как говорится, бал окончен, тушите свечи. Конечно, главный заметил, как моя самодовольная розовая краска сходит с лица и заменяется белыми и зелеными оттенками. Я помолчал, а потом только попросил на направлении написать отказ. Главный посмотрел на меня, увидел мою решительность и, улыбаясь, произнес: «Молодой человек, не огорчайтесь, мы вас не оставим в беде. Коль вы приехали в Среднюю Азию, мы вам предложим работу в лесхозах на любой должности и в любом месте в горах, в песках или в орошаемых районах». И не дожидаясь моего ответа, набирает номер телефона Министерства лесного хозяйства и просит соединить его с министром. Поздоровавшись, он рассказал мою историю и попросил его принять нас вдвоем и обсудить мою работу в Узбекистане. Минут через пять из министерства перезвонили и сказали нам прийти через день к одиннадцати часам утра.

Вышел я от главного инженера крайне удрученный. Если бы захотел, я бы мог выбрать любой лесхоз в Харьковской, Полтавской, Ворошиловградской областях, в Крыму и даже в экспедициях в Харькове и Минске, а здесь меня вынуждают работать в каких-то лесхозах Узбекистана, куда бы я никогда не поехал. Я хотел осваивать и исследовать пустыни и считал, что выбрал идеальное для этого место. Весь оставшийся день и следующий я бродил по городу, повсюду слышал возгласы по поводу стиляги, но не обращая на это внимания, с интересом наблюдал окружающую жизнь. Меня поразили контрасты бытия местных людей. На улице, в магазинах, на базаре можно было встретить модно одетых женщин и женщин в темной чадре или даже в паранджe, новые автомобили и спокойно плетущихся ишаков, нагруженных такой большой поклажей, которую не увезешь даже на машине. Во дворе гостиницы постояльцы что-то варили, жарили, парили и громко и энергично разговаривали между собой. Ну а базары поразили мое воображение! Горы дынь и арбузов, виноград огромными кистями, свешивающимися из больших корзин, мешки огурцов и помидоров—все говорило о местном изобилии. Меня привлекали своей молчаливостью опирающиеся на клюки старики, сидящие по вечерам рядком на завалинках саманных домов или глиняных дувалов. Глядя на все это, я неожиданно совершил свое первое открытие: «И зачем я сюда приехал, дурак, нести какую-то цивилизацию, когда видно кругом, что в нашей цивилизации людей севера здесь никто не нуждается?»

Настало утро. Я вовремя появился в конторе экспедиции, и мы с главным инженером отправились в министерство на экспедиционной легковой машине. За рулем сидел узбек, который говорил с главным о каких-то делах на чистом русском языке, что тоже меня удивило. Как только мы появились в приемной, секретарь тотчас приглашает пройти в кабинет министра. Заходим. Из-за стола поднимается среднего возраста то ли узбек, то ли татарин, то ли казах, дружелюбно улыбается, за руку здоровается с главным и со мной и приглашает садиться. Сев за свой стол, он обращается ко мне: «Так в чем ваша проблема, молодой человек?» Я все рассказал, а к моему рассказу главный добавил содержание нашей первой встречи.

—Так в чем же дело?—внимательно выслушав нас, произнес министр.—Это же хорошо, что не надо ехать в экспедицию. Я предлагаю любую должность в лесхозах в Каракалпакии, в Ферганской долине, в горах под Самаркандом, и начнете там создавать леса такие, какие только подскажет вам

Книга 2023.indd 204-205 5/3/23 19:33

ваша фантазия. Чтобы освоить наше узбекское лесное дело, я пока не советую занимать место директора лесхоза, а вот место главного лесничего я вам подыщу,—закончил он, довольный своим монологом.

Главный тоже сидел довольный и даже улыбался. Министр продолжил:

—Ну а теперь я вас прошу подумать, куда вам лучше ехать, поспрашивайте наших людей в кабинетах, а завтра я вас жду с ответом.

Конечно, тон разговора и предложенные места в какой-то мере мне придали оптимизма, и я даже решил расспросить работников министерства о житье-бытье в лесхозах республики.

Главный уехал, сказав, что ждет меня завтра в это же время в конторе, откуда мы вместе поедем к министру с моим решением. Я остался в приемной и попросил секретаря проводить меня к кому-нибудь из специалистов. Она отвела меня в плановый отдел, где как раз сидели сотрудники, очень хорошо знающие всю подноготную лесного дела. Узнав, кто я такой и зачем к ним пришел, они рассказали все, что мне было нужно, чтобы принять решение не ехать ни в какие лесхозы Узбекистана, а вернуться в Европу или Сибирь и не соваться в чужую, даже им еще далеко не понятную жизнь.

На следующий день появившись с главным инженером у министра, я отказался от всех его предложений, сказав, что если бы я знал, что меня здесь примут как приняли, то уже с 6 сентября работал бы в крымских лесах, а не в какой-то Каракалпакии.

—Я ехал к вам проводить проектно-изыскательские работы по созданию лесов не только в Узбекистане, а во всей Средней Азии, где предназначено работать первой Среднеазиатской агромелиоративной экспедиции.

После этих слов я покинул кабинет, не сказав даже «до свидания», пообещав главному инженеру прийти к нему завтра с утра.

Я решил возвращаться в Европу, доехать до Москвы и получить новое назначение. Утром захожу к главному, спокойно здороваюсь и говорю, что отказываюсь от предложения работать в лесхозе и, коль он не может принять меня к себе на работу, пусть пишет на направлении свой отказ. Я еду в Москву за новым назначением.

—Молодой человек,—обратился ко мне главный с нескрываемой усмешкой,—пока вы будете ехать в Москву, мы попросим соответствующие органы направить вас в Узбекистан в Министерство лесного хозяйства на работу в лесхозах, и вам придется вернуться к нам с новым направлением. Вот так, хорошенько подумайте.

Я этого не ожидал, и во мне вдруг проснулся хулиган, очень хорошо знающий уличную манеру общения, за которую меня когда-то отметили на сенокосе женщины. Я не растерялся и сказал, что «я не пальцем деланный и, прежде чем ехать к вам, хорошо изучил свои права, и если не хотите скандала, то вы тоже хорошенько подумаете. Я уеду без вашего отказа, но ваше начальство в Москве получит письмо, в котором я обязательно изложу, как вы над выпускником харьковского института изгалялись, и вам, прежде чем оправдаться перед ним, сначала через суд придется оплатить мои расходы на обитание в вашем хлебном городе и проезд до Москвы». Сказав теперь уже с нескрываемой усмешкой «до свидания», я до следующего утра покинул кабинет. Выхожу. В бухгалтерию открыта дверь, и одна из женщин просит зайти. Обращаясь ко мне уже по имени и отчеству, сообщает, что в своем кабинете сейчас сидит настоящий начальник экспедиции. Он получил распоряжение возглавить трест зеленого строительства в Голодной степи и готовит материалы для передачи новому начальнику, то есть главному инженеру Махонину. Тут у меня в груди все затрепетало от неожиданного падения жар-птицы в мои руки. С разрешения захожу в кабинет начальника экспедиции. Сидит за столом среднего возраста человек татарского облика, копается в бумагах, поднимает голову, улыбаясь, отвечает на мое приветствие и произносит:

—Слышал, слышал о вас и очень сожалею, что вам не находится места в экспедиции. Если бы я не уходил, я, конечно, принял бы вас, но сейчас здесь, как видите, я уже никто.

Я ответил, что еще сильнее сожалею об этом, но пришел по другому поводу:

—Мне сказали, что объединение «Голодностепьстрой» вас назначило управляющим трестом зеленого строительства, и я хотел бы работать у вас в этой новой организации.

—Да вы что, молодой человек,—взволнованно ответил он,—я пока один, и еще бухгалтер, у меня нет ни отдела кадров, ни прорабов, ни рабочих, и куда и к кому я приму вас? При этом, чтобы сделать первые шаги в лесном деле в Голодной степи, мне потребуются опытные лесоводы, хорошо знающие местные условия. Нет! Нет! Нет!—решительно произнес он, откровенно глянув при этом на дверь за моей спиной.

Опять очень серьезный облом. В груди неприятно засаднило, я вышел и сел на свободное место в бухгалтерии, отрешенно глядя в пустоту. Женщины взволнованно смотрели на меня, в глазах вопрос: что случилось? Я посидел

Книга 2023.indd 206-207 5/3/23 19:33

немного, отошел от встречи и рассказал о приеме их бывшего начальника, обозвав его «азиатским мудаком». Женщины оторопели от такого мягкого комплимента их вчерашнему начальнику, и одна, самая старшая из них, попросила меня успокоиться и выслушать ее.

—Не обращайте внимания на эту встречу, завтра рано утром подъезжайте к текстильному комбинату,—она назвала улицу и остановку автобуса,—садитесь в автобус, идущий по новому маршруту Ташкент–Янгиер, и выходите на конечной остановке. Идите в единственное там кирпичное двухэтажное здание, расположенное в будущем центре, и поднимайтесь на второй этаж. В приемной объясните секретарю, кто вы такой, и попросите провести вас к Саркисову Акопу Абрамовичу, знаменитому строителю Узбекистана. И будьте уверены, вы будете приняты на работу к этому самому начальнику треста, которому вы преподнесли такой понятный комплимент. Ну а когда вернетесь в город за своими шмотками, оставленными в «Заревшане», загляните к нам, и мы обмоем ваше назначение. А сейчас мы вас приглашаем отпить немного узбекского чая, к которому вы скоро привыкнете.

Распрощавшись с ними, я доехал до аэропорта, нашел своего земляка, и мы обсудили все, что произошло со мной за все эти дни, и мои планы. Толя улыбнулся и произнес:

—Да пошли их всех на . . . , возвращайся домой, погуляй, а потом дуй в Сибирь, куда я давно хочу поехать работать. Что тут хорошего в пустыне—пустота она и есть пустота. Втроем летим на вертолете, час летим—никого, второй час—никого, и вдруг видим двух-трех басмачей, бредущих на конях через барханы, а потом опять никого, и только когда подлетаешь к какому-нибудь Ташаузу на окраине Кара-Кумов, видишь верблюдов и юрты, где какая-то жизнь все-таки еще идет. Тоже мне лесник. Нашел совершенно бесплодную пустоту и старается загрузить ее чахлым саксаулом, который и без тебя там хорошо растет.—И добавил:—Если не повезет, я одолжу тебе денег, и дуй домой на Южный Урал, в нашу лесостепь, и создавай свои леса у нас дома.

Раздавили бутылку, а наутро я добрался до автобусной станции. Взял билет и пошел садиться. Смотрю, в очереди на посадку стоит начальник треста зеленого строительства, куда я намеревался попасть на работу. Увидев меня, он, не поздоровавшись, спросил:

—И вы едете в Янгиер? Зачем?

Я только и ответил:

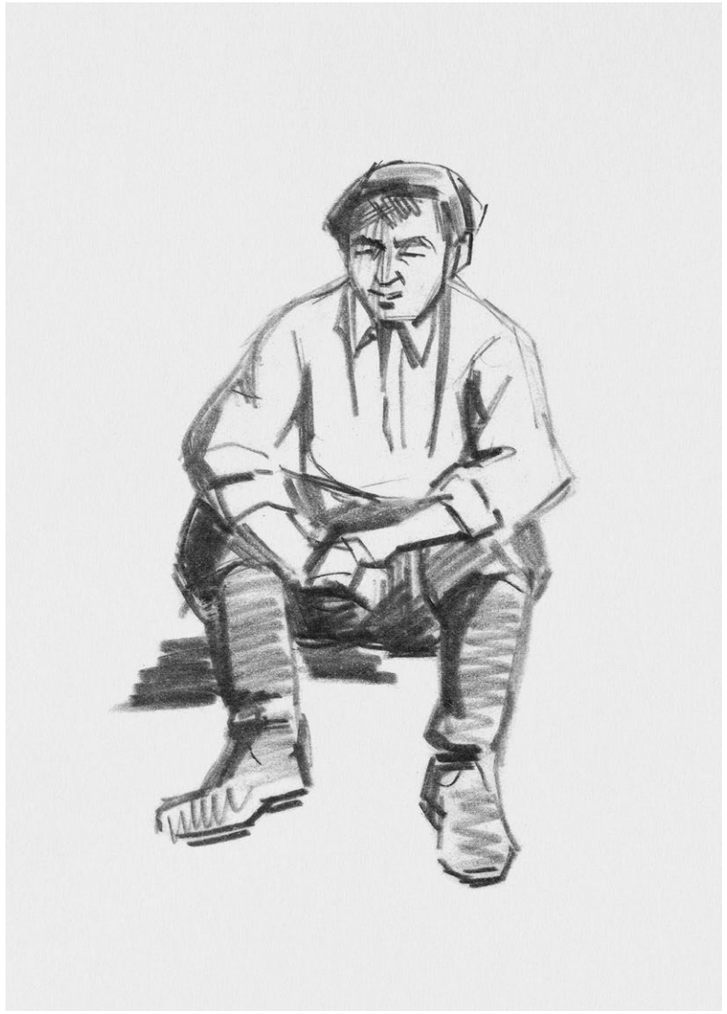
—А у меня другого выхода нет.—Поднялся в автобус и занял место подальше от своего будущего начальника, в чем я почему-то не сомневался.

В автобусе практически все места были заняты, но я все-таки успел сесть рядом с окном. По дороге в Голодную степь, известную мне еще из школьной географии, я думал: и какой же черт несет меня в эти бесплодные места? Я еще не знал, что собой представляют узбеки, но те спецы, к которым я приехал, удивили меня своим безразличием к прибывшему к ним работать, бесчувственностью и отсутствием всякой жалости к человеку, очутившемуся в этой стране в какой-то мере и по их вине. Вот, например, сидящий там впереди, также у окна, возможно, будущий начальник, у него не возникло даже какого-либо интереса ко мне—откуда и где учился, почему избрал Среднюю Азию, что собираюсь в ней делать и так далее. И я начал кое-что понимать: что руководящие должности в Стране Советов обычно занимают черствые люди, занятые только собой, аккуратно и строго исполняющие должностные обязанности. Приехали в райцентр Мирзачуль, где вышло много народу. Покинув неухоженный клозет, я пошлялся по небольшому базарчику, где местные узбеки усиленно зазывали купить арбузы невиданных мной доселе огромных размеров.

Отправились далее. До Янгиера оставалось километров пятьдесят. И вот она, Голодная степь, уходящая до горизонта, покрытая верблюжьей колючкой и перерезанная новыми каналами и валами, прилегающими к ним. Проехав еще некоторое время, автобус вошел в облако пыли, поднимаемое работающими экскаваторами, большими грузовыми автомобилями, тащившими всякий груз, а потом в этом облаке появились бараки, кое-как сколоченные дома и очень приличные коттеджи с верандами. И среди этих строений я увидел одинокое двухэтажное здание, около которого скопилась масса легковых автомобилей. Выхожу из автобуса. Мой начальник треста появляется за мной, и я спрашиваю у него без всякого стеснения, как пройти к конторе. Он неохотно сказал, что до нее можно дойти за толпой людей, идущей по пыльной дороге в город, после чего быстро пошел в сторону конторы. Я, не торопясь, пошел следом за ним.

Добравшись до конторы, я решил прежде всего зайти в отдел кадров, который увидел на первом этаже. Захожу. В маленькой комнате сидит не узбек, не русский, не татарин, а казах, которых я научился отличать от остальных на

Книга 2023.indd 208-209 5/3/23 19:33



Абориген Голодной степи.

*В ожидании чая укрыться негде. Невыноси-
мая жара от белого солнца на белом небе.*

Книга 2023.indd 210-211 5/3/23 19:33

базаре. Поздоровавшись и стоя, потому что не было приглашения садиться, я объяснил, зачем приехал. И он примерно теми же словами, которыми говорил со мной начальник треста, сказал, что трест только создан, еще не разработана структура его подразделений, нет отдела кадров, а потом заявил: когда дадут указание, мы прежде всего будем принимать опытных лесоводов, работающих в Средней Азии. И вот опять отлуп. Я вышел на улицу и, несмотря на ужасную жару, закурил «Звездочку» в тени здания, думая, что делать дальше.

А что делать? Поднимаюсь на второй этаж, нахожу приемную знаменитого строителя, захожу и вижу: в большой комнате, уставленной столами с пишущими машинками, сидит молодой, лет тридцати, человек и что-то печатает. Он обернулся ко мне, ответил на приветствие и выжидающе посмотрел на меня. Я рассказал, зачем пришел, и спросил, может ли меня принять руководитель объединения. Молодой человек любезно ответил: «Напишите вот на этом листе бумаги, о чем вы хотите с ним говорить, и он решит, принимать ли вас или отправить к кому-то другому решать ваши вопросы».

Я сел за пустой стол и стал писать. Пока писал, секретарь куда-то вышел, и я тоже следом за ним вышел покурить. Потянувшись в карман за папиросами, вспомнил, что забыл одолжить денег у Анатолия. Пошарив во всех карманах, я обнаружил всего два рубля, которых мне хватит на одну пачку «Звездочки» за рубль двадцать пять копеек, и на остаток я, конечно, не доеду до Ташкента. Растерявшись от своего открытия, я поднялся в приемную. Смотрю, молодого человека нет, а за другим столом сидит очаровательная девушка, похожая на армянку. Я подошел к столу, где лежала моя записка, и попросил девушку прочесть ее и отнести руководителю. Пробежав глазами записку, она буквально озарила меня своим взглядом и, только спросив: «Да вы что, действительно из самого Харькова и к нам на работу?», нырнула в кабинет начальника. Через пять минут возвратилась с сияющими глазами и, улыбаясь, сообщила: «Смотрите, подписано заместителю по кадрам — разобраться и оформить!» — и показала под словами подпись Саркисова.

Она сообщила, что заместитель сидит на первом этаже, я иду вниз, нахожу кабинет, захожу и вижу очень респектабельного крупного мужика, сидящего свободно в кресле вне стола и что-то обсуждающего с посетителями. Я понял, что это и есть заместитель. Подаю записку, он быстро пробежал ее и, широко улыбаясь, громко произнес: «Как вас не принимают к нам, еще од-

ного целинника в новый трест, да еще, видимо, комсомольца?» И вдруг, остановившись, спросил: «Вы же комсомолец?» Ну что я мог ответить, конечно, я был комсомольцем. Тут он обращается к одному из сидящих: «Передайте начальнику треста зеленого строительства, что надо срочно оформить молодого человека на должность с выдачей трех окладов подъемных, и сегодня чтобы он был оформлен на проживание в коттеджах для инженерного корпуса. К вечеру мне доложите, все ли он сделал по моей просьбе». Обратившись ко мне, сказал: «Заходите ко мне в любое время для решения всяких технических и бытовых проблем. Все. До свидания, до встречи».

Коленки дрожали от таких неожиданных решений, и я вышел во двор покурить, восторгаясь беседой с этим строителем. Стою, курю. И вдруг подходит сам начальник треста, отказавший мне в работе, с бланком карточки личного дела и просит, не откладывая, заполнить. Я ему ответил, что, к сожалению, не могу заполнить. Сегодня я вернусь в Ташкент, выпишусь из гостиницы и приеду в понедельник уже с чемоданом и тогда же заполню. Он теперь уже приветливо ответил «добро», и мы расстались до понедельника. Продолжаю курить. Подходит молодой человек и объясняет мне, где получить все необходимое для жизни в коттедже, и сообщает, что после этого специальная хозяйственная машина отвезет меня к месту моей новой жизни. Я ему тоже ответил, что оставляю все до понедельника, когда вернусь из Ташкента.

Ну а теперь, совершенно успокоившись и приобретя достойный вид, я поднимаюсь к Оле (той очаровательной девушке в приемной) с докладом обо всем, содеянном ей. Рассказываю, а сам думаю, как бы прилично занять у нее денег на проезд в Ташкент. И вдруг она громко провозглашает: «Какой Ташкент? Я вас никуда не отпущу, сегодня мой день рождения, на нем будут все инженеры, сидящие в отделах на этом же этаже, выпускники различных институтов» — и, взяв меня за руку, ведет знакомиться с ними. И действительно, заходим в одну, в другую комнату, и везде — геодезисты, гидротехники, почвоведы, геологи, строители, и она меня знакомит с ними, представляет новым целинником, который будет создавать леса по берегам каналов и зеленую зону вокруг Янгиера. И вот воистину все совершается как в той поговорке «из огня да в полымя», но еще неизвестно, с каким исходом. Оля распорядилась забрать меня в коттедж, в котором жили все эти инженеры. Через полчаса работа закончилась, и мы поехали в один из коттеджей, стоявший среди десятка других.

Книга 2023.indd 212-213 5/3/23 19:33

В восемь часов вечера все собрались в одной из гостевых комнат другого коттеджа, и мы до восхода солнца отмечали день рождения моей спасительницы в Голодной степи 1957 года. Проведя вечер в этой компании, я понял, что попал к своим людям—отчаянным романтикам, прибывшим осваивать Голодную степь из Москвы, Самары, Оренбурга, Ташкента и теперь еще из Харькова. Пили за рожденную, за меня, за всех и даже за молодых греков, которые с отцами эмигрировали во время войны из Греции. Тогда мне было трудно оценить происшедшее, но это событие в моей жизни я до сих пор помню до мелочей. К утру все расстались, и как-то само собой получилось, что мы пошли с Олей встречать солнце в степь. Над степью, покрытой верблюжьей колючкой, на горизонте, затянутом поволокой пыли, еще не осевшей с вечера, поднимался оранжевый диск солнца такого размера, какой я видел впервые. Насладившись общением и видом восходящего солнца, мы вернулись к коттеджам, в одном из которых жила Оля. Конечно, мне было неудобно обращаться, но в то же время я уже почти освоился и все-таки занял деньги у Оли и этим же утром отправился в Ташкент. Я не обещал приехать. Это было само собой разумеющимся, поскольку все гулявшие на дне рождения меня уже считали своим, а я считал себя уже на работе.

И вот я в Ташкенте. Оплачиваю гостиницу до конца понедельника и, усталый и очень довольный собой, отсыпаюсь два дня. На кровати вижу большой пакет с бутылкой коньяка и пачкой конфет и записку от соседа: «Держись! Я прошел нечто подобное и уверен—у тебя будет успех».

И по этой записке, и по встрече в Янгиере я понял: и в дикой пустыне живут великолепные люди, без которых мир существовать не может даже в Голодной степи.

Рано утром, к началу рабочего дня иду в экспедицию. Вхожу уверенным шагом в контору и тут же сталкиваюсь с бухгалтером. Она с улыбкой здоровается и, даже не спрашивая меня, как я съездил, сообщает, что главный инженер, а теперь начальник экспедиции, сидящий пока на старом месте, просил зайти. При этом не сказала, какая новость меня ожидает, ее я узнал уже от начальника.

Захожу, здороваюсь, начальник подходит ко мне, здоровается в ответ, спрашивает, как я съездил, я отвечаю, что великолепно, и он скучным деловым голосом сообщает:

—Владимир Николаевич Седых, моим приказом вы зачислены на работу

с шестого сентября, пятнадцать дней прогула не по вашей вине будут вам оплачены, а теперь решайте для себя, где вам работать.

Радостно улыбаясь и забыв про все, я ответил:

—Коли я уже на работе, я не буду увольняться до тех пор, пока не получу деньги за прогул, а когда я их получу, то останусь в экспедиции, куда я и был направлен.

Начальник, также улыбаясь, ответил:

—Ну а теперь получите деньги и готовьтесь на полевые в Янгиер выполнять работы по заказу треста зеленого строительства. Поедете с одним из инженеров, который завтра прибудет из Бухары. Поздравляю вас с началом вашей деятельности, а что было не так, уж меня, старика, простите, все остальное вам скажет главный инженер, который также появится завтра.—И, забыв про меня, сел за стол разбирать новые бумаги.

Через неделю я вернулся в Янгиер уже от лица первой Среднеазиатской агролесомелиоративной экспедиции и приступил с коллегой к работам по созданию лесозащитных лесных полос вдоль каналов в совхозе имени Булганина и зеленой зоны вокруг города. Никто из тех, с кем я встречал день рождения Оли, и она сама не обиделись на меня за отказ быть целинником в Голодной степи, и все радовались тому, что я стал по сути им же, но только в другой роли. Кстати сказать, с этими же целинниками я обмывал 4 октября 1957 года запуск в космос Страной Советов первого спутника Земли.

Мы жили в новом коттедже в одном из отделений совхоза с инженером и водителем мотоцикла «Урал» и активно выполняли изыскания по заказу треста зеленого строительства объединения «Голодностепьстрой». Руководитель треста был очень доволен, что ему не пришлось оформлять меня первым инженером, и радовался, что с этим инженером будет выполнять первую очень ответственную работу, порученную главой объединения. Он всячески содействовал нам в нашей деятельности, а в зимнее время ревностно следил за выполнением разделов проекта, часто вызывая нас в Янгиер на обсуждение различных решений. Его сильно интересовала сметная часть проекта, от которой зависело финансирование работ по созданию лесов. И я в связи с этим превратился в его глазах из изгоя в очень важную персону, с которой надо было постоянно считаться при проведении проектно-изыскательских работ.

Через него я многому научился в изысканиях и проектировании средне-

Книга 2023.indd 214-215 5/3/23 19:33

Вся жизнь узбеков проходит за дувалами—стенами из глины.

азиатских объектов, чего раньше, конечно, не знал. Проект по созданию лесных насаждений в совхозе я закончил раньше всех в экспедиции и защитил его на отлично. Изыскательские работы по созданию зеленой зоны вокруг Янгиера продолжались и в следующем году, но в них я уже не участвовал. И теперь, по прошествии шестидесяти лет, мне было бы интересно узнать, созданы ли лесозащитные полосы вдоль каналов в совхозе имени Булганина и зеленая зона из лесных насаждений вокруг города Янгиер, и если они существуют, то я бы стал гордиться собой как одним из многочисленных целинников того времени, совершивших первые созидательные шаги в освоении Голодной степи.

Наступила мерзкая зима, ветреная, мокрая, с отдельными снежными днями. Я всю зиму скитался по дешевым квартирам, поселяясь у обездоленных войной хозяек, не надеясь получить какое-либо жилье от экспедиции. Там была давно установившаяся очередь, и мне, холостяку, в ней было не пробиться. Я с нетерпением ждал весны, начала полевых работ, когда придется ночевать на раскладушках в палатках, или на верандах брошенных мечетей, или в редких гостиницах богатых колхозов и совхозов. Я был включен в состав проектно-изыскательской партии по созданию сортоиспытательных объектов для проведения интродукции лесных пород и фруктовых растений в различных районах Узбекистана и Туркмении. В нашей партии, численностью десять-двенадцать человек, были лесоводы, гидрологи, почвоведы, геодезисты, водитель ГАЗ-51, повариха и начальник партии. Команда вместе с начальником была высокопрофессиональная, и мне предоставлялась хорошая возможность учиться жить в коллективе людей различных профессий, выполняющих одну целевую работу. За лето мы провели изыскания объектов практически во всех областях Узбекистана—под Самаркандом, Шахризябсом, Карши, Ургенчем, Чарджоу, Нукусом, Термезом, в Туркмении—под Ашхабадом, Ташаузом, Байрам-Али. Шла обыденная работа без каких-либо приключений, но все-таки запомнилось три события, происшедших со мной.

Объекты наших изыскательских работ были площадью от сорока до шестидесяти гектаров, и мы обычно их заканчивали за пятнадцать-двадцать дней. После сдачи работ заказчику директора совхозов или колхозов, как правило, устраивали прощальный обед в знак благодарности нам за наши изыскания. И вот как-то после работ под Шахризябсом, родиной Тамерлана, колхоз устроил обед днем на берегу ручья, вблизи полуразрушенной крепо-

Книга 2023.indd 216-217 5/3/23 19:33

сти рядом с хирманом. В переводе на русский это культстан, здесь колхозники отдыхали, готовили пищу, хранили полевой инструмент.

На берегу ручья был расстелен большой ковер, на котором в изобилии было все от мяса до различных фруктов, стояла «Столичная», а рядом коптил большой самовар. Нас было в тот момент человек десять. Мы расселись на этом ковре, полуразвалясь на подложенных узких подушках. И началось веселье. Три колхозника меняли еду, посуду, принося ее с кухни. Встреча была просто великолепной, от лица Шахризябса присутствовали третий секретарь райкома, председатель колхоза и их агроном. И я постоянно обращал внимание на поле, где выращивали хлопок, практически на краю которого мы веселились. Колхозники неподалеку от нас что-то пололи, поправляли воду в арыках, не обращая на нас никакого внимания. И я думал о том, что это совершенно иная страна, со своими обычаями, порой даже жестокими, что довелось мне наблюдать этим летом, и вряд ли советской власти удастся что-то в этом краю переделать на свой лад.

Когда я увидел в том же самом Шахризябсе женщин бухарских евреев в черных накидках и с завязанным по самые глаза платком, а в Ташкенте уже привык встречать женщин в парандже, когда наблюдал, как в одном колхозе председатель, будучи на коне, несколько раз хлестанул за что-то колхозника плеткой, а также когда мне стало известно, что самые богатые люди в Средней Азии — землеустроители и работники водного хозяйства, я перестал удивляться и задавать местным людям лишние вопросы, накапливая в себе груз отрицательных впечатлений об этой стране. Наблюдая местную жизнь, общаясь с людьми, я постепенно понял их образ жизни, исторически сложившийся в экстремальных условиях юга, и это меня не особенно трогало. Меня больше всего тревожил климат и вместе с ним всякая живая зараза, обитающая в горах. Спасаться от жары я еще как-то научился, поглощая в течение дня невероятное количество горячего чая, а вот как вести себя при встрече с ползучими тварями — змеями, скорпионами, фалангами, каракуртами, этому я так и не научился за два сезона полевых работ в Средней Азии. Наслушавшись всяких страстей о последствиях их укусов, я по совету коллег стал стелить на свою раскладушку овечью кошму, якобы оберегающую спящего от посещения ползучих гадов. Правда это или нет — не знаю, не все верили в силу такого средства, но я как боязливый европеец его использовал, а под кошму клал свою обувь.

И вот как-то переночевав на веранде старой заброшенной мечети, я встал рано утром, надел ботинки и пошел к ручью умываться. Вытираясь, иду обратно. Подхожу к раскладушке и вижу раздавленного мной скорпиона. Испуганный увиденным, после этого я стал засыпать, каждый раз вздрагивая при мысли о возможной встрече с этими гадами, укусы которых могут быть смертельны. Страх особенно подогревался воспоминаниями о фаланге, молниеносно убегавшей от нас, когда мы гонялись за ней во дворе одного жилого дома в Голодной степи. После этих фантазий я засыпал, и мне снились зеленые луга, леса и степи с безобидной гадюкой, осами, шмелями, пчелами.

Следующее событие, особенно поучительное, случилось в Туркмении, где мы работали под Ташаузом, на границе с барханами пустыни Кара-Кум. Работа шла согласно отработанному ежедневному режиму и выполнялась более-менее успешно. Я даже познакомился с сотрудниками научной станции, расположенной среди барханов в одном километре от нас. Я задавал им много вопросов, пытаясь извлечь какие-то сведения, полезные для нашей работы. Увидев такой интерес к их деятельности, они приглашали перейти к ним заниматься наукой. Но я в то время был очень зеленый — еще не созрел для исследований — и, конечно, отказался. Но я узнал кое-что интересное для нас, в частности о том, что некоторые сведения, которые мы должны были собрать, о характере роста каких-то местных лесных пород можно было получить из публикаций. Я сказал об этом начальнику партии, и он предложил эти данные не собирать, а попросил меня только записать, в каких публикациях содержится нужная нам информация. Я так и сделал и эту часть работы прекратил выполнять. А надо сказать, что в поле я порой некстати проявлял свой задиристый характер и нередко критически оценивал дела начальника партии и даже отмечал какие-то промахи в его работе. Он меня часто одергивал и останавливал достаточно вежливо, чтобы я не лез куда не надо.

И вот настает день завершения наших работ на этом объекте и переезда в древний город Байрам-Али. Он располагался далеко на юге Туркмении, куда мы должны были ехать все вместе на машине, преодолевая часть дороги через Кара-Кумы. Мы жили в коттедже за городом, который нам предоставил начальник сортоиспытательного участка. Здесь же, метрах в ста, находилась древняя полуразвалившаяся крепостица, полная змей и скорпионов. Начальник партии собрал нас в гостиной и попросил каждого исполнителя рассказать о сделанной работе. Доложил гидролог, почвовед, геодезист, и тут

Книга 2023.indd 218-219 5/3/23 19:33

очередь дошла до меня. Я рассказываю и при этом упоминаю, что с разрешения начальника партии я не сделал такую-то работу. Он слушал, слушал, а потом при всех заявил: достанем ли мы эту информацию, которую обещали передать нам работники станции по приезде нас в Ташкент, или нет, но лучше было бы собрать ее сейчас. «Как сейчас?»—промямлил я. «А очень просто,—ответил начальник,—мы завтра уезжаем в Байрам-Али, а вам, Владимир Николаевич, следует остаться и доделать свою работу». Я буквально обомлел, а вместе со мной и все остальные сотрудники, но начальник партии не изменил своего решения. Только добавил, что после этого мне надо добраться от Ташауза до Чарджоу попутной машиной или автобусом, если они ходят отсюда, потом на поезде доехать до станции Мары и оттуда также на попутке или автобусом добраться до Байрам-Али, где я найду партию по этому адресу, и протянул мне лист бумаги с уже написанным адресом. Тут я понял, что он изначально собирался меня оставить, наверное, в качестве наказания за задиристость.

Партия утром уехала. Мне ничего не оставалось делать, как ходить на объект и доделывать то, что я не сделал. Через день приезжает начальник сортоиспытательного участка. Увидев меня, очень удивляется и спрашивает, почему я все еще здесь. Я рассказываю, как все произошло. Улыбаясь, он мне говорит: «Владимир Николаевич, запомни раз и навсегда, против ветра ссать нельзя, только сам замочишься!» «Да,—протянул я досадливо,—я забыл эту одну из главных русских поговорок». И с тех пор я уяснил навсегда: прежде чем вступать с кем-то в перепалку, определи, с какой стороны дует ветер и свое место в данный момент для проведения одной из самых ответственных акций.

Через неделю я закончил свою работу. Переночевав на вокзале в Чарджоу в гостинице—старом николаевском вагоне, густо наполненном клопами, я сел в общий вагон поезда Москва–Ашхабад, доехал до станции Мары, а оттуда на попутной машине до Байрам-Али. Все, включая начальника партии, встретили меня радостно и закатили ужин из плова и «Столичной» в честь моего приезда. И поздно вечером я спокойно заснул на своей раскладушке на кошме и крепко дрых под вой шакалов, обитающих в развалинах древнего города, когда-то захваченного Александром Македонским.

Закончив работу в Байрам-Али и в ауле Безмеин под Ашхабадом, мы вернулись в Ташкент. Я надеялся, что после полевых мне предоставят хотя

бы дня три-четыре, чтобы отдохнуть и найти новую квартиру для жилья, но не тут-то было. Дав всего два дня на сдачу всякого полевого материала, меня с несколькими холостыми сотрудниками отправляют в один из совхозов на сбор хлопка. Я было возмутился, объясняя по молодости, что я не крепостной, на что руководители спокойно посоветовали мне не умничать и не напрашиваться на скандал, а лучше спокойно выполнить распоряжения партии. Ну что же, я все понял. Весь ноябрь и декабрь я отработал на хлопке: живя с коллегами в глиняной избушке в каком-то кишлаке, мы каждый день ходили в поле собирать курак (несозревший хлопок). К Новому году мы вернулись. Хлопок убил во мне всякое желание работать в Средней Азии и выветрил из меня все романтические мечты о создании лесов в пустыне, и я решил оставить родину Омара Хайяма. Познав местную азиатскую жизнь не понаслышке, а в глубине пустынь, степей, гор и на хлопковых полях и подумав хорошо о перспективах своей работы и жизни, я понял, что не готов нести европейскую цивилизацию в эти края, народ которых в ней и не нуждается. Он жил своим укладом, формировавшимся веками, и учить его чему-то нашему нет смысла.

Вернувшись со сбора хлопка, я подал заявление на увольнение. Начальник партии, главный инженер и начальник экспедиции уговаривали меня остаться, но я настаивал на своем. Начальник партии на прощанье попросил, чтобы я не держал зла на него, и заверил, что, если в Европе мне будет плохо, он все сделает, чтобы снова оформить меня на работу и прописать в Ташкенте.

Зашел перед отъездом к Анатолию Попову, мы выпили бутылку, а наутро я уже сидел в мягком вагоне свободным и никому ничем не обязанным, радуясь, что безболезненно оставил Среднюю Азию. И решил я податься за Урал исследовать неизведанную тайгу Сибири, куда я давно стремился.

Книга 2023.indd 220-221 5/3/23 19:33

Возвратившись на Большую Землю, после 4–6 месяцев полевых работ, таксаторы-холостяки часто собирались в ресторане «Центральный», где я обещал друзьям, что если не пропаду в тайге, то женюсь только в 30 лет.

Женитьба. Семейная жизнь

Я долго избегал наступления одного события, заведомо зная, что если оно возникнет, то не только сильно осложнит мою экспедиционную жизнь, но даже перечеркнет ее. Женщины не чурались меня, а отдельные из них, увлекшись мной, готовы были набросить на меня ошейник и привязать к дому. Но я каждый раз своевременно разгадывал их затею и начинал совершать поступки, противные их замыслу. Это вызывало в них желание самим избавиться от меня к своему удовольствию и моей радости от того, что я вновь обрел свободу.

Где-то в октябре 1962 года закончился полевой сезон. Получив расчет за очередной отпуск, я отправился домой, в Пономаревку Оренбургской области, навестить мать и поваляться на теплой русской печи во время осенней мокрой погоды. Моя сестра Женя, учившаяся в это время в строительном институте в Новосибирске, со своей какой-то неизвестной мне подругой была на практике в городе Сатка на Урале. По дороге на практику они заезжали к нашей родне в Челябинск и там провели несколько дней. Зная, что при возвращении в Новосибирск я обязательно заеду к родственникам, тете Анне, двоюродным сестрам и двоюродному брату, Женька прислала матери для меня письмо. Мать, не раскрывая, передала его мне, а в нем не было никакой информации о проходящей практике, но содержалась просьба: «Володя, будешь в Челябинске у тети Анны, оставь для нас что-нибудь очень вкусное и бутылку хорошего крымского вина». Она и ее подруга—студентки, а мне, работающему в экспедиции, выполнить их каприз было совершенно не трудно.

Мать с нетерпением ждала, когда я прочту записку сестры, и тотчас спросила: «Что там Женька пишет, хорошо ли идет практика и как дела у нашей городской родни?» Улыбнувшись, я ответил, что на практике она с какой-то

Книга 2023.indd 222-223 5/3/23 19:33

подругой по институту и что в Челябинске все живы и здоровы. Она обернулась на икону, произнесла «Слава тебе, Господи» и перекрестилась. Я, конечно, не стал говорить о просьбе ее дочери, которую она совершенно не поняла бы и ворчливо произнесла: «Ишь ты, возгря, еще маленькая и несмышленая, че захотела. Давай я ей с подругой напеку чиненков с сухой земляникой, приготовлю банку оренбургского меда, а ты и отвезешь им. Ишь ты, че захотела, вина! . . . »

Побыв у матери недели три, я отправился в Новосибирск и перед отъездом все-таки попросил мать напечь чиненков и приготовить мед и отвез эти гостинцы тете Анне и ее дочерям, к которым заехал по пути и провел у них несколько дней. Все родственники были рады моему приезду. Практически не спрашивая меня о моей жизни, они по всякому поводу говорили о Женьке и более всего о ее подруге. Сначала я этому не придал значения, а потом из их разговоров понял, что Женька представила им свою подругу как «Вовкину невесту», чему все, конечно, поверили. А Женька была девкой с юмором, и, видимо, решила таким образом потешить себя и свою подругу и весело провести время у родственников. Они же, встретив меня у себя в гостях, рассказывали много хорошего о моей неизвестной мне невесте. Я не стал оправдываться, чтобы их не разочаровать, и спросил тетю Анну: «Ну как собой моя невеста?» На что тетя, очень пожилая и плохо видящая женщина, уверенно ответила: «Вовка, девка у тебя шибко хорошая, будет твоей женой—всяко жалей ее». А я ей: «Тетя Анна, а как ты могла ее разглядеть-то своими глазами?» А она, улыбнувшись, ответила: «Эх, Вовка, Вовка, так ты не знаешь, что ли, что я любого отличу по голосу—хороший он человек или плохой, а уж твою невесту и подавно, да и Наталья с Нюркой все время говорят о ней». Да, Женька своим развязным юмором сильно настроила родню на мою скорую женитьбу, и мне ничего не оставалось, как принять неожиданное известие о моей будущей жене.

Оставив этим веселым артисткам в Сатке гостинцы у тети Анны, я уехал в Новосибирск. Через полмесяца, когда они вернулись с практики, я Женьку только спросил, как звать мою невесту и кто она такая. Сестра ответила, что невесту зовут Ляля, и с шутками рассказала, как к ней стали относиться наши челябинцы, узнав, что она городская девочка, дочь эвакуированных ленинградцев, очень хорошо учится и что она одна из близких Жениных подруг.

В Новосибирске начались обычные будни. К 8:30 надо было ежедневно

ходить на работу и обрабатывать полевые материалы. В это время многие из нашей партии находились в отпуске и еще не было никакого трепа в курилке о прошедшем поле. И вот в конце ноября из дома отдыха вернулись Виктор Баев и Владимир Герасимов и в первый же день, когда из комнаты все вышли, приплелись ко мне.

—Чтой-то вы в первый день на работе и сразу ко мне! Не терпится рассказать, как вы водку пили в доме отдыха. Я и так по вам вижу, что вы вели себя скромно, коль на работу вернулись вовремя. Хотя я ни в каких домах отдыха не бывал, кроме вытрезвителя, мне и неинтересно ваше трезвое безделье там,—ухмыльнулся я.

—Кончай долго говорить,—прервал меня Герасимов,—слушай лучше сюда. К концу нашего пребывания в этом доме вдруг на танцах появилась деваха—высокая, с копной волос, общительная, и, увидев ее, мы с Виктором обомлели. Ты же знаешь, мы парни видные и притом в тот вечер случайно были трезвые, и поэтому нам удалось без проблем познакомиться с ней. Оказалось, что ее звать Полиной, учится в строительном институте и, что нас особенно потрясло, несколько дней назад вернулась с производственной практики, на которой была с твоей сестрой. После этого мы не расставались с ней и все время проводили втроем.

Такая неожиданная встреча, конечно, удивила меня, но особого значения я ей также не придал. Встреча как встреча, в жизни всякое бывает. Женька знала об их времяпрепровождении втроем в доме отдыха, но ни разу об этом не упомянула, видимо, не ожидая от меня какого-то интереса к ее подруге после челябинского визита.

Морозные декабрьские дни катились своим чередом. Полевики, заполнившие комнаты двухэтажного деревянного здания, как единая машина, обрабатывали полевые материалы, что сопровождалось дребезжащим треском, исходящим от арифмометров «Феликс» и старинных счетов. Результаты их работ будут воспроизведены весной следующего года в виде карт лесов различного масштаба и проектов освоения лесных ресурсов таежных территорий, впервые нами обследованных. И в это время только в курилках могли судачить о таежных событиях в прошедшем поле и тем самым отвести душу, что и составляло единственную радость для таксатора во время камералки. Кстати сказать, о женщинах почему-то не говорили, видимо, насытившись ими дома.

Книга 2023.indd 224-225 5/3/23 19:33

И вот наступило 27 декабря. День рождения моей сестры Жени, на который я собрался взять своих друзей. Наверняка в ее комнате в общежитии соберутся симпатичные девушки, и все мы, холостяки, проведем этот вечер, как в студенческие времена. Часов в шесть я, Виктор Баев, Владимир Герасимов и Леонид Рубенок появились в общежитии. Знакомая девушка, ожидавшая нас, оформив проходное разрешение, пригласила нас подняться на третий этаж. Заходим в комнату. За длинным столом, покрытым белой простыней, сидели в ряд пять девушек — некоторых из них мы знали по прошлому году. Мы поставили на стол свое угощение и стали по очереди приветствовать девчонок, продвигаясь к окну. И вдруг сидящая у окна девушка поднимается, протягивает мне руку и сообщает: «Ляля». Меня как обожгло. Немного отойдя от замешательства, я произнес: «Так это вы и есть моя невеста? Высокая, как каланча, с рассыпанной копной рыжих волос и зелеными глазами. Да, не ожидал!» Осознав, что понес околесицу, которую слушают внимательно и остальные девчонки, я замолчал, извинился: «Мадам, не берите в голову, я известный нахал и позволил себе сказать кое-что лишнее, но у вас будет сегодня время отомстить мне» — и, улыбаясь, сел напротив.

А Ляля даже не смутилась и приняла этот несуразный комплимент. Вечер начался весело, со множеством поздравлений моей сестре, а ближе к одиннадцати часам вахтер напомнил всем, что пора расходиться. В течение вечера выяснилось, что Ляля живет в центре, недалеко от Колыванской улицы, где было и мое жилище на подселении с тремя хозяевами. Я предложил моей невесте поехать со мной и моим другом Герасимовым на такси, которое развезет нас всех по домам. Подошло такси и поехали, как задумали. Но по дороге, весело общаясь, решили заехать на вокзал, добыть пару бутылок шампанского и раздавить их на Колыванской улице в моих апартаментах. Ляля с удовольствием поддержала эту затею. Затоварившись на вокзале двумя бутылками пития и закусью, мы прибыли ко мне домой.

Комнату я приобрел недавно, и в ней, кроме раскладушки и пары стульев, ничего не было. Я поставил два стула у окна рядом с батареей, на один из них усадил гостью, на второй положил сыр и конфеты, рядом с этим импровизированным столом поставил бутылки и принесенные с кухни граненые стаканы, а сам с Герасимовым уселся на раскладушке и начал банковать. Открыл конфеты, нарезал сыр с хлебом и раздал гостям стаканы, чтобы разлить шампанское аккуратно, не пролив ни капли. Начал открывать одну из бутылок, но скрученная проволока так заржавела, что я даже не мог раскрутить ее пальцами. Это вызвало во мне сильную досаду, потому что мне не удалось продемонстрировать свое умение изящно открывать шампанское без звука. Уже со злости, не обращая внимания на пристальные взгляды гостей, я беру бутылку за середину и ударяю горлышком о край батареи. Горлышко, как срезанное ниже проволоки, отлетает, и вот оно, шампанское вырвалось наружу облаком белой пены, окутавшей нас, но я успел все-таки разлить его остатки по стаканам. Полина резко отпрянула и воскликнула: «Ну и лихач, так неожиданно и быстро решить сложную задачу!» (Впоследствии я понял это ее выражение «решить задачу». Она, начиная с диплома, всю жизнь, как специалист высшего класса, решала задачи расчета устойчивости мостов и различных промышленных сооружений к воздействию на них природных и техногенных нагрузок.)

Мы немедленно выпили шампанское с большим удовольствием. Началась непринужденная, веселая беседа, и продолжалась она часа полтора. Вторую бутылку я открыл этим же приемом, и это удачное открывание стало некоторым примечательным эпизодом моего знакомства с Полиной, о чем она в дальнейшем нередко вспоминала. Около часа ночи мы расстались. Полину мы на такси доставили до ее дома на Октябрьской. Герасимов уехал к себе на Школьную улицу Дзержинского района, а я вернулся домой пешком под впечатлением от встречи.

После этого вечера я долго не виделся с моей невестой. В конце января я улетел в зимнюю экспедицию и вернулся в Новосибирск только в начале апреля. Изредка я вспоминал о Полине, но никаких попыток встретиться не предпринимал. И вдруг совершенно неожиданно моя сестра просит настроить у меня в комнате фотоувеличитель, на котором она с Лялей могла бы напечатать фотографии с их практики.

Первое, что я купил, это большую чертежную доску. Устроил ее на раскладушке, поставил на нее фотоувеличитель, который у меня был, купил фотобумагу, развел проявитель и закрепитель, а потом показал девчонкам, как обращаться с этим хозяйством. Я мог бы и сам напечатать, но они не просили меня об этом, видимо, не желая показывать мне все события их жизни в Садке. А я, хорошо понимая это, не стал навязываться, и они все сделали самостоятельно. Я даже не интересовался качеством их работы. У меня были свои дела в городе по приезде с поля, и они полностью занимали меня.

Книга 2023.indd 226-227 5/3/23 19:33

И вот как-то раз, освободившись от каких-то дел и проходя мимо оперного театра, я вдруг подумал, а не пригласить ли мне подругу сестры, Лялю, в театр. Мне почему-то захотелось услышать ее рассуждения о правильной жизни, которую я, как бывший деревенский житель, ныне проводящий все время в экспедициях, и не знал. Она была комсомолкой, отличницей, ее учили после института французскому языку, чтобы послать во франкоязычные страны Африки строить социализм, и все ее занятия вызывали во мне сильное любопытство. Это и заставило меня познакомиться с ней поближе, чтобы заполнить с ее помощью пробелы в моем образовании. Я почему-то пригласил Полину в большой концертный зал оперного театра на спектакль московского чтеца, уже не помню какого. Меня всегда привлекала талантливая декламация произведений классиков, и этим приглашением я хотел продемонстрировать городской девчонке свои интересы. Хотя билеты я взял заранее, слава богу, мне достались места в одном из задних рядов, что убедило меня в том, что на сцене мы увидим и услышим незаурядного артиста.

Пришли. Выпив в буфете по маленькой рюмочке коньяка «Юмолок», уселись на свои места. Чтение отрывков началось с произведений А.С. Пушкина, в частности «Евгения Онегина», а потом сменилось на что-то из М.Ю. Лермонтова, и я начал изредка всхрапывать. Мне стало просто скучно от выступления этого артиста, и я не мог воспринять то, что доходило до меня со сцены. Полина начала подталкивать меня, чтобы я не заснул. Я на ухо шепнул ей, что это обыкновенная халтура, с чем она согласилась, и мы покинули зал, не дожидаясь перерыва. Ясно, Полина была расстроена нашим походом в театр, и, чтобы сгладить свою вину и утешить ее, я впервые настоял на том, чтобы зайти поужинать в ресторан «Центральный», мимо которого мы проходили. Там, конечно, не засыпая, мы с удовольствием беседовали о жизни каждого из нас и пообещали друг другу изредка звонить по какому-либо поводу, интересному для нас обоих.

После нашего неудачного и в то же время удачного свидания я улетел в сейсмическую экспедицию, редко вспоминая о нашем походе в театр и в ресторан. Отработав зиму геодезистом в сейсмике, я перешел в гравиметрическую экспедицию и весь полевой сезон с геофизиками занимался гравиметрической съемкой Кузнецкого Алатау. В течение лета я несколько раз бывал в Новосибирске и в эти поездки встречался с Полиной. Чаще всего мы ходили в ресторан «Центральный» и вели бесконечные разговоры обо всем, что

Моя зеленоглазая будущая невеста Ляля (слева) и сестра Женя, ее подруга по Новосибирскому строительному институту, 1963 год.

Книга 2023.indd 228-229 5/3/23 19:33

приходило в голову. За этими беседами появилось желание встречаться чаще, и как-то раз Полина даже пригласила меня домой поужинать и познакомить со своими родителями. Я категорически отказался от этого приглашения, объяснив ей: родители подумают, что я твой жених, а ты моя невеста, а пока таковыми ни тебя, ни себя я не считаю. Я человек экспедиционный, и мало ли что может случиться со мной, а потому мне бы хотелось, чтобы ты себя считала свободной и не беспокоилась обо мне в этом новом качестве. Тем не менее, пока я работал в Кузнецком Алатау, у нас началась какая-то переписка с описанием отдельных положительных событий.

Глубокой осенью наша партия закончила гравиметрическую съемку всего Кузнецкого Алатау, и в ноябре я вернулся с поля. Побыв с полмесяца в Новосибирске, отправился заниматься гравикой на север Омской области. Встретившись только раз с Полиной, я опять расстался с ней, ничего не добавив к тому, что писал в письмах.

Работали мы в лесах на севере области. Работа была не простой. Приходилось жить зимой в палатках и даже остерегаться встреч с медведями-шатунами. И все-таки медведь одного из нас подрал, но, слава богу, топограф остался жив, а потом выздоровел и проработал в экспедиции до пенсии. Меня же в эту зиму чуть было не придавил гусеничный транспорт, только ангел-хранитель спас меня, и в апреле я вернулся с полевых жив и невредим. Конечно, чтобы не пугать Полину, я скупо рассказывал об этих событиях, давая ей спокойно закончить институт, не думая обо мне. Я продолжал вести себя с ней сдержанно, не увлекая ее своими приключениями.

В геофизике я проработал три полевых сезона топографом, и начальство начало толкать меня наверх, чтобы я взялся руководить партией. Но было уже поздно. Я разочаровался в работе геофизических экспедиций, в которых было задействовано много народу и техники, и стал скучать по лесоустройству. Таксатор с тремя-четырьмя бичами и таборщицей полгода в тайге сам себе хозяин, и все его успехи зависят от него и его бичей — вот этой таежной жизни мне стало не хватать.

В мае я поступил в Западно-Сибирское аэрофотолесоустроительное предприятие и улетел на объект в верховье северной Сосьвы. В октябре вернулся в Новосибирск работать в камералке. Кое-что заработав там, я расплатился с долгами. Стал приобретать мебель в комнату, и первое, что купил, это шикарный раздвижной стол и четыре стула. Мне уже стукнуло двадцать

девять лет, и я невольно начал задумываться о женитьбе. С друзьями мы часто сидели в ресторане «Центральный», в котором около стола хозяйки большого зала нам всегда держали столик. В этом заведении мы в течение недели бывали два-три раза, и официантки нас за это уважали. С Полиной я встречался нечасто, зная, что она усиленно занимается французским. Я ценил ее время и все же изредка звонил ей часов в десять вечера из ресторана и предлагал подышать свежим воздухом и побеседовать о том о сем. Она принимала приглашение, и мы еще до полдвенадцатого гуляли в центре. Самое интересное, Полина меня не упрекала за такие поздние свидания, а мне было интересно встречаться как раз в это время.

Перед уходом я говорил друзьям, что мне скоро тридцать лет и пора заводить семейный очаг. Друзья, ухмыляясь, спрашивали: «А что, нашел, с кем сидеть у очага?» На что я отвечал: «Есть здесь одна комсомолочка, которая идет сейчас ко мне на свидание, и я должен встретить ее у фонтана, заваленного снегом». То, что на это свидание идет Ляля, или Полина, я им не говорил и даже не упоминал о том, что с ней встречаюсь.

Как-то я опять попытался пригласить ее в театр на балет, но снова обмишулился. Взяв билеты, я попросил ее, не стесняясь, прийти ко мне домой, сославшись на какую-то свою занятость. Я уже был готов идти в театр и решил немного отдохнуть. Я был в шикарном костюме, в белой рубашке с галстуком и в модных полуботинках. Чтобы ничего не измять, я лег на раскладушку строго на спину и закрыл себя сверху газетой «Правда». Я хотел только подремать, но заснул, и заснул, видимо, крепко. Проснулся где-то через час, быстро поднялся и решил, что Ляля не приходила. Посмотрел на часы, понял, что спектакль уже начался и уже нет нужды суетиться. Вслух себе с досадой сказал: «Так и надо тебя учить, потому что если хочешь понравиться девушке, то надо идти на свидание, а не валяться в постели». Обругав себя, я вышел на кухню. Сосед сообщил мне, что моя девушка приходила, увидела меня спящим и, улыбнувшись, ушла, сказав соседу не будить меня.

Этот эпизод не повлиял на наши отношения, но Полина, когда это было к делу, всегда напоминала мне о двух наших походах в театр. Я в таких случаях не оправдывался и вместе с ней издевался над этим театралом. После неудавшегося похода в театр мы стали чаще встречаться у того же фонтана, и вот в один из вечеров я остановился и, глядя в зеленые глаза Полины, произнес: «Полина, я думаю, что мы оба устали от редких встреч за два с по-

Книга 2023.indd 230-231 5/3/23 19:33

ловиной года, и наступила пора решать. Предлагаю выйти за меня замуж». Но при этом добавил: «Хорошо подумай о том, что в моей жизни одним из главных всегда будет работа в экспедициях, и, прежде чем сказать “да” или “нет”, реши, будешь ли ты за или против».

Полина, не думая, тут же ответила: «Работа в экспедициях—это твоя работа, и продолжай ее делать, я за». И после этого мы считали себя обрученными и уже вели себя как все нормальные люди, посещая любые мероприятия вдвоем.

Теперь вопрос встал о свадьбе, но прежде всего надо было идти за благословением к родителям Полины. Я до поры до времени откладывал знакомство с ними, но теперь оно должно было непременно состояться, а после этого уже предстояло решать все остальные вопросы. Я попросил Полину договориться с родителями, когда они примут меня вместе с ней, и я отвечу на все их вопросы, и, надеюсь, они благословят нас на это священное событие.

И вот я у них, в той квартире, в которой живу сейчас. Они вчетвером занимали две комнаты, а в третьей, самой большой, жил их сосед с семьей. Виталий Степанович, мой будущий тесть, и моя будущая теща Фаина Борисовна ждали нас, и, как только я разделся в общем коридоре, Виталий Степанович пригласил меня к себе в комнату, где он спал, усадил за большой старинный стол, и началась наша беседа. Правда, скорее это была не беседа, а допрос с пристрастием: кто я такой, откуда, чем занимаюсь,—чтобы получить полную информацию обо мне и оценить, достоин ли я их дочери. Я, естественно, ожидал эти вопросы и спокойно на них отвечал. Далее начались вопросы, касающиеся экспедиционной интимной жизни не только моей, но и других полевиков, на что я несколько раздраженно, хоть и мягко ответил, что это не относится к делу, ради которого мы встретились. Наконец Виталий Степанович прекратил расспросы и приступил к рассуждениям о том, что у геологов, геодезистов, моряков, летчиков, которые постоянно находятся вне дома, обычно семьи не получается, и, судя по моей работе, моя семейная жизнь с его дочерью также не состоится. Я незаметно глянул на часы и обнаружил, что наше благословление длится уже более двух часов, а потому после долгого молчания произнес:

—Виталий Степанович, я понял из ваших рассуждений, что вы против нашего брака, и наступила пора нам расходиться.

Виталий Степанович остановил свой монолог, посмотрел мне прямо в глаза и сказал твердо:

—Да, я против.

Я так же внимательно посмотрел в его глаза, поднялся и произнес:

—Виталий Степанович, спасибо за беседу, но я с вами не прощаюсь, а только говорю «до свидания». Все вопросы, которые мы могли бы решить с вами, я решу с вашей дочерью, о чем вы узнаете на днях.—И вышел.

В другой комнате за столом сидела Полина со своей мамой, которые, глянув на мое суровое лицо, поняли, что беседа окончилась без ожидаемого результата. Фаина Борисовна засуетилась с чаем, но я ее остановил:

—Чай мы попьем дома. Полина, ты уже достаточно взрослая и решай сама. Пойдем к себе домой, а там все образуется.

Полина поднялась, мы молча вышли с ней в коридор, я галантно помог ей одеться, и мы тотчас покинули гнездо, где она родилась и жила двадцать четыре года с именем Ляля.

Через несколько дней мы приняли решение провести свадьбу 27 марта и начали к ней готовиться. Полина передала своим родителям наше приглашение, а также мой комментарий о том, что расходы по свадьбе я беру на себя и никакой помощи по ее организации с их стороны не потребуется. Кстати сказать, в ту пору у меня наличных при себе не было, и пришлось занять на это важное мероприятие триста пятьдесят рублей. У соседей по квартире я попросил столы и стулья, и мы, человек двадцать пять, разместились в комнате в четырнадцать квадратных метров и загуляли после того, как новоиспеченные муж и жена пришли из ЗАГСа.

В подготовке свадьбы участвовала и моя теща Фаина Борисовна. Виталий Степанович, так и не дав добро на брак, улетел в какую-то командировку. Меня его поступок никак не расстроил. Я понимал его, но был уверен: все образуется со временем. С высоты моего нынешнего возраста не исключаю, что я поступил бы так же. Полина росла в типичной городской семье ленинградского происхождения, и ее отец, естественно, ожидал, что она выйдет замуж за инженера из подобной же среды, а тут неожиданно все оказалось не так. Какой-то таксатор, и даже не геолог, с непонятной работой в диких лесах Сибири, пропадающий в них до шести месяцев в году, приглашающий его дочь на свидания поздно вечером после посиделок с друзьями в ресторане, выросший без отца где-то в дикой заволжской степи, осмелился просить благословение на брак. Вряд ли бы и меня такой человек убедил, что он создаст счастливую семью. Я даже не огорчился и ни от кого не скрывал причину отсутствия отца моей жены на свадьбе.

Книга 2023.indd 232-233 5/3/23 19:33

Ляля Жежко, ставшая
Полиной Витальевной Седых.

Свадьба прошла. Начались обычные семейные будни и познание друг друга с тем, чтобы установить гармонию в начавшейся жизни. И вдруг через несколько дней нашего совместного существования моя жена подсаживается ко мне на диван, который мы уже купили, кладет мне руку на плечо и мило говорит:

—Володя, не печалься, деньги, которые ты занял на свадьбу, за год совместно отработаем, и будет все хорошо.

Я положил ее руку на свое колено, прикрыл ее другой и, улыбаясь, ответил:

—Полина, помимо этих денег я должен еще семьсот рублей. Не волнуйся, я оставлю тебе доверенность на получение моих летних зарплат в нашей бухгалтерии, и ты вернешь тысячу пятьдесят рублей людям, которых я обозначу в списке.

Полина раскрыла рот, но ей ничего не оставалось, как улыбнуться и сказать:

—Конечно, конечно, я все постараюсь сделать вовремя.

И вот когда она начала получать мою зарплату, которую привозила домой в бюстгальтере, она впервые узнала, кто такой таксатор и чем он отличается от городского инженера. А буквально через полмесяца я познакомил мою городскую жену с таежными рабочими-бичами, с которыми проводил полевые работы. В апреле уже началась подготовка экспедиции к выезду в тайгу. В середине месяца прибыли ко мне два моих коренных рабочих, с которыми я уже несколько лет проводил поле. Для них было большой новостью, что я женился, и вдруг в первый же день их приезда у меня возникла мысль пригласить их в гости. Пусть моя молодая жена увидит тех, с кем я по полгода работаю и возвращаюсь из тайги целым и невредимым.

Вечером после работы я сообщил Полине, что в Новосибирск прибыли двое моих коллег—знаменитых исследователей тайги, которые собираются в этом году, как и в прошлые годы, проработать со мной полевой сезон на севере.

—Если ты не возражаешь, давай пригласим их в гости,—предложил я.

Полина, не размышляя, тут же дала свое согласие, но только спросила, как и когда мы их примем и чем будем угощать. Я ответил, что желательно их принять в субботу после обеда, и при этом серьезно добавил, что они знатные таежники, что многому из жизни в дикой тайге я учусь у них, и было бы хорошо, чтобы стол был сервирован по высшему разряду: чтобы на белой

Книга 2023.indd 234-235 5/3/23 19:33

накрахмаленной скатерти стояли хрустальные рюмки, фужеры из чешского стекла (к тому времени все это мы уже приобрели), ну а закусь, само собой, как в лучшем ресторане.

Через два дня наступила суббота. На столе было уже все, что мы задумали. Среди сияющей посуды возвышалась бутылка «Столичной», пятизвездочный коньяк, сухое крымское вино и минеральная вода. Молодая жена в сервировке и приготовлении закуски проявила все свои способности, и мы стали ждать гостей. И вот стук во входную дверь. Открываю. Перед дверью стоит Васька Рак, человек небольшого роста, с пронзительными черными глазами, и рядом с ним Яшка Красненков с веснушками и копной рыжих волос. Оба в кирзовых сапогах, в новых противоэнцефалитных костюмах и белых рубашках. Обоюдно разулыбавшись, мы проходим в конец коридора. Сапоги я им запретил снимать. Заходим в комнату. Лялька, что-то делавшая на столе, разгибается и долго смотрит на гостей, видимо, ничего не понимая и предполагая, что появился кто-то иной, совершенно непрошенный, а не те самые коллеги, о которых говорил муж. Васька и Яшка тоже остолбенели и смотрели на хозяйку и на стол, не раскрывая рта. Дав обеим сторонам безмолвно познакомиться, я громко произнес:

—Наконец-то, вот они, таежники, с которыми я уже несколько лет мантулю в тайге. Жена, принимай! А вы, парни, не стесняйтесь, проходите, занимайте места, какие вам понравятся, а мы с Полиной примем вас как дорогих гостей.

Полина, придя в себя, стала улыбаться и рассаживать их за столом. И мы все, выпив по рюмке «Столичной», начали обмывать нашу встречу, трепаться о прошедших годах в тайге и строить планы проведения нового полевого сезона. Встреча завершилась поздно вечером. До отъезда в поле они нередко заходили к нам, и всякий раз Полина их угощала всякой едой, от которой они не отказывались. Она за эти встречи узнала, кто такие коренные рабочие-бичи, об их роли в выполнении работ и охране ее мужа. Как я понял, они стали даже друзьями с Полиной. Она потом часто меня спрашивала о них, интересовалась их здоровьем и успехами в тайге.

Как-то раз, когда мы в экспедиции подсчитывали наши расходы в конце месяца, они оба вдруг заметили, что в их расходах надо учесть десять рублей, занятых у Полины. «Ну и ловкачи вы у меня!—улыбнувшись, заметил я.—Ишь ты, как ловко воспользовались моментом!»

А Яшка в ответ:

—Ну, Николаич, прости. Проиграли в карты на вокзале, и надо было срочно отдавать аж десять рублей, а сознаться вам в этом было как-то неудобно, вот и пришлось побеспокоить вашу жену. Пожалуйста, передайте еще раз ей спасибо от нас с Васей, она очень сильно выручила нас тогда.

Примерно через месяц после свадьбы я улетел с этими парнями в северную тайгу Западной Сибири заниматься нашими экспедиционными делами. Полевой сезон прошел успешно, без ЧП, и в конце сентября я вернулся домой. За время поля Полина рассчиталась с моими холостяцкими и семейными долгами, и мы зажили обыкновенной жизнью, радуясь общению. В конце ноября родилась дочь Юля, и начались сплошные заботы о новом члене семьи. Я взял на себя обязанность каждый вечер купать дочь, стирать пеленки и пытался, как мог, чему-то ее учить. А как-то раз одним уроком я даже кое-чего достиг в этом тяжелом деле, так что моя молодая неопытная жена высоко оценила полученный результат.

Где-то в апреле, когда Юльке было уже четыре месяца, она почему-то стала просыпаться по ночам, плакать и просить есть. Ну а вместе с ней не спали и мы, всю ночь пытаясь ее успокоить. Успеха не было. И тогда я твердо сказал жене на весь день уйти из дома, а я займусь воспитанием нашей плаксы. Она сильно встревожилась и спросила, как я буду ее воспитывать. Я ответил:

—Не беспокойся, будет все в порядке. Когда вернешься, Юлька будет вести себя как шелковая.

Как только Полина ушла, я разбудил Юльку и больше ей не давал засыпать. Соседка, услышав плач и визг ребенка и узнав, в чем дело, начала бегать по коридору, обзывать меня извергом и ругать всякими площадными словами. Ну что же, мне пришлось вежливо попросить ее не приближаться к двери нашей комнаты и замолчать до вечера, пока я занимаюсь уроком. При этом отметил, что если она не поймет мою просьбу, то мне придется запереть ее в ее же комнате. Где-то в шесть часов Полина вернулась с прогулки, и я, передав ей еще бодрую Юльку, сказал:

—А теперь как следует покорми ее, и она заснет до утра, а когда проснется, будет вести себя как надо, что я и обещал тебе утром.

И действительно, после того урока ночами она спала, а днем веселилась и плакала только тогда, когда у нее отбирали игрушку перед коротким дневным сном.

Книга 2023.indd 236-237 5/3/23 19:33

За это время у меня наладились отношения с тестем Виталием Степановичем. В 1967 году, когда их сосед освободил большую комнату, мы въехали в нее втроем. Мы получили ее с женой путем обмена моей комнаты на эту, чему, конечно, посодействовал дед Юльки. С этого времени мы зажили с родителями жены под одной крышей, питаясь за одним столом. Тесть и теща активно включились в нашу жизнь, а полуторагодовалая Юлька не слезала с колен деда, и они вместе проводили все вечернее время за его столом. С трех до шести лет в зимнее время я водил Юльку в детский сад, расположенный в пятнадцати минутах ходьбы от нас. По дороге я рассказывал ей истории о приключениях маленького олененка в тайге, придуманные мной по пути. За три зимы я много чего рассказал об этом северном скитальце, о его встречах с волками, медведями, рысями, лисами и другими жителями тайги. Юльку это так увлекало, что она постоянно требовала все новых историй. Я даже не мог повторить, что говорил вчера, потому что она тотчас прерывала меня и напоминала, что я уже об этом рассказывал. Ничего не оставалось делать, как срочно придумывать что-то новое из жизни таежного путешественника, оставшегося без матери.

Шли годы. В нашей жизни все наладилось, и практически не возникало никаких серьезных раздоров. Но все-таки как-то раз произошел забавный случай с намеком на развод. Юлька была еще маленькой, где-то трех лет. Дедушка и бабушка баловали ее всякими гостинцами, что мне, как отцу с экспедиционной гордыней, сильно не нравилось. Я часто препятствовал этому, из-за чего Полина металась между нами, пытаясь создать и удержать какой-то лад в наших отношений. По прошествии некоторого времени я с досадой заявил, что ухожу, и ушел. Я был тогда сильно голодным и, перейдя через Красный проспект, зашел в известную пельменную. Там я заказал три порции пельменей, съел их одним махом и начал остывать. Пока я пил какой-то противный чай, заказывая его чашку за чашкой, я отошел совершенно. Салфеткой вытер сопли и, назвав себя дураком, вышел на проспект, думая о происшедшем. Бабушка и дедушка все делают для моей дочери, чтобы ей и нам было хорошо. Тем более я улетаю в экспедицию почти на полгода, и Полина, моя жена и мать Юльки, благодаря родителям, имеет возможность, так же как я, заниматься своей интересной и очень ответственной работой. Я вспомнил обет, который когда-то дал себе: никогда не расставайся с женщиной, ушедшей с тобой без согласия отца.

Полина встретила меня в коридоре с улыбкой, как будто ничего не произошло, вернулась на кухню, включила плиту и сказала: «Через полчаса будет ужин, мой руки». И после того похода в пельменную я спокойно воспринимал деда, когда он, куря самокрутку с махоркой и попивая самодельное вино из смородины, с Юлькой на коленях рисовал какие-то чертежи и прочитывал внучке подписи под картинками в детских книжках, изданных в Англии. Он, как инженер-инструментальщик, проходил стажировку в этой стране, а в Новосибирске после эвакуации из Ленинграда работал на высоких должностях на инструментальном заводе.

Виталий Степанович был очень своеобразным человеком. В нем пульсировала кровь украинца, поляка, цыгана, русского, и в его поведении невольно проявились свойства этих национальностей. Он был настоящим профессионалом в своем деле, что позволяло ему свободно входить в кабинеты управленцев города и области. Будучи искренним коммунистом, он грамотно и основательно отстаивал достижения большевиков, удерживающие мир от войны, и успехи в индустриализации страны. В тридцатые годы он был лишен членства в партии и заключен в тюрьму, пока НКВД вело следствие по поводу его поведения в Англии. Не обнаружив ничего предосудительного в его действиях, чекисты освободили Виталия Степановича, и он был восстановлен в партии.

И естественно, человек с такими свойствами характера и историей жизни не мог дать благословение на брак своей дочери с человеком непонятной и опасной профессии, ведущим себя, с его точки зрения, развязно, руководствуясь своими таежными привычками. Несмотря на его отказ, его первая, самая любимая дочь без его согласия ушла с этим просителем руки и, видимо, носителем не менее ценных качеств, чем ее отец. Впоследствии живя с тестем под одной крышей и питаясь из одного котла, как говорят таежники, я увидел в нем много черт, которыми обладал сам, и со временем мы стали не друзьями, но людьми, уважающими друг друга за какие-то понятные только им одинаковые свойства характера.

Мой тесть оказался очень простым и доступным человеком. Он был готов беседовать на любую тему, и особенно о дореволюционной жизни, и никогда не отказывался посидеть с моими друзьями, когда Полина и я организовывали застолье в нашей комнате. Когда это случалось, я приглашал его в нашу компанию, и он с удовольствием общался с нами. Выпив одну-две рюмки

Книга 2023.indd 238-239 5/3/23 19:33

водки и закусив, он начинал рассказывать анекдоты про евреев, с которыми жил по соседству в юности в городе Ковеле на западе Украины. Рассказав очередной анекдот, Виталий Степанович закручивал махорку в козью ножку и уходил курить в свою комнату.

Ложился спать он не позже десяти часов вечера, спал, как англичанин, в любую погоду при открытой форточке и вставал очень рано. Готовил что-то сам себе на завтрак и уезжал автобусом на левый берег Оби в свой проектный институт. Когда он прочитал мою книгу о кедровых лесах, написанную на основе кандидатской диссертации, он сказал не мне, а дочери: «Написано очень доказательно, ясно, и даже я понял все, что изложено твоим мужем». После этого мы стали почти родными, и, когда он встречался со своими друзьями по какому-либо поводу, всегда приглашал меня в компанию. Последнее время, будучи на пенсии, он руководил конструкторским отделом в институте, занимаясь разработкой всяких инструментов по заказу машиностроительных заводов. И самое интересное, когда я спрашивал свою жену, что заставило ее выйти за меня замуж, бросив институтских ухажеров, Полина, не задумываясь, отвечала: «Потому что ты более всех был похож на моего отца, которого я очень любила». Конечно, такой ответ для меня был высшей похвалой, этим я дорожил всегда. И впоследствии мы часто с Полиной вспоминали «развод», учиненный мной из-за тестя Виталия Степановича Жежко, и с удовольствием потешались над автором этого акта.

В 1971 году родилась вторая дочь Настасья, названная так в честь моей бабушки. Для удобства общения с ребенком Полина начала называть ее Асей, и это имя стало обычным в кругу близких людей. Кстати, когда дочь подросла, ей не нравилось имя Настасья, но когда стали к ней обращаться Настасья Владимировна, она была очень рада, что мы назвали ее именно так, поскольку, по ее мнению, это более благозвучно, чем Анастасия.

Я был в экспедиции, и мне не довелось купать ее и стирать пеленки. С этим уже справлялась моя опытная жена с помощью тещи. Но когда она подросла, я водил ее зимой в тот же детский сад, куда когда-то ходила Юлька, и так же, как Юльке, каждый день в течение пятнадцати минут рассказывал про приключения олененка в тайге. Она также останавливала меня, когда я начинал рассказывать вчерашнюю историю, и мне ничего не оставалось делать, как придумывать на ходу что-то новое. Я уже ничего не помнил из того, что шесть лет назад рассказывал Юльке, и для Настасьи, конечно, скитания олененка придумывал заново.

В жаркие дни Полина, Юлька и Ася обитали в прохладной погребке, а я под навесом в огороде.

Книга 2023.indd 240-241 5/3/23 19:33

Полина в зарослях цветов у матери за огородом.

Вечером при заходе солнца они сидят на лавочке перед домом и гутарят о житье-бытье—Юлька, бабушка, Аська.

Книга 2023.indd 242-243 5/3/23 19:33

После выполненной работы Юлька и Аська в хорошую погоду ходят купаться в реке Деме.

Книга 2023.indd 246-247 5/3/23 19:33

И сейчас, сидя за столом и описывая отдельные эпизоды семейной жизни, я невольно вспомнил мое творчество, начавшееся с подстрекательства маленьких дочерей. Думаю, если бы мне удалось изложить эти рассказы, то получилось бы два огромных тома о бродяжничестве таежного героя и о его встречах со злодеями тайги и его спасателями. Но, к сожалению, как я ни пытался воспроизвести хотя бы одну рассказанную байку, у меня ничего не получилось.

Случайно возникшее желание рассказывать дочерям о скитаниях оленка вызвало у них большой интерес к сибирской тайге. Они узнали, какие древесные и травянистые растения образуют леса, какие животные в них обитают и чем пользуются люди, живущие там. В конце концов меня стал беспокоить такой их интерес, который мог бы обусловить выбор какой-либо профессии, связанной с тайгой, тем самым нарушив наши планы с Полиной. Дома дочери активно занимались рисованием, и мы делали все возможное, чтобы они стали художниками—живописцами, графиками, модельерами, дизайнерами или архитекторами.

И как оказалось, Юлька действительно увлеклась моими рассказами. Учась в школе, она заинтересовалась ботаникой и сбором растений для гербария. И тогда возник вопрос, как отвлечь ее от этого занятия. Когда мы жили на даче, я специально часто ходил с ней в лес добывать растения для гербария в густых зарослях кустарников и крупнотравья. И когда ей пришлось продираться каждый раз через эти заросли за редкими растениями, охота заниматься ботаникой отпала.

Ася же категорически отказалась заниматься ботаникой и собирать растения. И пока я с Юлей ходил по лесам, она пропадала на мансарде и собирала из кубиков замки, дома и различные сооружения. И тогда мы с женой сосредоточили свои усилия на том, чтобы они как можно больше свободного времени отдавали рисованию. С этой целью мы на личные средства открыли на дому занятия по живописи и рисунку, которыми также занимались и их подруги. Этой домашней студией руководил профессиональный художник, обучивший прилично рисовать и работать красками, что позволило Юле и Асе окончить художественные учебные заведения.

Юля окончила колледж графического дизайна в США, штате Род-Айленд, и с 1993 года и по сей день работает дизайнером художественных книг. Она же как дизайнер оформила и мои книги очерков «Таксаторы и бичи. Первооткрыватели сибирской тайги» и «Таежные будни». Настасья окончила в Новосибирске архитектурную академию и после успешной защиты диплома долгое время работала в ней же. Уйдя из академии, последнее время она занимается выполнением частных заказов по архитектуре.

В школе девочки учились хорошо, и в связи с этим не было никакой нужды помогать им в приготовлении уроков. Они пытались заниматься каким-нибудь спортом, но, освоив отдельные упражнения, бросали его и переключались на что-то новое. Тем не менее физической нагрузки имели они предостаточно, получая ее на даче. В зимнее время, будучи там, за городом, мы вчетвером с утра до обеда катались на лыжах, а после грелись около буржуйки и обычно уплетали пельмени. Возвращались с дачи часов в пять-семь вечера и с утра понедельника приступали к городской жизни.

Ну а летом, когда Ася подросла, мы часто ездили в деревню к моей матери, в село Пономаревка. И вот пребывание у своей бабушки примерно с месяц Юля и Ася вспоминают с радостью до сих пор. Они всегда вместе с мамой занимали погребку во дворе, а я спал обычно под навесом в огородчике рядом. Здесь у бабушки росли всякие съедобные овощи, которыми девчонки объедались с утра до вечера. Юлька часто помогала бабушке в хозяйстве, а Ася, как и в Новосибирске, строила различные сооружения, но только из песка. Кроме того, они каждый день гуляли с мамой по деревне и навещали нашу родню. А когда было жарко, мы все вчетвером шли купаться на Дему, протекающую за огородом, плавали и баловались в теплой воде. Вечером же после ужина девчонки сидели с бабушкой на скамейке около ограды палисадника, где бабушка рассказывала им о своем детстве на хуторе Оторвановка и всякие истории из деревенской жизни. Она часто употребляла деревенские слова, а Юлька с Аськой передразнивали ее, произнося с улыбкой слова «анадысь», «гутарить», «шабер», и бабушка, не обижаясь, смеялась вместе с ними и с соседками, которые нередко участвовали в вечерних беседах.

Несмотря на то, что бабушка не баловала детей пирожками между завтраком, обедом и ужином, они подружились и проводили много времени в совместных делах по хозяйству. А эта дружба возникла, когда мы с двухлетней Юлькой впервые съездили к бабушке в деревню. При первой встрече Прасковья Лукьяновна сразу же попросила Полину рассказать подробно, что Юлька любит и не любит и как мы обращаемся с ней в течение дня и твердо пообещала соблюдать все то, к чему дочь была приучена.

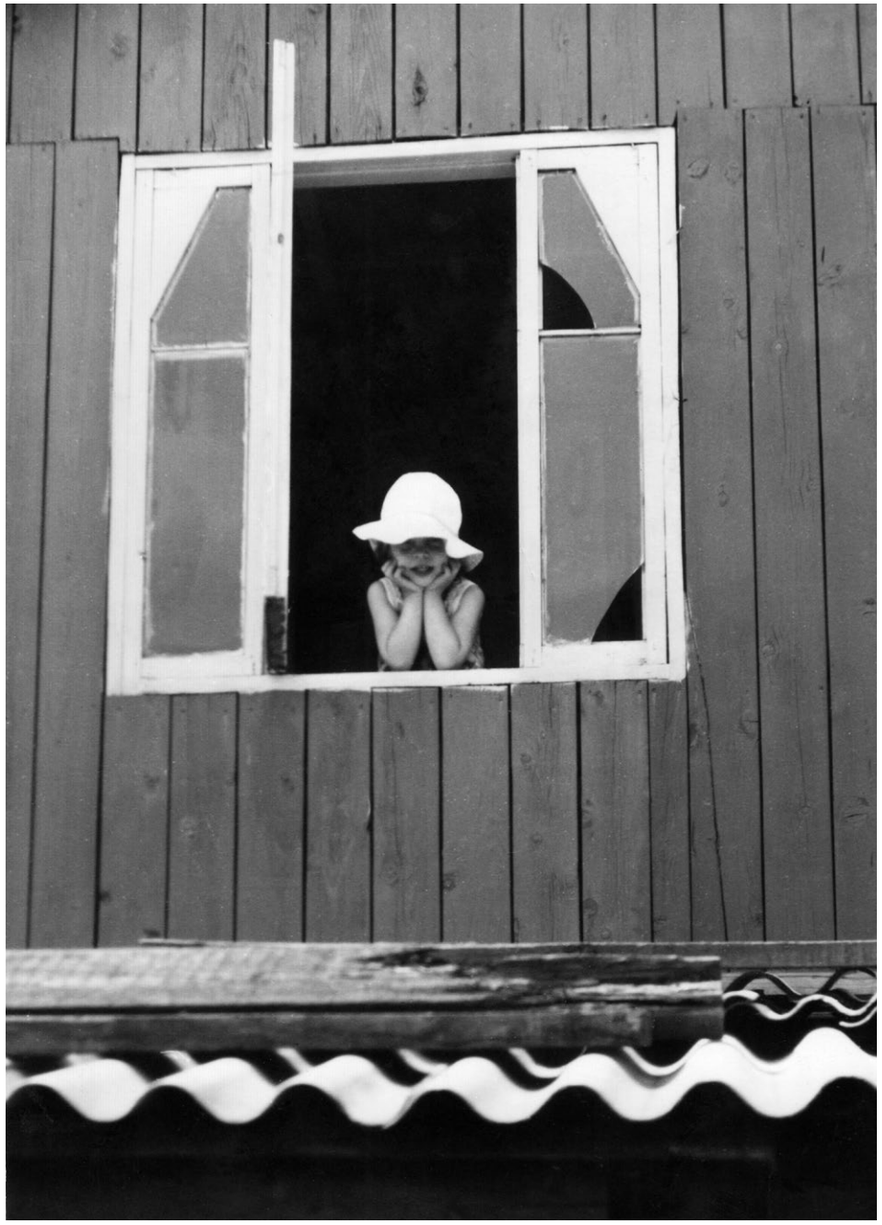
Книга 2023.indd 248-249 5/3/23 19:33

Полина тогда удивилась этой неожиданной просьбе и несколько стесненно и вежливо произнесла, назвав впервые Прасковью Лукьяновну мамой: «Мама, нет, нет, ведите себя с девочкой так же, как вы привыкли общаться с остальными внуками». Но я тут же, прервав жену, включился в беседу: «Мать, ни в коем случае не давай ей ничего, кроме овощей с огорода. Ни в коем случае ее не балуй никакими пирогами, блинцами, конфетами между завтраком и обедом и после обеда до ужина». Полина все мои предложения выслушала спокойно, и они вместе с матерью выполняли все это и тогда, и потом, когда мы приезжали с Юлькой и Настей.

Они очень подружились, и Полина, сидя с матерью и ее подругами на лавочке, вбирала в себя многое из того, что говорила Прасковья Лукьяновна соседкам, когда они спрашивали ее совета. Жена научилась у моей матери, как вести хозяйство в доме, что делать с пьяным мужем, как готовить деревенскую пищу, которой она кормила нас, как покупать на базаре знаменитые оренбургские шали и другим вещам. Полина особенно запомнила один курьезный случай, очевидицей которого она была.

Однажды три сына нашей матери — Петр, Шурка и я — находились в одно и то же время в деревне в отпуске со своими женами. Мы с Полиной были в Пономаревке с нашими детьми уже несколько раз. Старшие же братья появились здесь со своими женами без детей где-то через пятнадцать лет после их отъезда из дома. У каждого из нас в селе были друзья, и мы часто врозь и вместе посещали их. Конечно, после этих встреч мы возвращались домой слегка поддатые, но упреков не было ни со стороны матери, ни со стороны жен.

Но раз в какой-то из вечеров никто из нас не собирался в гости, и мы решили поужинать все вместе дома. Поскольку мы были в отпуске, все согласились, что три брата сходят в магазин и принесут все, что надо к ужину. Мать, услышав это, почему-то забеспокоилась и сказала, что у нее есть самогонка и этого будет достаточно. Но мы все-таки настояли и ушли. Как рассказывала потом Полина, мать обратилась к жене старшего брата с просьбой догнать нас и идти в магазин вместе с ними. Роза же ответила, что ее муж майор и всегда выполняет взятое на себя поручение ответственно, и нет нужды идти с ними. Мы ушли за покупками где-то после обеда. Набрали водки, вина, печенья, конфет и очень довольные купленным возвращались домой. Шли мы по центральной улице, а потом по длинному широкому скверу, по самым примечательным местам районного центра, где у каждого из нас проходила



Аська на даче в Комаровке под Новосибирском пока Юлька и я собирали гербарий.

Книга 2023.indd 250-251 5/3/23 19:33

юность, и по пути делились между собой воспоминаниями о каких-то прошлых событиях.

И вдруг Петр, самый старший из нас, предложил эти события отмечать двумя-тремя глотками водки из бутылки, и, пока мы вышли из сквера, мы уже хорошо наклюкались и шли домой сильно выпившими. Но мы все трое были в ту пору крепкие и сильные, поэтому еще твердо держались и даже запели какую-то уже давно забытую песню. Заходим во двор. Мать и трое наших жен ждут у крыльца, сильно нахмуренные. Песня окончилась. Роза, самая старшая из жен, подбегает к Петру, ударяет его по щеке и, ни слова не говоря, быстро скрывается в погребке, где они обитали. Раиса, дочь кубанских казаков, отругала площадными крепкими словами среднего брата и скрылась в избе. Полина стоит изумленная. Мать молча наблюдает эту суету. Петр с Шуркой, несколько взбудораженные поведением своих жен, стали порываться выбраться за ворота и продолжить веселье у какого-то близко живущего друга. Но мать спокойно их отговорила и отправила спать в огородчик, где стояли два лежака. Потом вернулась ко мне и Полине, которая не знала, что же делать со мной.

Мать подошла к нам и просто сказала: «Так неаккуратно поступать со своими пьяными мужьями нельзя. Они же кормильцы. Полина, Вовку уведи в пристройку дома, положи там на диван, и пусть спит, но только на боку. А чтобы вдруг за ночь он не повернулся на спину, сиди около него и следи за ним. На кухне возьми небольшой тазик и поставь рядом на пол. Если вдруг будет блевать, то в тазик». Полина стояла, слушала и только спросила: «А почему нельзя спать на спине?» Мать спокойно ответила: «На спине пьяному мужику спать нельзя. Вдруг ночью его начнет тошнить, он задохнется в своей блевотине». После этих слов Полина подошла ко мне, увела меня спать и просидела около меня почти всю ночь, не давая повернуться на спину.

Наступило позднее утро. Все расположились за столом, где собирались провести вчерашний вечер. На столе стояла кастрюля с пшенной кашей, кислое молоко (кефир по-городскому), квас, огурцы, свежий лук, нарезанный домашний хлеб. Все сидят молчаливые, хмурые. И вот идет наша мать Прасковья Лукьяновна с бутылкой самогонки, горлышко которой заткнуто бумагой. Достает с полки три граненых стакана, наливает в них самогонку чуть на донышке и предлагает нам похмелиться. Жены сидят не двигаясь. Мы выпили. А потом мать налила кваса по полному стакану и произнесла: «А

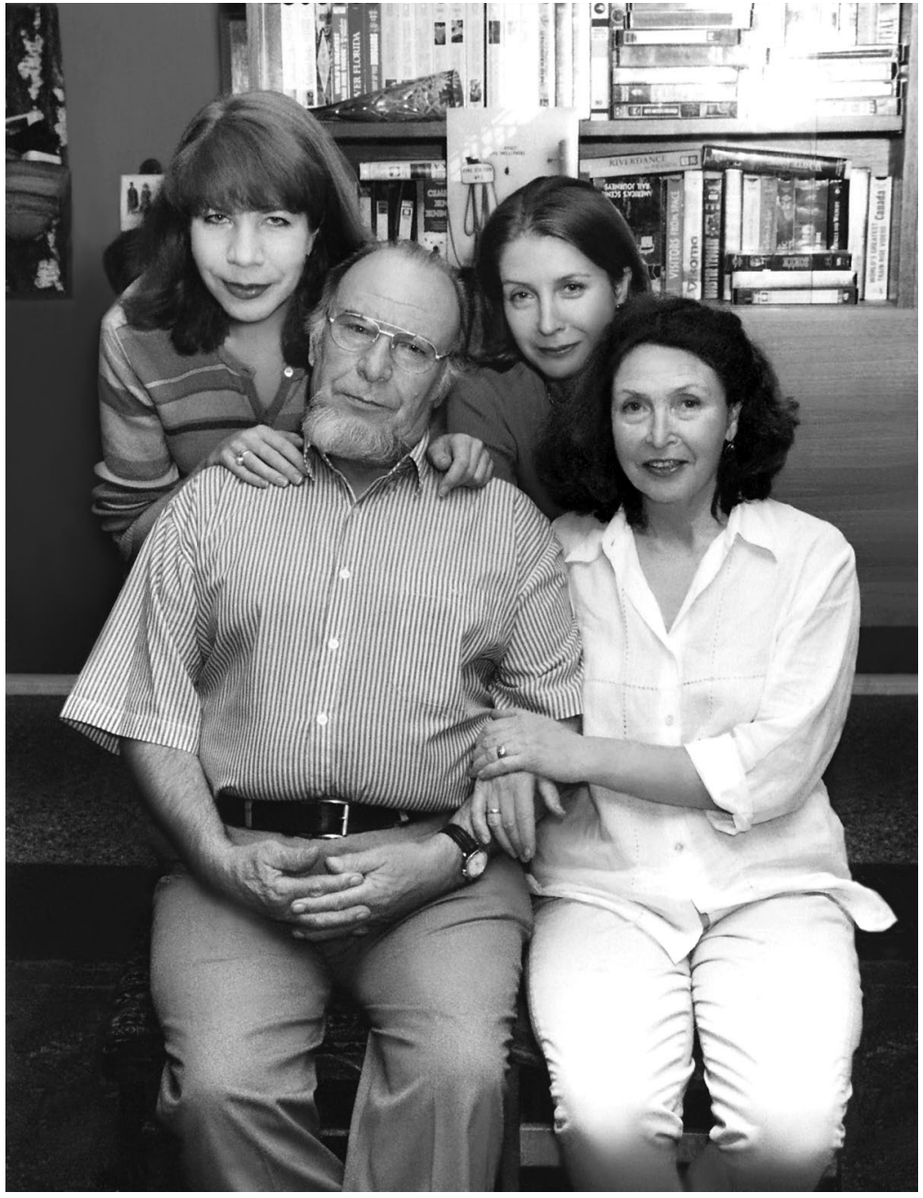
теперь, дорогие сыночки, слушайте меня» — и так отругала нас за вчерашнее, что все жены забеспокоились за состояние своих мужей, сидевших не шелохнувшись. Потом мать, не останавливаясь, обратилась к своим снохам: «Разве можно так обращаться со своими кормильцами. Их, пьяных, всегда надо жалеть, а то пропадут. Петька-то с Шуркой после скандала вчера чуть было не удрали к одному из друзей, а я кой-как их угомонила. А теперь давайте завтракать и забудем вчерашнее». Улыбнувшись, она пошла к русской печке и принесла оттуда целую горку блинцов на сковороде, испеченных утром. Полина эту сцену запомнила навсегда и изредка использовала методы матери после моих встреч за столом с друзьями.

Часто обсуждая прожитую жизнь, мы с Полиной вместе пришли к выводу, что все делали правильно, рационально и с радостью, что позволяло достойно жить не только дома, но и на людях. Жена была на защитах обеих моих диссертаций и на многих конференциях, где я выступал с докладами. И самое интересное, после встреч с моими друзьями по таежному ремеслу в Москве, Новосибирске, Красноярске, Хабаровске, Австрии, США и в тайге она всегда сожалела о том, что я по каким-то признакам не такой, как они, и я это воспринимал с удовольствием и отмечал, что именно по этим неизвестным признакам она выбрала меня, а не кого-то из них.

И теперь, оценивая нашу совместную жизнь, я понял, что Полина своим мудрым поведением из человека клана Седых — «тамбовских волков», родившегося где-то в захолустье диких степей Оренбуржья на хуторе Оторвановка, сделала того, кто я и есть сейчас. Полюбив Полину после удачного открытия бутылки шампанского о батарею, я благодарен судьбе, что встретил ее и что пятьдесят пять лет мы счастливо прожили вместе.

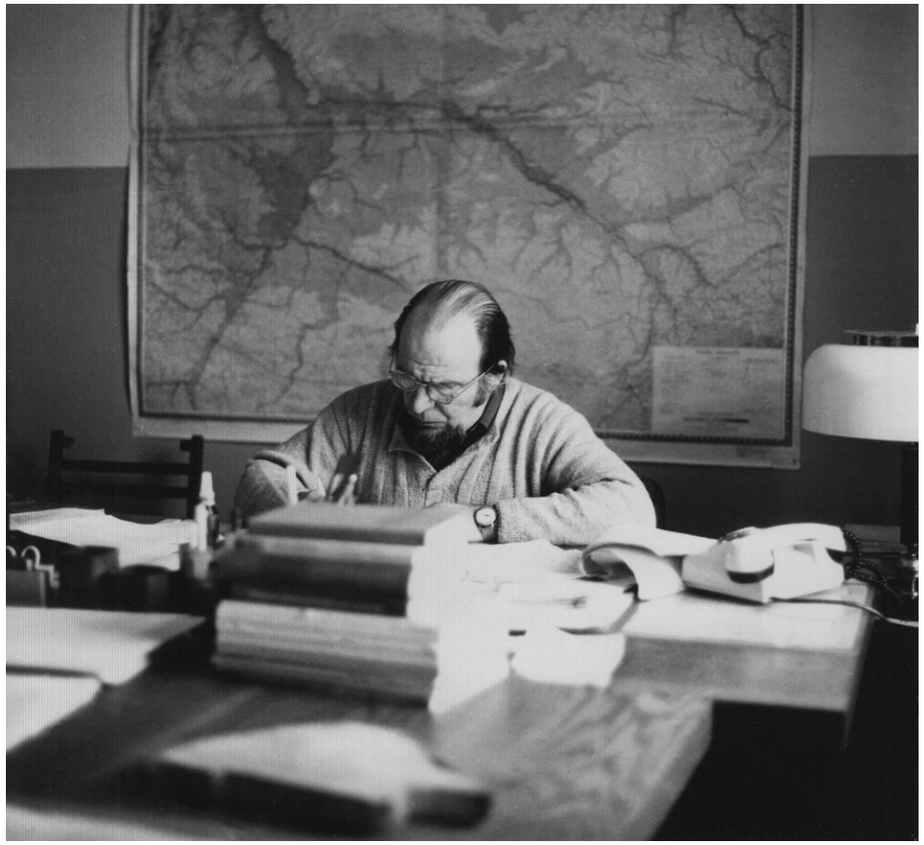
Книга 2023.indd 252-253 5/3/23 19:33

Дом под Новосибирском.



Мы все взрослые дома, 2002 год.

Книга 2023.indd 254-255 5/3/23 19:33



Обычный рабочий день заведующего лабораторией динамики лесного покрова Института леса Сибирского отделения Академии наук СССР.

Как я попал в науку

Когда мне исполнилось тридцать три года, я серьезно задумался о том, а что же я сделал полезного за прошедшее время. После окончания в 1957 году лесного факультета Харьковского сельскохозяйственного института я отработал в различных экспедициях в Средней Азии, Западной Сибири, в Туве, на Дальнем Востоке на инженерных должностях, занимаясь решением различных лесных задач. Теперь, оглянувшись назад, понял, что мне особенно и нечем похвастаться. Меняя экспедиции и род занятий, я быстро и основательно осваивал новую работу, но через некоторое время она для меня становилась обыкновенной, неинтересной и скучной. Начальство любой экспедиции стремилось меня двигать вверх по должности, чему я отчаянно сопротивлялся и уходил в другую экспедицию, стараясь найти себя в новом деле. Таким образом, я за одиннадцать лет освоил проектно-изыскательские работы лесомелиоратора в пустынях Кызылкум и Каракум, в геофизике—работу топографа в сейсмических и гравиметрических экспедициях, а в тресте лесной авиации и лесоустройстве работал только инженером-таксатором, оценивая и картографируя леса в неизведанных таежных районах Сибири.

Начиная с 1960 года во время проведения полевых работ со мной всегда был фотоаппарат, которым по возможности я снимал различные эпизоды экспедиционной жизни, не задумываясь над тем, где могут быть использованы мои фотографии. Но как-то раз мои новосибирские друзья предложили мне участвовать с моими работами в областных фотовыставках, на двух из которых я получил первые места. Это вселило в меня уверенность, что от моего фотодела может быть какой-то толк, и я стал заниматься фотографией более серьезно. В этом новом для меня ремесле я вскоре достиг определенных

Книга 2023.indd 257 5/3/23 19:33

успехов, и где-то в середине семидесятых годов «Агентство печати новостей» пригласило меня выполнить для него несколько фотосерий, посвященных лесным экспедициям. Я их подготовил, и они были приняты для публикации за рубежом. После этого я получил приглашение работать в Агентстве, но оно не приняло моего условия проводить съемки только жизни людей в сибирских экспедициях. Поэтому я отказался от престижного предложения Агентства и продолжил поиск более интересного, чем производственные экспедиции, лесного дела.

В 1968 году, когда я работал таксатором, я подумал: а не пойти ли мне в лесную науку, о чем ранее даже не помышлял. Когда это решение созрело окончательно, я вознамерился поступить в очную аспирантуру. Но Уральский институт экологии растений и животных, с которым сотрудничала наша лесоустроительная экспедиция, отказал мне в этом, как человеку, живущему в другом городе, поскольку очный аспирант должен всегда присутствовать в лаборатории и наряду с наукой заниматься какими-либо общественными делами. Такой подход к подготовке высших научных кадров не только удивил меня, а даже оскорбил как профессионала-таежника, прошедшего огни и воды производственных экспедиций. Этот отказ подтолкнул меня попытаться поступить в очную аспирантуру Биологического института СО АН СССР в городе Новосибирске, где я жил. Лабораторией лесоведения руководил профессор Георгий Васильевич Крылов—личность, хорошо известная лесным специалистам Сибири. О нем я слышал много всяческих легенд, но на тот момент меня это не смущало.

В ту пору лаборатория лесоведения размещалась в нескольких больших комнатах в здании Института почвоведения и агрохимии в самом центре Новосибирска. Крылов занимал комнату на третьем этаже площадью не более шести квадратных метров в торце коридора. Постучав, захожу в это маленькое помещение. За огромным столом, заваленным книгами, сидит уже далеко не молодой человек в серой элегантной куртке, в темной клетчатой рубашке с красивым пестрым галстуком. На спинке стула небрежно висит черный овчинный полушубок с большим воротником. Поздоровавшись, я обратился к нему с моим вопросом. Не поднимая головы от какого-то писания, он спросил: «По поводу очной аспирантуры?» Подняв голову и глянув на меня пристально, вдруг удивленно и громко произнес: «Так вы уже старик для очной аспирантуры. Вам же около тридцати пяти лет. Однако ваше

желание весьма и весьма интересно. Не стойте, садитесь, не стесняйтесь, поговорим».

Окончив неожиданное для меня предисловие, Крылов, отвалившись от стола и удобно устроившись в кресле, стал с охотой меня расспрашивать—где родился, где учился, про работу в Голодной степи, где в Сибири проводил изыскания лесосырьевых баз, упомянув при этом восторженно, что он когда-то учился в Томске в лесотехническом техникуме с главным инженером треста лесной авиации. А потом также восторженно добавил, что он лично знаком с селекционером Сергеем Сергеевичем Пятницким и типологом Дмитрием Васильевичем Воробьевым, у которых я учился в институте. Наконец он попросил более подробно рассказать, что привело меня к нему. И вот когда он узнал о моей работе от лица третьей аэрофотолесоустроительной экспедиции с лабораторией лесоведения Института экологии растений и животных, он буквально всколыхнулся. Энергично жестикулируя, он стал с энтузиазмом нести всякую околесицу про эту лабораторию, а потом вдруг остановился, посмотрел на меня внимательно и произнес: «Все, принимаю в очную аспирантуру в апреле 1969 года». «А почему весной?»—робко спросил я. «А потому, что вы нагло пришли в институт, надеясь, что вас в тридцать три года примут в очную аспирантуру с распростертыми объятьями. В тридцать пять лет для вас по возрасту эта аспирантура будет уже закрыта, а вы даже не сдали кандидатского минимума. В вашем возрасте Христос начал учить всех божьему закону, а вы еще не знаете, чем будете заниматься в науке. Не поздно ли взялись за изучение законов развития тайги? Но я вам твердо скажу, наукой о лесе заниматься никогда не поздно, если этому никто не будет мешать, особенно с общественными работами»,—закончил профессор, посмотрел на меня и, придвинувшись к столу, добавил: «Я вас более не держу, место в аспирантуру бронирую и жду вас, когда в аспирантуре скажут, что вы приняты. Всё. До свидания!» И не глядя более на меня, Крылов приступил к своей писанине.

Вернувшись с полевых, я с ноября и по апрель следующего года, будучи в официальном продолжительном отпуске, а затем в отпуске без содержания, ежедневно, с шести утра и до десяти вечера, зубрил немецкий, философию и спецпредметы, и в середине апреля 1969 года поступил в аспирантуру.

Через несколько дней после моего появления в лаборатории в новом качестве Георгий Васильевич попросил прийти к нему и обсудить ряд вопросов.

Книга 2023.indd 258-259 5/3/23 19:33

Захожу, теперь мой новый научный руководитель поднимается из-за стола, пожимает мне руку, поздравляет с поступлением и ведет меня в одну из комнат. Там сидят шесть сотрудников, его бывшие аспиранты, уже несколько лет работающие с ним. Каждый из них стремится защитить докторскую диссертацию. Крылов представил меня им, показал мой стол с очень скрипучим стулом и ушел, пожелав успехов в моих делах. После ухода доктора сотрудники с удовольствием поздравили меня, старого полевика, а теперь юного исследователя леса, и пригласили на чай.

Общаясь с ними, я понял, что Крылов в лаборатории поддерживал самую разнообразную тематику научных исследований. А как он справлялся с научным руководством, я понял значительно позже. Каждый сотрудник самостоятельно занимался своей темой, не докучая руководителю. Георгий Васильевич появлялся в лаборатории крайне редко, а когда появлялся, сотрудники буквально занимали очередь, чтобы попасть к нему. Приняв быстро каждого из них, он выходил из кабинета и обходил все комнаты лаборатории. Этот его обход был слышен отовсюду, где бы Георгий Васильевич ни находился. Идя по коридору, он громко, не стесняясь в выражениях, ругал попадавшихся ему навстречу в чем-то проштрафившихся сотрудников. Особенно вместе с ними доставалось руководству Биологического института за недополучение какого-то оборудования и за какие-то невыполненные обещания. Когда шум от его ругательств прекращался и наступала обычная тишина, это означало, что Крылов закрылся в своем кабинете и до вечера работал с машинисткой, разбирая напечатанные листы его новой книги. Рукописи своих монографий и статей он подготавливал только дома, сидя также за большим столом, окруженным стеллажами с множеством книг. Он писал на самые различные темы — о природе и районировании лесов, о лекарственных и пищевых растениях, о роли и значении работ различных исследователей природы Сибири, — обо всем, что могло быть интересно читателям. В дальнейшем, уже работая в науке и общаясь с людьми лесного дела, я понял, что Крылова повсюду знали в основном по его книгам. У исследователей природы Западной Сибири его монография «Леса Западной Сибири» была буквально настольной. А когда вышла его работа «Травы жизни и их искатели», популярность его среди обывателей возросла безмерно.

Никто не знал, над какими книгами он работал в данный момент, за исключением тех, которые готовились в соавторстве. Он был очень трудоспособным и требовал от научных сотрудников такого же активного подхода к выполнению своей работы, что я однажды испытал и на себе. Возвратившись с первого поля из тайги, иду по коридору и навстречу идет Крылов. Остановились.

— А, Владимир Николаевич, когда прибыли с поля?

Отвечаю:

— Вчера.

— Ага, хорошо, через два дня представьте мне статью в журнал «Известия СО АН СССР», — и пошел.

Я был совершенно ошарашен этим предложением и промямлил:

— Да как же я могу написать ее за два дня? Какие-то материалы я должен обработать?

Крылов, остановился и громко, не стесняясь, обрушил на меня ругань:

— Да что же я, дураков, что ли, набрал? Я ему предлагаю быстро сделать первую публикацию, а он не может, — замолчал и пошел.

Ничего не оставалось делать, как подготовить небольшую статью и представить ее в напечатанном виде через три дня.

— Ну вот, а говорил не можешь. — И, улыбнувшись, Крылов поздравил меня с первой статьей.

В ту пору и долгое время он был главным редактором этого научного журнала и всячески помогал молодежи института, и в частности своей лаборатории, публиковаться в нем без очереди.

Георгий Васильевич Крылов остался в моей памяти яркой и своеобразной личностью, в которой уживались пороки и добродетель, скаредность и щедрость, и главное, он был незлопамятным, честным и фантастическим импровизатором. Анекдотов он не знал и не нес какую-либо похабщину. Но как только появлялась толпа рядом с ним за столом, на конференции или на улице и возникало свободное время между какими-то делами, он тотчас внимание толпы замыкал на себе. Он мог занимательно и с восторгом рассказывать о делах своей молодости в Нарымском крае и других районах Сибири. Например, о том, как одним из первых делал аэротаксацию с дирижабля, прыгал с парашютом в тайгу тушить пожары, принимал роды в тайге у хантейки и прочее, прочее, и его с интересом слушали, поддакивали и задавали вопросы, сомневаясь в правдивости этих невероятных событий. Он тотчас отбривал сомневающихся, вспоминая детали своих свершений.

Книга 2023.indd 260-261 5/3/23 19:33

На всех конференциях, в которых я участвовал, он всегда председательствовал, а за столом всегда был тамадой и никому не уступал эти места. Некоторые черты его характера коснулись и меня; о том, как они повлияли на меня и мою научную карьеру, я расскажу ниже.

Заняв новое место работы, я стал с некоторой осторожностью вникать в научный процесс, который никак не мог освоить. В производственных экспедициях все было понятно и просто. Там была единственная забота—уберечь себя от неожиданно возникшего конфликта с тайгой. А здесь мертвая тишина, каждый за столом тихо занимается какой-то своей научной проблемой. Удивляло, что никто меня не отвлекал, и я впервые в жизни имел уйму времени, поэтому возникла проблема, как его рационально распределить. Поначалу сложно давалась концентрация внимания на анализе литературы, и тогда перед глазами вставал Крылов. Я долго размышлял над своей новой жизнью и решил круто изменить режим и отношение к новой работе. Прежде всего, надо было избавиться от гордыни, подогреваемой воспоминаниями о похождениях в неизведанных лесах Сибири, сесть за стол как можно раньше утром и спокойно использовать все свободное время для дела, к которому я долго шел. И я каждое утро, отведя Юльку в детский сад, стал спокойно и терпеливо разбирать тексты и их реферировать. Многое из того, что я получил в институте, забылось, а теперь пришлось все восстанавливать и осваивать заново, и это надо было делать с не меньшим упорством, чем таксационные работы в тайге. И мне становилось все более интересно осваивать эти новые тексты, сопоставляя их с накопленным таксаторским опытом.

Крылов меня долго не трогал, так же как и всех остальных, и вдруг, где-то через месяц, заходит в комнату лаборантка и просит пройти к нему после обеда. Это была Галя Пашина, бессменная лаборантка по печатанию его работ. Подходит время, оторвавшись от уже интересной статьи, я с неохотой иду к шефу. Вяло стучусь в дверь. Выходит Галя и, приставив палец к губам, тихо произносит:

—Шеф спит, приходите через полчаса.

—Как? В его комнате нет даже дивана, на чем же он спит?

Галя взяла меня под руку, отвела от двери и рассказала о том, как рождаются книги шефа:

—Когда Георгий Васильевич приходит с кипой рукописей, я обычно работаю в его кабинете и все перепечатываю под его руководством. Каждый из

нас приносит из дома какую-то снедь, и мы обедаем вместе. Нередко, приняв рюмку водки и сытно поев, Крылов стелет свой полушубок на пол за столом, ложится и пытается с полчаса подремать. Меня же гонит из кабинета и всем запрещает соваться к нему в это время.

Это неожиданное сообщение меня не удивило, а даже подтвердило, что шеф действительно из таежной сибирской глухомани и в городе не потерял умение таежника удобно обустраивать свое рабочее место и, не стесняясь, им таким образом пользоваться. Я было хотел задать Галине еще два-три вопроса, но тут в дверях появляется шеф и сердито восклицает:

—А, Седых, заходи, будем разбираться!

Я, озадаченный его интонацией, захожу в кабинет. Крылов, очень суровый, занимает свое место за столом, говорит мне садиться и протягивает письмо со словами:

—Какой-то кандидат из Института экологии растений и животных напрашивается на роль второго руководителя вашей диссертации. Рядом с профессором Крыловым! Каково? Читайте, читайте, не останавливайтесь.

Я прочел и из письма узнал, что Е.П. Смолоногов, с которым мы работали над созданием таксационных таблиц, научным руководителем которых он был, предлагает назначить его вторым руководителем, поскольку в диссертации будут использоваться идеи, отрабатываемые в его лаборатории.

—Ну что, прочли?—с нетерпением произнес шеф.

Я пояснил, что пробные площади закладывались на средства третьей аэрофотолесоустроительной экспедиции, но, несмотря на это, в методическом отношении мной многое получено от этого исследователя и в своих работах я обязательно ссылаюсь на него и сотрудников его лаборатории.

—Георгий Васильевич,—обратился я,—было бы целесообразно его принять, это полезно для взаимодействия двух лабораторий в решении такой актуальной проблемы, как возобновление кедровых лесов.

—Так вы настаиваете?—хмуро спросил Крылов.

—Да, Георгий Васильевич, я не могу поступить иначе, это мое окончательное мнение.

Крылов некоторое время внимательно смотрел на меня, а затем произнес:

—Ответьте ему, что профессор Крылов согласен, но без оплаты.

После этого мы довольно долго не виделись. Я продолжал усердно работать, пока не наступил черед второй встречи.

Книга 2023.indd 262-263 5/3/23 19:33

В комнате я уже со всеми стал активно общаться, не избегая также встреч по поводу каких-либо праздников. Мне стало известно, кто и чем занимается, а они также знали, что я пришел со своими материалами в аспирантуру и буду готовить диссертацию по формированию кедровых лесов в центральной части Западной Сибири. И вот как-то раз ко мне за стол подсаживается Николай Карпович Таланцев и начинает издалека разговор о своей деятельности по возобновлению кедра и хоздоговорной работе в припоселковых кедровниках под Томском, о том, насколько это интересная и актуальная проблема, а потом как бы мимоходом спрашивает, не хотел бы я заняться ей. Я уже кое-что знал об этой проблеме и, не став далее слушать, сказал:

— Если ты предлагаешь мне включиться в эту работу, то прямо так и скажи: на каких условиях, летом или в камералке и т.д.

Неожиданно поставленные мной вопросы не смутили Карпыча, и он прямо сказал, что уже обсудил этот вопрос с Крыловым и предлагает мне заняться припоселковыми кедровниками и готовить по ним диссертацию. Я хмыкнул и, глядя прямо в глаза старшего сотрудника, спросил:

— А почему ты со мной не обсудил этот вопрос заранее? Отвечаю: я категорически против и буду заниматься своей темой, с которой пришел в аспирантуру.

Не став более слушать, я пошел к Крылову. С первых моих слов он понял, в чем дело, и, немного подумав, сказал, что он как заведующий лабораторией и научный руководитель всего процесса вправе менять тему исследований не только аспиранта, но даже старшего сотрудника. Уже немолодому аспиранту надо привыкать к этому порядку и постараться хорошо выполнять порученное важное дело.

В его словах проскользнуло унижение меня как бесправного аспиранта, обязанного подчиняться отлаженному порядку. Это меня сильно задело, и невольно возникло неприятие этого самовлюбленного руководителя науки. Я даже на производстве никому не позволял посылать меня куда-то, не получив перед этим моего согласия. Я сказал Крылову об этом и о том, что сейчас, занимаясь наукой, я тем более считаю неприличным отрывать меня от дела, на выполнение которого я получил его согласие при поступлении в аспирантуру. По моему тону Георгий Васильевич понял, что сморозил что-то не то, и вдруг очень вежливо пояснил, что он-де Таланцева попросил поговорить со мной только о том, не смогу ли я помочь выполнить небольшую часть его работы во время его срочного отсутствия по личным делам.

— Ну тогда, — ответил я, завершая нашу вторую встречу, — с вашего разрешения я передам Николаю Карповичу, что мы втроем не так друг друга поняли и я готов ему помочь в припоселковых кедровниках в июне-июле.

Итак, на этих условиях в первый год обучения у Г.В. Крылова я закладывал пробные площади в припоселковых кедровниках под Томском. Пока я работал в них со студентами Красноярского лесотехнического института, у меня появилось множество идей, которыми я бы увлекся, если бы не север. Но эти крамольные мысли я решительно отверг и в конце июля сдал полевые материалы Таланцеву. Эта моя новая работа шла своим чередом, а в конце июля произошла третья встреча с Крыловым, где мой шеф проявил себя совершенно иначе, нежели в лаборатории.

Как-то во второй половине июля бывший аспирант Георгия Васильевича и мой бывший коллега по тресту лесной авиации Виктор Петрович Демиденко, работавший в содружестве с нашей лабораторией, появляется на мотоцикле в месте моих работ и заявляет, что приехал за мной и без меня не вернется к Крылову. На вопрос, зачем я понадобился шефу, Виктор ответил: «Не знаю» и добавил: «Он никогда никому не докладывает о своих намерениях».

Ну что ж, я забрался в коляску, и мы покатили.

Километров через пять подъезжаем к большому рубленому дому с высокой верандой, стоявшему поодаль от какой-то деревни. Заглушив движок, Виктор высаживает меня и говорит: «Оставайся, а я покатил по своим делам». Мой незаданный вопрос Виктор предупредил ответом: «Он мне не предлагал остаться. Завтра к обеду вернусь сюда и отвезу тебя обратно». Он нажал на газ и скрылся.

Я стал озираться кругом. Дом, стоявший на пригорке, располагался впереди великолепного пейзажа из отдельных массивов кедра и полян. В низине перед домом я увидел небольшое озеро с камышом по урезу воды. И тут же промелькнула мысль: эх, наверное, озеро с карасями, сетешку бы поставить и штуки три верши, по-сибирски называемые «морда».

Не закончив еще осматривать окрестности, услышал сзади голос шефа: «А вот и Владимир Николаевич, поднимайтесь, мы вас ждем».

Заходим в первую комнату, судя по всему, большую кухню с русской печью. Георгий Васильевич представляет меня хозяйке Нине Андреевне, месившей тесто у окна, и хозяину Василию, помощнику лесничего, чинившему вершу у печки. И тут же, не прерываясь, дает всем распоряжения: хозяйке

Книга 2023.indd 264-265 5/3/23 19:33

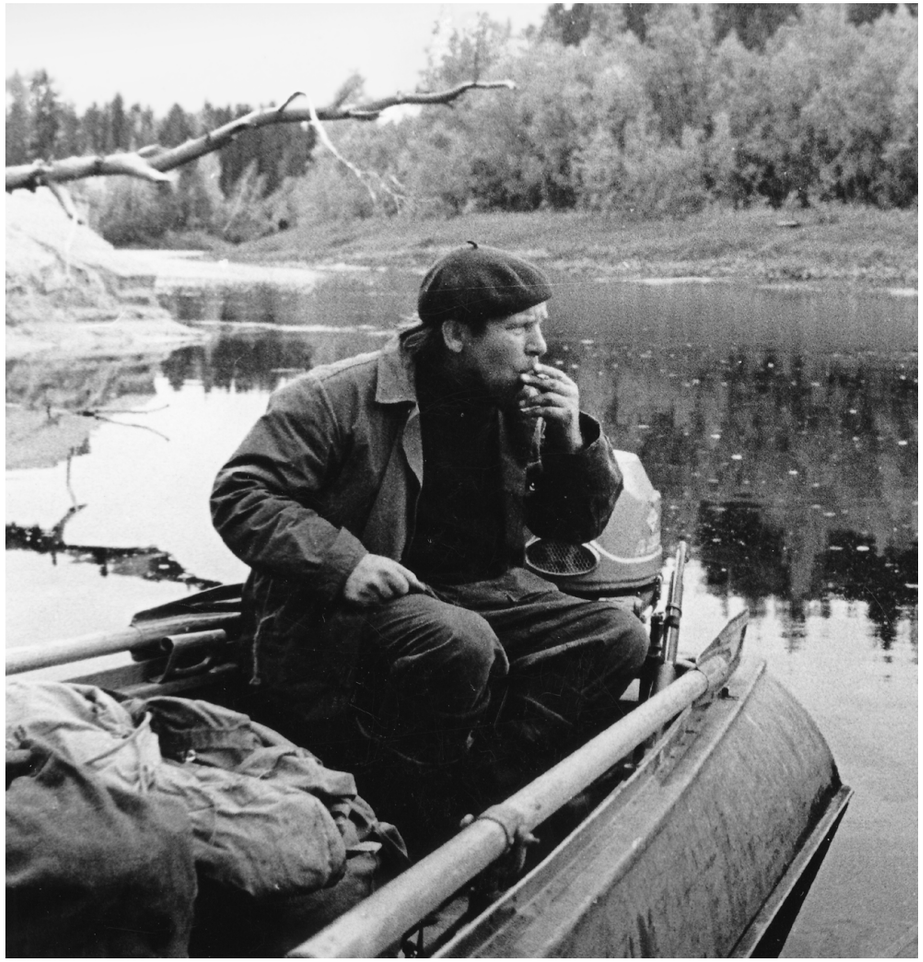
готовить пельмени, а хозяину вместе со мной идти на озеро и добывать рыбу. «А пока я вас жду с выполнением своей работы, попишу кое-что для новой книги» — и скрылся в горнице.

Василий откуда-то принес болотные сапоги с голяшками, шерстяные носки, я надел их, и мы с ним отправились на озеро. Хозяйка, не прерываясь, продолжала заниматься тестом. Василий оставил меня на мостушках, не взяв с собой. Конечно, в такой маленькой и плоскодонной лодке было бы тесно выбирать рыбу из вершей. С берега мне было интересно наблюдать, как Василий поднимал верши, выбирал из них рыбу, заталкивал в них какую-то приманку и ставил на место. Проверив пять верш и две сети, рыбак вернулся с приличным уловом. На дне лодки было с десяток крупных окуней, три двухкилограммовые щуки и ведра два чебака, подъязка и карася.

Разобрав рыбу по мешкам, мы вернулись домой. Георгий Васильевич, увидев улов, сбежал с веранды, выхватил из рук Василия мешки и вывалил рыбу на траву. Затем разложили рыбу по виду и размеру по трем тазам. Георгий Васильевич, как нарымский уроженец самых рыбных мест на севере Томской области, быстро оценив улов, тут же распорядился: уху по-хантейски из окуня и щуки будет варить он сам, чебаков и подъязков будет жарить по-нарымски Нина Андреевна, Василию, удачливому рыбаку, нужно в погребе из снега достать самогонку двойного перегона, настоянного на клюкве и бруснике, ну а нашему юному аспиранту по молодости и малой должности придется таскать воду из озера. «А теперь за дело», — призывным голосом воскликнул шеф и начал отбирать окуней и щук для ухи.

Работа пошла. Часа через два в горнице был накрыт белой скатертью стол, уставленный всем необходимым для приема свежеприготовленной рыбы. Первое блюдо нес сам Крылов. Это была большая сковорода с нарезанными и посоленными крупной солью кусками щуки, которую он поставил на середину стола на березовый срез. Перед каждым местом на столе он поставил большие бульонницы, а потом занес пятилитровый котел, закрытый крышкой, и поставил на пень у окна. Глянув на стол и убедившись, что перед каждым посетителем стоит тарелка для пищевого мусора, захлопал громко в ладоши и закричал: «За стол, и как можно быстрее. Уха стынет».

И вот мы за столом. Крылов, как всегда, на своем месте во главе стола, и началось наше знакомство, продолжавшееся до трех часов ночи. Отведав сначала уху из бульонницы, зажевывая не хлебом, а щучьим мясом, потом



Работая в научных экспедициях в Западной Сибири, я с сотрудниками добирался до таежных объектов, в основном, лодками с подвесными моторами.

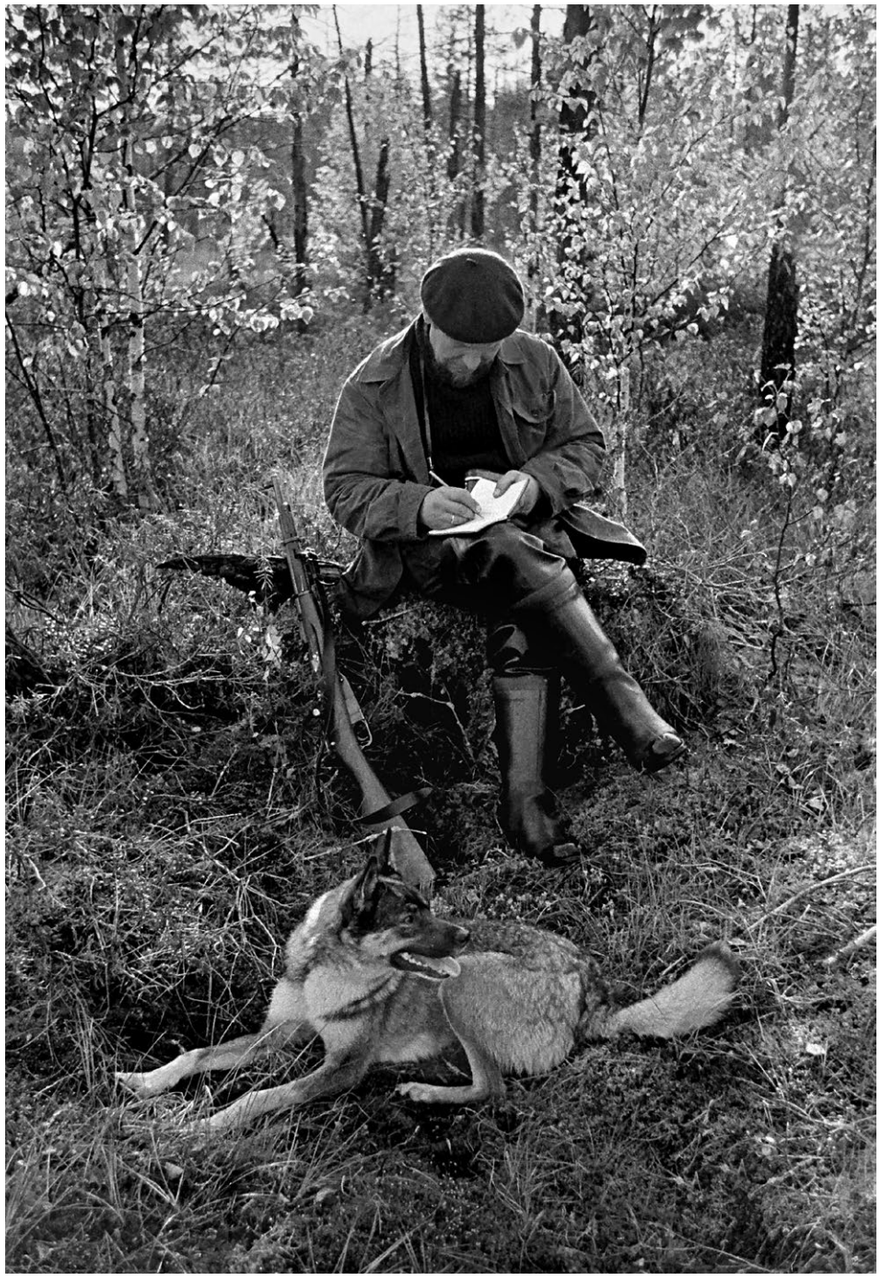
Книга 2023.indd 266-267 5/3/23 19:33

Добравшись до объекта сотрудники лаборатории поставили временный табор для жизни.

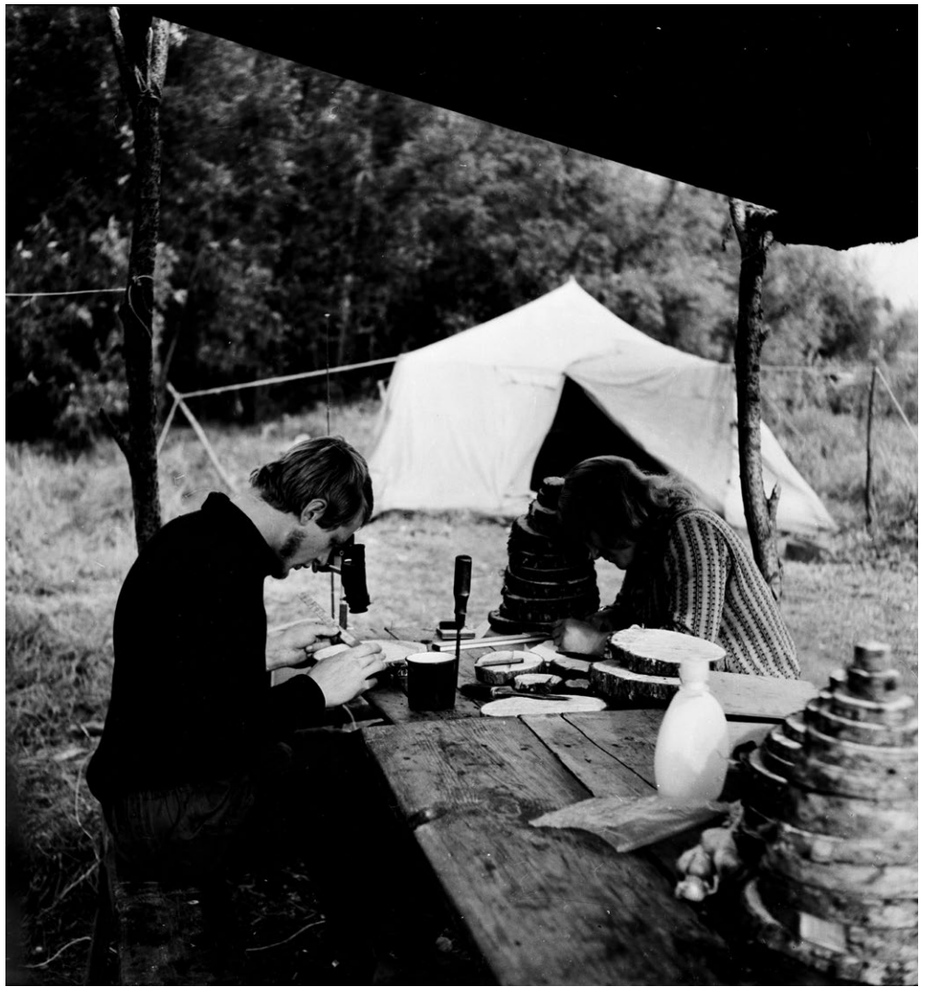
Книга 2023.indd 268-269 5/3/23 19:33

Одну из групп сотрудников доставили на объект, преодолев мели с топляками, а теперь возвращаемся за следующей.

Книга 2023.indd 270-271 5/3/23 19:33



А это мои таежные телохранители—карабин и собака.



Полученные спилы деревьев обычно обрабатываются на постоянном таборе или научной базе (стационаре).

Книга 2023.indd 272-273 5/3/23 19:33

перейдя к разбору жаренных особым образом чебаков и подъязков, а потом уже отведав пельмени на два укуса и запив все это чаем, мы к трем часам ночи разошлись, уставшие от исходивших от Крылова рассказов.

Впервые при этой встрече я увидел и услышал Крылова не как грозного, громко ворчащего и шаркающего по коридору института молодого старика, а удивительно восторженного рассказчика, повествующего о каких-то своих невероятных приключениях и встречах со знаменитыми людьми страны. Были ли они или нет на самом деле, нас, слушателей, это не интересовало. С нами был великолепный рассказчик, мастер слова, и мы были заворожены его былями и, возможно, небылями. И впоследствии я много раз видел на всяких многолюдных застольях, что Крылов проявлял себя не столько как ученый, сколько как артист большой эстрады.

Утром все поднялись поздно. Хозяева пригласили за стол, и мы вместе доедали студенистую уху и хитро зажаренных чебаков. Крылова за столом не было. Он уже давно что-то писал в комнате. Появился он к чаю, и мы уже вчетвером наслаждались им и кипрейным медом. Этот великолепный прозрачно-белый мед я впервые отведал тогда, и более мне не доводилось его где-либо попробовать. После чая мы втроем пошли к озеру проверять ловушки.

На лугу и в лесу Крылов увлек меня рассказами о растениях, которые встречались по дороге. Василий, не дожидаясь, ушел к озеру, а Крылов, как я понял, и не собирался туда идти. Мы долго ходили по перелескам, где он продолжал знакомить меня с лекарственными и пищевыми растениями. Я впервые увидел в нем большого знатока флоры Сибири, и вряд ли кто из лесников, с которыми я встречался позже, мог сравниться с ним в этой области. А его книгу «Травы жизни и их искатели» простые люди, активно заботящиеся о своем здоровье, знали повсюду — от Бреста и до Дальнего Востока.

Часа через два мы вернулись из леса. Нас уже ждали с обедом. Мы увидели в тазу рыбу нового улова, а на столе большую сковороду жареных карасей в сметане. Где-то через час подъехал Демиденко. Крылов глянул на мотоцикл и обратился ко мне: «Пора выпить на посошок!» Хозяева поддержали его, и мы с удовольствием совершили русский обряд прощания. Я поблагодарил хозяев за рыбалку и за сибирское приготовление рыбы, которым я тоже уже давно владел, и мы с Крыловым спустились к мотоциклу. Крылов пожал мне руку и на прощание сказал: «Хорошо, Седых, что ты не задавал мне никаких

дурацких вопросов про науку, и коль ты пришел в аспирантуру, то ответы на них получишь сам. Главное, запомни — науку делают творчески свободные люди, не обремененные общественными работами. Из нашей встречи я понял, что ты к ним относишься. Желаю тебе успехов в деле, к которому ты долго шел. Никогда не будь злопамятным, завистливым, никого не вини в своих неудачах и живи в ладу с собой, как жил до сих пор». Я был польщен такой неожиданной оценкой, сел в коляску мотоцикла, и мы с Демиденко покатили к моим студентам.

В начале августа я улетел в леса бассейна реки Куль-Еган заниматься своей диссертационной темой. Вернувшись с севера в конце сентября, приступил к обработке материалов. Спокойно полмесяца занимался своим делом, никем не отвлекаемый. Крылова в лаборатории я не видел, да и нужды с ним встречаться в то время не было. И вдруг в какой-то из октябрьских вечеров он мне лично звонит домой. Беру трубку, слышу грозный голос шефа: «С вами говорит профессор Крылов. Днем мне звонили из отдела аспирантуры и высказали упрек, почему я до сих пор не утвердил тему диссертационной работы Седых. Вам необходимо срочно обосновать тему вашей диссертации и представить ее через неделю на заседание лаборатории для обсуждения и утверждения. Пишите. Ваша диссертация будет называться “Строение и динамика припоселковых кедровников Томской области”. Вы слушаете меня? Почему молчите?» Я почему-то не растерялся и спокойно ответил: «Георгий Васильевич, здравствуйте! Я все понял и хочу вам сказать, что буду заниматься только восстановительно-возрастной динамикой кедра на севере Западной Сибири, как мы договаривались перед моим поступлением в аспирантуру». «Как, вы отказываетесь от обозначенной мной темы?» — продолжал голос в трубке. «Да, припоселковыми кедровниками я решительно не буду заниматься, и иначе я поступить не могу», — ответил я не волнуясь и даже как-то холодно. «Если вы не принимаете предложение профессора Крылова, то запомните: пока вы учитесь в аспирантуре, профессор Крылов никакой поддержки вам оказывать не будет». И в трубке резко раздались гудки.

Жена, которая спокойно жарила рыбу, привезенную мной с севера, обернулась и спросила: «С кем ты так непокладисто говорил?» — «Да с профессором Крыловым. Чтой-то с ним случилось, жестко предлагает заняться другой темой диссертационной работы. Он, видимо, свихнулся и забыл, что обещал не трогать мои заделы на севере и дать мне возможность продолжить

Книга 2023.indd 274-275 5/3/23 19:33

начатые там исследования. Хотел, наверное, взять меня на испуг, говорил со мной буквально по-хамски, не как с полевиком с двенадцатилетним стажем, а как с аспирантом, только что окончившим институт».

Я понял, что наука не такая уж творчески свободная и прилипал в ней множество. Предложение изменить тему, конечно, исходило от Таланцева, которому хотелось остаться руководителем хоздоговора по припоселковым кедровникам, а всю работу по ним свалить на меня, чтобы я выполнял тему и по договору, и по своей диссертации. Я твердо решил, что или останусь со своей темой, или, если придется уйти из аспирантуры, вернусь туда, откуда пришел, и совершенно безбедно проживу и без науки. Жену я попросил успокоиться и занялся подготовкой материалов к заседанию.

Прошла неделя. Прихожу в лабораторию. Все сотрудники сидят на месте и ждут заведующего. Среди них какой-то человек из министерства лесного хозяйства. И вот заходит Крылов, быстро занимает место у окна и обращается прямо ко мне: «Владимир Николаевич, докладывайте».

Я встал к доске и сообщил, что занимался научной темой восстановительно-возрастной динамики кедровых лесов в широтном Приобье Западной Сибири, развивая идеи Б.П. Колесникова и Е.П. Смолоногова, и прошу лабораторию обсудить целесообразность решения проблемы кедровых лесов в этом районе. Услышав это сообщение, Крылов только спросил: «Так вы хотите заняться этой проблемой и настаиваете на том, чтобы она и была темой вашей диссертационной работы? Я полностью поддерживаю продолжение начатых вами исследований».

Тут я чуть не поперхнулся, но, овладев собой, приступил к своему первому научному докладу. Минут через сорок доклад закончил. Поступило очень много вопросов, и после обсуждения тема моей диссертации была утверждена.

На следующий день Крылов пришел к обеду. Я обратил внимание, что, как только он зашел в кабинет, перед закрытой дверью образовалась очередь из научных сотрудников, с которыми я сидел в комнате. Конечно, у них за время долгого отсутствия шефа накапливалось к нему множество вопросов, которые надо было решить в его редкие приходы. Обычно он их быстро отпускал, громко говоря, что торопится то в обком партии, то в Москву в министерство. Как я понял впоследствии, от каждого посетителя он старался избавиться как можно быстрее, чтобы уйти домой и в своей библиотеке работать над следующей книгой.

Я сидел в комнате, писал какие-то бумаги в аспирантуру, чтобы зарегистрировать там тему диссертации. Вскоре первым от шефа возвращается старший научный сотрудник Миша Куликов, подходит ко мне, протягивает руку и с восхищением говорит:

—Никто раньше из нас не смог это сделать, а тебе удалось. Например, когда я пришел в аспирантуру, то с его подачи занялся шелкопрядниками в Томской области, а потом, по прошествии двух лет, он настоял, чтобы я занялся сосняками юга Западной Сибири. Я энергично сопротивлялся, увлекшись неожиданно очень интересной проблемой, а он все-таки заставил заниматься новой темой, сказав, что если я не сделаю это, то мне надо будет уходить из лаборатории.

—Миша, у меня было все просто. Если бы Крылов только заикнулся о том, что мне надо будет уйти, я немедленно подал бы заявление на уход. У меня стаж работы в различных экспедициях двенадцать лет, и я за это время научился многому, и, в частности, как вести себя в подобных случаях. Последнее время в лесоустроительных экспедициях я работал с охотой. Мне нравилось ежегодно приводить в известность леса в совершенно неизведанных районах, вживаться в чрезвычайно опасные дебри тайги, получать своего рода адреналин в преодолении неожиданно возникших конфликтов в этой зеленой стихии. И если бы мне пришлось уходить, то я бы без сожалений сделал это.

Но здесь разговор наш прервался, стали заходить и другие сотрудники. Один из них передал, чтобы я зашел к шефу. Захожу в кабинет. Крылов, улыбаясь, поздравляет меня с успешной защитой моей темы и вдруг произносит: «То, как ты ведешь себя, говорит о том, что, возможно, из тебя и выйдет толк, если будешь сильно вкалывать». Этой репликой он неожиданно разрушил мое уже сложившееся представление о нем как о человеке с выраженным холерическим темпераментом и непредсказуемым поведением, и мне стало понятно, что это просто манера управления людьми, чтобы они как можно меньше мешали ему заниматься его главным делом. Родившийся где-то в Нарыме, в лесоболотной сибирской глухомани, не получив очного высшего образования, но имея врожденные аналитические способности и страсть к познанию окружающей природной среды, он самостоятельно осваивал знания о лесе и в этом деле значительно преуспел. Не пройдя школы глубоких исследований природы лесов, он получал знания о них в научной литературе и на основе их анализа делал новые выводы, которые, не стесняясь, активно публиковал. Это не было плагиатом, но тем не менее многих исследователей

Книга 2023.indd 276-277 5/3/23 19:33

леса шокировал такой подход к изучению и решению лесных проблем, и они сдержанно относились к его публикациям и такому методу исследований. Со временем мне становилось все более понятно, что это были обыкновенные исследователи, пользующиеся ортодоксальными, отработанными приемами изучения лесных объектов в натуре. Получив достаточно большой опыт научных исследований, я считаю, что наивысшим научным достижением следует считать такие исследования, когда на основе старых данных получены новые результаты и выводы. В этом Крылов был непревзойденным мастером.

Примерно за сорок лет он опубликовал сто тридцать научных работ, из них одиннадцать монографий и четыре учебника. Также он запатентовал сорок семь изобретений, которые до сих пор используются в лесоводстве. При этом он был членом ВАК, редактором журнала «Известия СО АН СССР» и членом ученого совета Биологического института. Этого более чем достаточно, чтобы считать Крылова одним из выдающихся ученых, который во времена активного строительства социализма в новой России совместно со своими многочисленными учениками удовлетворил спрос общества на лесные знания.

После этой встречи мы расстались надолго. Я до осени 1970 года занимался динамикой кедровых лесов и ни в чем не нуждался. Все, что положено аспиранту, я имел, а остальное, необходимое для проведения работ в тайге, добывал на севере, пользуясь наработанными связями. Поздней осенью того же года по семейным обстоятельствам я переехал во Владимирскую область, где до 1973 года преподавал специальные дисциплины в лесотехническом техникуме в поселке Муромцево.

Находясь на двухмесячных каникулах, летом 1973 года я написал диссертацию, и встал вопрос о ее защите и возвращении в науку. Преподавать одно и то же мне надоело, семейные проблемы, касающиеся здоровья дочерей, мы с женой решили, и нас уже в Муромцево ничего не держало. И вдруг неожиданно приходит письмо от Крылова с приглашением занять место младшего сотрудника в его лаборатории. Европейская жизнь мне не приглянулась, я истосковался по Сибири, по экспедициям в ее неизведанную тайгу, и осенью 1973 года я прибыл в Биологический институт, где еще числился в заочной аспирантуре. В один из дней, когда я работал над авторефератом своей диссертации, заходит в комнату Крылов и обращается ко мне: «Мне доложили из института, что заочная аспирантура у вас заканчивается, и я хотел бы послушать на ближайшем заседании результаты исследований по теме вашей диссертации, которую вы когда-то так лихо отстояли». На заседании лаборатории я достаточно успешно представил результаты своих исследований лесов в бассейне реки Куль-Еган, а в 1974 году на ученом совете Института экологии растений и животных защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Динамика кедровых лесов среднетаежного Приобья». Благодаря этой защите после долгих мытарств в поисках себя наконец-то я набрел на сообщество деятелей науки, принявших меня в свою компанию и благословивших на путь к достижению научного фарта в дикой неизведанной сибирской тайге. В 1989 году на ученом совете Института леса СО АН СССР я защитил докторскую диссертацию «Аэрокосмические методы мониторинга лесного покрова Западной Сибири».

Многие обыватели считают ученых людьми, которые свое любопытство удовлетворяют за казенный счет. В этой оценке невольно проявляется скрытая зависть к научной работе, выполняемой, как им кажется, без особого напряжения. Занимаясь производственными таежными экспедициями, я

Я на защите своей докторской диссертации, 1989 год.

Книга 2023.indd 278-279 5/3/23 19:33

придерживался примерно такого же мнения, пока не испытал на себе буквально каторжный труд в науке. До перехода к научной деятельности, во время работы с 1957 по 1969 год в производственных лесных экспедициях в Сибири и Средней Азии, меня ежегодно с небольшой группой рабочих из пяти-семи бичей забрасывали вертолетом на удаленные, неизведанные таежные территории. Как и другие подобные группы (отряды), я должен был провести оценку состояния и картографирование лесов на площади тридцать-сорок тысяч гектаров. Мы строили табор (лагерь) для жилья и камералки, а затем я ставил четырех рабочих на прорубку запроектированных просек и визиров на всей территории объекта общей протяженностью триста–четыреста километров. Следом же я с двумя рабочими проводил промер подготовленных линий и таксацию различных лесных массивов с фиксированием их границ на крупномасштабных аэроснимках. Для проведения этих работ мы покидали табор и находились в тайге от двух до десяти дней, ночуя там, где застала ночь. Работу заканчивали в семь–восемь вечера, после этого надо было варить ужин, оборудовать спальные места так, чтобы не застудить почки и остаться сухим в случае дождя.

Все это вместе с преодолением топких болот и заболоченных лесов, гарей, ветровалов, ручьев и речек, круглосуточным преследованием свирепым гнусом и составляло каторжный труд в заходе. Таксаторы со стажем от трех до пяти лет и более воспринимали такую жизнь как данность, и оставалось только терпеть, как-то превозмогать, ожидая наступления конца лета или осени, своеобразного таежного курортного сезона без гнуса и с обилием всего, что родится в тайге. Кто не выдерживал работу в заходах на второй год после окончания института или техникума, покидал ее, безмерно радуясь обретению обыкновенной жизни на Большой земле.

Вернувшись через несколько дней из захода, все шли в баню, а потом отдыхали дня два, отъедаясь на кухне у поварихи (таборщицы), после чего уходили уже на более дальние объекты и на более долгое время. Мне же, как руководителю, наряду с отдыхом надо было камеральничать, готовить материалы таксации к сдаче осенью начальнику партии.

Возвратившись домой через четыре–шесть месяцев, все полевики производственных экспедиций приступают к обработке материалов таксации, которая в феврале–марте следующего года завершается изготовлением лесных карт и пояснительных записок с подробной характеристикой лесов, приведенных в известность. Эти данные в последующие годы и будут использоваться для создания и развития лесной промышленности.

В отличие от производственных экспедиций в тайге, научные сотрудники решают совершенно другие задачи, направленные на исследование природы возникновения, развития и распада лесов, руководствуясь научно-исследовательскими программами лабораторий, утвержденных учеными советами. Это требует длительного пребывания в определенных лесных районах на конкретных лесных объектах, до которых можно добраться моторными лодками или автотранспортом. Для эффективности подобной работы она осуществляется в основном с научных стационаров, построенных вблизи таежных деревень. В них имеются все удобства для жизни сотрудников и лабораторной обработки материалов исследований. У сотрудников, живущих на стационарах, практически нет нужды делать длительные заходы в тайгу с ночевкой где попало, и в связи с этим они не испытывают на себе той тяжелой полевой работы, какую ежедневно приходится выполнять исполнителям лесоустроительных экспедиций.

Ввиду того что кандидатскую диссертацию по динамике кедровых лесов я защитил на материалах неизведанных территорий, доступных только авиатранспорту, я продолжил научные исследования тайги подобных территорий. Более того, моей лаборатории было поручено заниматься проблемами использования космических снимков в оценке состояния лесного покрова, не тронутого человеком, и я вынужден был, используя свой производственный опыт и опыт института, развернуть исследования в Западной Сибири. На севере Томской области, вблизи деревни Ларино, мы с сотрудниками с помощью местных людей построили научную базу, приобрели рации и начали проводить научные работы на объектах тайги, до которых добраться можно было только вертолетом или мотолодками по таежным речкам. С этой базы моя лаборатория «Динамика лесного покрова» исследовала леса далеко в средней и северной тайге и разработала совершенно новые методы оценки их состояния на основе применения космических снимков в сочетании с аэроснимками. Это позволило трем сотрудникам защитить кандидатские диссертации, а я, один из первых в институте, защитил докторскую. Впоследствии наши выводы и рекомендации, изложенные в статьях и монографиях, стали широко применять в решении экологических проблем в районах освоения нефтегазовых месторождений в Западной Сибири. Наряду с разра-

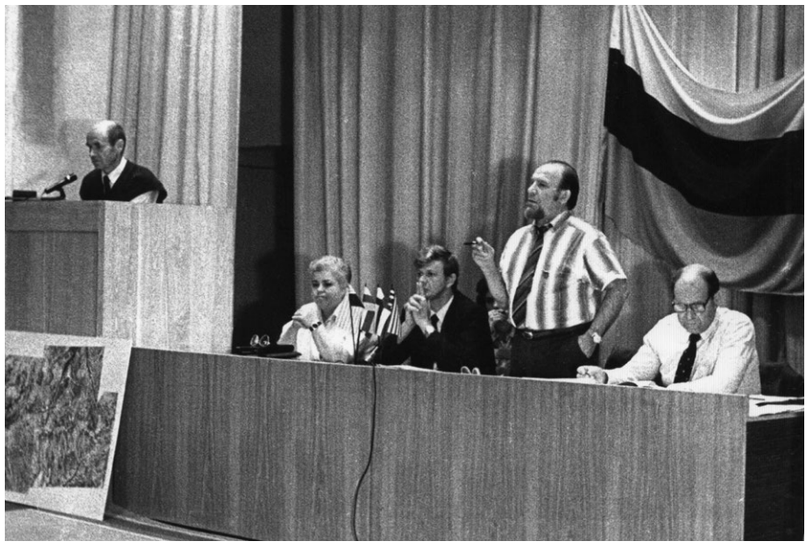
Книга 2023.indd 280-281 5/3/23 19:33

боткой методов использования аэрокосмических снимков в оценке лесного покрова обширных территорий Западной Сибири лабораторией также проводились научные работы по лесной рекультивации химически загрязненных лесных земель.

Такой подход к организации полевых научных работ в тайге вызывает не только удовлетворение от сделанного, но и радость познания нового, никому доселе не известного. Настоящие тяжелые дни у полевика наступают, когда он начинает обрабатывать материалы, добытые в тайге, пытаясь поделиться результатами своих исследований с коллегами и общественностью. Для этого надо продолжать писать диссертацию, готовить один-два доклада на конференцию, публиковать статьи и монографии. Кто всего этого не делал, никогда не поймет невероятную трудоемкость подобной работы, на которую просто не хватает двадцати четырех часов в сутки. Домашним же, связавшимся с таким мужем и отцом, приходится терпеть и ждать, когда же их кормилец оторвется от рабочего стола, который он занимает с семи утра и до десяти вечера.

Участники международной экспедиции исследователей северных лесов, 15–30 августа 1993 года. Целью экспедиции, организованной компанией «Ноябрьскнефтегаз», было выявление экологических проблем севера Западной Сибири в районах освоения нефтегазовых месторождений.

Начиная с тридцати девяти лет и по нынешний день, когда мне исполнилось восемьдесят семь, работая в науке, я ни разу в течение дня не был в кино, не загорал на пляже, не участвовал в долгих застольях с друзьями, в отличие от прежнего времяпрепровождения в период камералки в производственной экспедиции, когда любая поездка в город из конторы по распоряжению начальства завершалась отлучками по своим делам вплоть до конца рабочего дня. В период же моей научной деятельности мне ни разу не удалось использовать полностью даже свой длинный отпуск, а в субботу и воскресенье приходилось заниматься научными делами так же, как в будние дни. И только поэтому, несмотря на поздний возраст моего прихода в науку, мне удалось опубликовать более ста семидесяти научных работ, из них четырнадцать монографий. В научных работах изложены результаты моих исследований структуры и динамики лесов в основном в подзонах Западной Сибири. Эти результаты в настоящее время используются в лесоводственной деятельности и охране таежных территорий в районах освоения различных природных ресурсов, и в частности в освоении нефтегазовых месторожде-



Будучи научным руководителем и организатором экспедиции, я открываю ее работу. В президиуме заместитель мэра Ноябрьска Любовь Васильевна Малыхина, главный инженер компании «Ноябрьскнефтегаз» Геннадий Александрович Храмов и академик Александр Сергеевич Исаев.

Книга 2023.indd 282-283 5/3/23 19:33

ний. Они же были доложены на многочисленных профессиональных совещаниях в России и на международных конференциях на Аляске, в Кентукки, в Бостоне (США), Канаде, Германии, Австрии, Японии. Более конкретно о моих научных достижениях можно прочитать в юбилейной статье, опубликованной по случаю моего 80-летия в «Сибирском лесном журнале», отрывок из которой приведен в приложении этой книги.

После перевода в 1975 году лаборатории лесоведения из Биологического института в Институт леса им. В.Н. Сукачева я прошел в нем все научные должности от младшего до главного научного сотрудника, был заведующим лабораторией динамики лесного покрова и заведующим Западно-Сибирским отделением Института леса в Новосибирске. В 1994 году мне предлагали занять должность директора этого института, но я отказался, боясь потерять возможность свободно заниматься научной работой.

Теперь, когда я подвожу итоги своей жизни, я определенно осознаю, что в моих исследованиях неизведанных лесов Сибири проявились гены моих предков, «тамбовских волков», отчаянных авантюристов, которые отправились куда-то на восток осваивать земли дикой заволжской степи и, возможно, пошли бы далее в Сибирь, если бы их не остановили башкиры из деревни Аитово и не предложили бы осваивать целинные земли, прилегающие к реке Дёме.

Начало будущего леса на отходах бурения, естественно возникшего в результате применения моего метода лесной рекультивации в Сургутском районе Западной Сибири.

Книга 2023.indd 284-285 5/3/23 19:33

На совместных работах с американскими колегами на Аляске, 1990 год.

Книга 2023.indd 286-287 5/3/23 19:33

Современная башкирская деревня Аитово, в семи колометрах от которой возник хутор Боголюбовка в 1825 году.

Эпилог

Вторая половина мая 2013 года. Понедельник. И вот завершилась недельная поездка с Полиной и моим внучатым племянником Шуриком на нашу с ним малую родину. Я давно не бывал здесь и сейчас увидел много того, что меня удивило и привело в уныние. Почти все деревни Пономаревского района с правой стороны Дёмы исчезли, и только отдельные из них, наиболее крупные, еще доживают в лице отдельных пенсионеров. Мы возвращались обратно, и, пребывая в подавленном настроении, я не участвовал в веселом разговоре жены и Шурика, которые делились впечатлениями, полученными ими за неделю, а только смотрел печально на окружающий пейзаж.

Мы ехали по той же дороге, по которой шел обоз моих предков в 1825 году, продвигаясь к той земле, где они могли зажить счастливо. Проехали речки Садак и Сидяк и въехали на территорию Башкирии. И здесь я вспомнил, что первой башкирской деревней будет Аитово, в которой когда-то аксакалы остановили моих предков и предложили им арендовать земли в семи километрах от их жилья. Вот там и возник хутор Боголюбовка, о котором всякий раз вспоминали мои пять тетушек. И каждый раз, когда кто-то из нас, племянников, хотел узнать, где этот хутор, тетушки отвечали примерно одинаково: да где-то там, за башкирской деревней Аитово, на реке Дёме, там сейчас, поди, пусто. Вся семья Прокофия и Настасьи жила на хуторе каждое лето, пахала, сеяла, убирала хлеб, пасла скотину. И это продолжалось до революции, до прихода советской власти. А новая власть создала колхозы и не нуждалась в хуторах, и они были заброшены везде в Пономаревском районе, а уж хутор в Башкирии с названием, говорящим о любви к богу, пропал тем более. И из-за такого мнения тетушек никто из нас, племянников, никогда не

Книга 2023.indd 288-289 5/3/23 19:33

помышлял увидеть место, где так счастливо жило одно из семейств Седых, пришедшее из Тамбовской губернии. И на этот раз, когда я неделю был совсем рядом, у меня даже не возникло подобного желания.

И вот она, деревня Аитово. И вдруг меня осенило: а не воспользоваться ли случаем и не посетить ли хотя бы это место, откуда произошла целая ветвь Седых из двадцати пяти двоюродных братьев и сестер. Я вслух высказал эту мысль, от которой мои попутчики оторопели. Жена была категорически против: ехать куда-то в неизвестные места искать новые приключения, когда день клонится к вечеру, а до Уфы еще двести километров, а завтра рано мы должны лететь в Новосибирск, и уже сегодня утром втроем заранее договорились, что нигде больше не будем останавливаться. Шурику также не хотелось ехать поздно ночью из-за какой-то бесполезной затеи. Но меня, прошедшего огни и воды в таежной Сибири, их доводы не убедили и, помня русскую поговорку и таежное правило жизни — «не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня», я спокойно ответил, что из рассказов тетушки Гани я кое-что запомнил, и велел Шурику сворачивать в деревню и ехать через мост Дёмы.

Покинув Аитово, проезжаем по степи километра четыре и вдруг видим около дороги высокий столб с надписью крупными буквами «Боголюбовка». Шурик, не глядя на меня, остановился. Все выскочили из машины и долго смотрели на это название. Я, радуясь, кричал: она жива, жива, и жена меня тотчас сфотографировала около нашего открытия. Проехали еще километра два, и вот она внизу — Боголюбовка. Роскошная деревня располагалась между двумя увалами в долине реки Дёмы, утопая в кустах уремы. Поехали дальше, и вот поворот с указательным столбом с названием деревни, куда я так хотел попасть сегодня. Пока спускались вниз, в долину, взгляд остановился на каменных сооружениях справа, в пятистах метрах от жилых домов. Эти похожие на фермы для крупнорогатого скота основательно построенные помещения были окружены каменным забором со скрученной проволокой, проложенной наверху. Мы разинули рты и не могли понять, что здесь такое. А Шурик, проработавший около десяти лет в «Газпроме» на севере Западной Сибири, проронил: «Надо же, “Газпром” и сюда добрался и построил здесь какие-то складские помещения». Приняв его версию, мы, не останавливаясь, повернули налево, въехали в деревню и медленно покатили вперед по небольшой улочке с одним порядком старых и новых избушек. Миновали дом типа конторы с надписью над дверью «Столовая» и подъехали к Дёме.

Стоя на берегу реки и озираясь кругом, мы долго восторгались великолепным пейзажем. Большой луг, окруженный лесами, с отдельными старыми избушками на краю тополевников — все это выглядело живописным полотном, видимо, таким его увидели мои предки и были пленены им. И мне стало обидно и жалко, что ни одна из моих тетушек не попыталась хотя бы раз свозить своих племянников в эти места, чтобы мы все поняли, в каком чудесном краю они жили когда-то.

День клонился к вечеру. Надо торопиться. Наступает ночь, а во рту за день не было еще ни крошки. Слава богу, что в самой деревне есть столовая. Заходим в нее. Все помещение состоит из трех комнат — небольшой зальчик для еды на четыре стола, кухня и конторка с девушкой за компьютером. Громко поздоровались. Не успели еще сказать о своем желании, как женщина, мывшая посуду на кухне, сообщила: кормим только своих, а если начальник разрешит, я вам приготовлю. А вот и начальник. В дверях появился плотного сложения человек, остановился и молча смотрит на нас. Чтобы разрядить обстановку, я, как самый наглый, обратился к нему: «Хозяин, принимай своих земляков, приехавших проведать ваше житье-бытье». Доложил, кто мы такие, и на его широком башкирском лице расплылась улыбка, которая не сходила до самого нашего отъезда. Он кивнул хозяйке, которая тут же поторопилась накрывать на стол, усадил нас и, пока мы обедали, все время рассказывал о своем хозяйстве. Оказалось, что на его фермах, которые мы видели, содержатся триста пятьдесят дойных коров и молодняк; что новые избы рядом со столовой построены им для рабочих и специалистов; каждый день его автобус возит детей в Аитово в детский сад и школу; там же в школе он содержит юную хоккейную команду, и ему приходится круглосуточно заниматься самыми различными делами в Боголюбовке, название которой жители Аитово сохранили, несмотря на попытки партийных властей изменить его.

Пообедав, он буквально затащил нас на фермы, чтобы показать, как содержатся животные по голландской технологии. Увидев его хозяйство, мы были удивлены и восхищены этим человеком, Динаром Раисовичем Гимаевым. Перед каждой фермой клумбы с цветами, никакого навоза, внутри ферм чистота и играет музыка.

За полтора часа общения мы сблизились не только как земляки, но и как освоители природных ресурсов Западной Сибири. Мы уже вели дружескую беседу, и я позволил себе заметить: «Динар Раисович, вы же бывший оператор

Книга 2023.indd 290-291 5/3/23 19:33

на нефтегазовых месторождениях, где я последнее время занимаюсь рекультивацией нарушенных земель, и пенсия у вас, по всей видимости, неплохая, ну и держали бы пару дойных коров для своей семьи и не занимались бы круглосуточно этим огромным хозяйством, отдыхая после севера. Зачем вам все это?» Он, не задумываясь, ответил без улыбки: «А кому-то в этой глухомани надо же восстанавливать Россию. Вот я и стараюсь по мере возможности это делать». Я долго смотрел на него, не мигая, и только мог промолвить: «Большое спасибо за все. Нам пора ехать». Девушка, писавшая адрес деревни, вдруг поднимает голову и с улыбкой сообщает: «А у нас в соседней деревне Хомутовке живут две семьи с фамилией Седых». Это неожиданное известие нас всех троих поразило, я сказал: «Как жаль, но авиабилеты на руках. Завтра летим. Теперь уже в следующий раз обязательно посетим своих древних родственников на нашей общей первой малой родине».

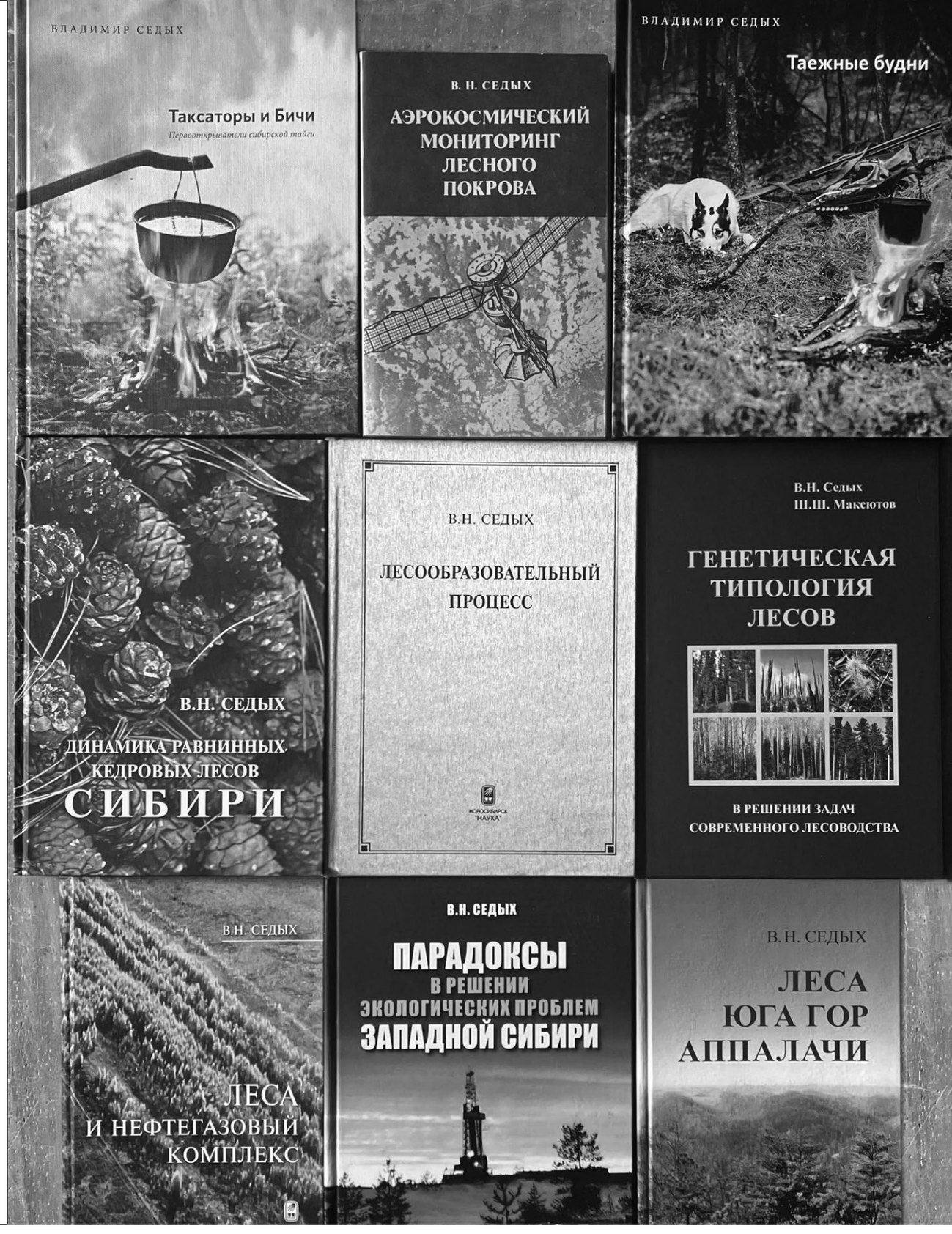
Обменявшись адресами, мы расстались почти друзьями. Сидя в машине, мы активно обсуждали неожиданное для себя открытие. Хутор Боголюбовка не только не пропал за время советской власти, а стал основательной деревней, проводником современных новаций в земледелии, а его глава — воистину настоящий гражданин России и заслуживает всяческих вознаграждений от государства за творческое преобразование сельского хозяйства в заволжской дикой степи и продолжение дела, начатого моими предками двести лет назад.

Вернулись в Уфу глубокой ночью. Рано утром улетели с женой домой в Новосибирск, полные восторженных впечатлений от встречи с малой родиной на хуторах Боголюбовка Бижбулякского района Башкортостана и Оторвановка Пономаревского района Оренбургской области.

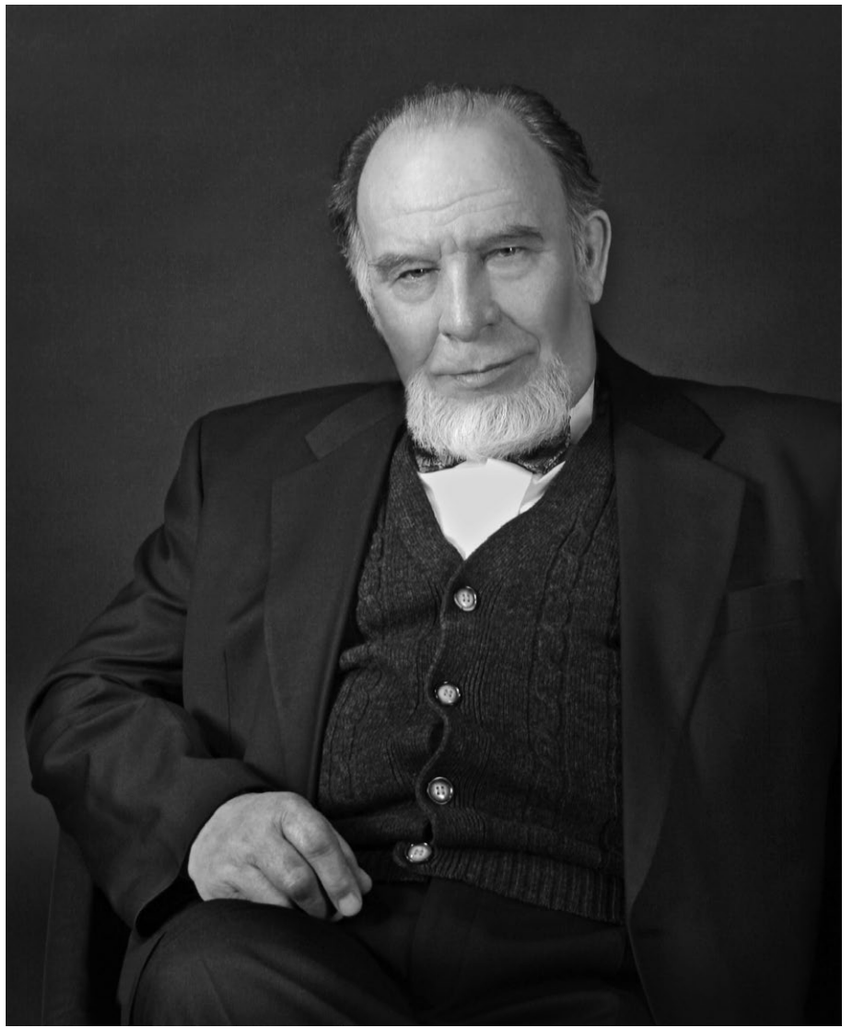
В гостях у боголюбовского фермера Динара Раисовича Гимаева, 2013 год.

Книга 2023.indd 292-293 5/3/23 19:33

Основные публикации и научно-популярные фильмы, созданные автором.



Книга 2023.indd 294-295 5/3/23 19:33



Таксатор с хутора Оторвановка В.Н. Седых.

СИБИРСКИЙ ЛЕСНОЙ ЖУРНАЛ 2015, №5, с. 105–109

Отрывок из юбилейной статьи к 80-летию В.Н. Седых

Автор: А.С. Шишикин, доктор биологических наук, зам. директора по научной работе Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН

Основные научные достижения В.Н. Седых

1. В 2009 г. опубликована монография, в которой освещены теоретические вопросы глобального физико-географического явления—лесообразовательного процесса и его вариантности под воздействием природных и антропогенных факторов. Охарактеризованы структура и динамика лесов по подзонам Западной Сибири с учетом климата и геолого-геоморфологического строения, дано районирование лесообразовательного процесса. Оценена роль разрушительных факторов в поддержании биологического разнообразия лесных сообществ и описаны возможные изменения лесного покрова в связи с потеплением климата.

2. Для таксации темнохвойно-кедровых лесов северной и средней тайги Западной Сибири в конце 60-х гг. впервые составлены справочные таблицы объемов стволов кедра и ели, товарно-сортной структуры древостоев кедра для IV–X разрядов высот и древостоев ели темнохвойно-кедровых лесов для II–разрядов высот, товаризации древостоев кедра и ели 1-го класса товарности. Таблицы составлены на основе оценки технического качества 1020 модельных деревьев кедра и 430 ели, взятых на 45 пробных площадях, заложенных в лесах бассейнов рек Северная Сосьва, Назым и Куль-Еган.

3. Подробно изучены различные сукцессионные серии естественного формирования кедровых лесов Западной Сибири под пологом березняков, осинников, сосняков аллювиальных смен с выделением возрастных этапов лесообразовательного процесса. Анализ полученных данных и материалов лесоустройства позволил доказать увеличение площади кедровых лесов, что отвергло, во-первых, доминировавшее мнение о якобы вымирающей кедровой формации и, во-вторых, целесообразность разработки особого ведения лесного хозяйства в них с запретом рубок главного пользования. Впервые было предложено лиственные насаждения с надежным подростом

Книга 2023.indd 296-297 5/3/23 19:33

и вторым ярусом кедра относить к кедровым лесам и вести в них лесное хозяйство с учетом специфики их развития, сложившегося за миллионы лет. К сожалению, придуманная «проблема кедра» с выделением орехопромысловых зон, с увеличением в 2 раза класса возраста и запретом рубок нанесла этой породе большой вред, поскольку сейчас наблюдается массовое усыхание кедровников в горах юга Сибири, потерян огромный ресурс первоклассной древесины при неутешительной перспективе возобновления. В этих же условиях на старых сплошных вырубках сформировались и уже плодоносят молодые насаждения кедра.

4. Дискуссия с Ф. З. Глебовым на тему «кто на кого наступает—лес или болото» побудила провести исследования продуктивности кедрачей на повышенных формах рельефа. Выяснилось, что в процессе экогенеза насаждения становятся гидроморфными, низкопродуктивными и вновь восстанавливаются только благодаря пожарам, что подтверждало выводы Г. Е. Комина и Viereck (Аляска) о роли огня в препятствовании заболачиванию суходольных территорий и сдерживании агрессии болотообразовательного процесса.

5. Развитие новых технических возможностей космической съемки потребовало и соответствующих приемов их дешифрирования. Кроме традиционного различия по тону и цвету требовалось анализировать структуру контура, его форму и положение на геоморфологическом профиле и в ландшафте. Такой подход позволял повысить точность дешифрирования и самое главное—моделировать структуру лесного покрова. Впервые применительно к равнинным лесам Западной Сибири разработан фитогеоморфологический метод дешифрирования аэрокосмических снимков, базирующийся на связях между лесным покровом и геолого-геоморфологическим строением территорий. Использование этого метода позволяет при минимуме наземных работ с высокой точностью оценивать по аэрокосмическим снимкам различные лесорастительные условия и сукцессионные стадии лесных экосистем, т. е. перейти к непрерывному лесоустройству и внедрить в практику идею Б.П. Колесникова о единстве генетической поступательности лесообразовательного процесса.

6. Развивая теорию ландшафтно-экологического устройства территорий, В.Н. Седых для оценки состояния экосистем и биологических ресурсов, а также для устройства заповедников впервые разработал метод составления тематических карт: геолого-геоморфологической, почвенной, гидрологической, направленности поверхностного стока, коренных типов леса, актуального состояния растительности и ее сукцессионной динамики, местообитаний животного населения, пищевых ресурсов, пожарной опасности и проч. Он предложил оставлять неизменной контурную структуру границ выделов всех карт и на основе функциональных связей компонентов насаждений разрабатывать серию отдельных тематических слоев. Такой методический подход действительно позволяет проводить комплексную, ландшафтную оценку ресурсов и воздействия на них техногенных объектов, организовывать мониторинг и прогнозировать состояние, проводить фундаментальные исследования биогеоценоза в пределах неизменных границ, выделенных по формам рельефа на геоморфологической основе. В дальнейшем этот подход многократно использовался в подготовке материалов ОВОС и экосистемном устройстве заповедников.

7. Новаторскими были исследования по оценке последствий техногенного воздействия. Им установлено, что в районах нефтегазового комплекса Западной Сибири на повышенных формах рельефа, сложенных из перемешанных горизонтов разрушенных почв, а часто и на насыпных грунтах возникают естественным путем лесные сообщества, по продуктивности и биологическому разнообразию значительно превышающие как суходольные, так и заболоченные фоновые. Он сделал вывод, что размер вреда, нанесенного плодородию почв механическими повреждениями, следует учитывать не по показателям почвы, а по ее продукции, формирующейся на нарушенных землях, т. е. по лесу. В связи с этим возникает необходимость создания нормативной базы охраны и рекультивации почв, базирующейся на совершенно новых знаниях, учитывающих особенности лесообразовательного процесса на техногенных субстратах, состоящих из почвообразующих пород, почв и органической массы болот. Впервые на основе аэрокосмических спектрозональных снимков масштаба 1:25 000 на участках, загрязненных нефтью, оценено современное состояние лесоболотных экосистем и техногенных нарушений и дан прогноз их состояний через 100–50 лет после ухода человека. Располагая данными техногенной трансформации ландшафтов, можно разрабатывать региональные и отраслевые нормативы при решении проблемы длительного комплексного использования территорий. Организованные В. Н. Седых экспериментальные и полевые исследования впервые доказали, что отходы при бурении нефтегазовых скважин, складируемые в шламовые амбары, не опасны для окружающей среды. Благодаря его организационной активности работы по лесной рекультивации выполнены уже почти на 2000 амбарах. ОАО «Сургутнефтегаз» использует эту технологию последние 20 лет, сэкономив при этом около 1 млрд рублей.

8. Творческая натура В. Н. Седых проявилась и при знакомстве со старыми горными отвалами открытой добычи угля в штате Кентукки (США), куда он попал по приглашению лесного факультета университета г. Лексингтон. На основании рекогносцировочного обследования лесов южной части гор Аппалачи и руководствуясь закономерностями естественного восстановления лесов на нарушенных землях, он дал рекомендации по восстановлению лесов на горных отвалах, предложив заменить выполаживание отвалов и покрытие их завезенной почвой на заращивание лесом при небольших затратах на горную рекультивацию.

Книга 2023.indd 298-299 5/3/23 19:33

В заключение хочется подчеркнуть открытость Владимира Николаевича в отстаивании своих позиций на различных совещаниях и конференциях. Так было всегда, когда решались вопросы методики устройства заповедников и экологической оценки нефтегазовых промыслов, формирования кедровых лесов, сплошных рубок, роли пожаров в жизни леса или понимания лесообразовательного процесса. В своей профессиональной деятельности он ни разу не изменил своим учителям-лесоводам.

В. Н. Седых в направлениях и постановке своих исследований руководствуется принципом: «Технический прогресс легко остановит экологическая катастрофа, как было неоднократно в истории человечества, но гораздо сложнее его поддерживать и управлять им, сохраняя комфортную среду обитания человека».

Основные научные публикации В.Н. Седых

1. Формирование кедровых лесов Приобья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979.
2. Дистанционные исследования ландшафтов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987.
3. Аэрокосмический мониторинг лесного покрова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
4. Siberian Landscape Classification and a Digitized Map of Siberian Landscape. Austria, Laxenburg: IIASA, 1996.
5. Леса Западной Сибири и нефтегазовый комплекс. М.: Экология, 1996.
6. Устойчивость древесных растений к отходам бурения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2004.
7. Реакция растений на воздействие отходов бурения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2004.
8. Парадоксы в решении экологических проблем Западной Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2004.
9. Лесообразовательный процесс. Красноярск, 2006.
10. Леса юга гор Аппалачи. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2007.
11. Леса и нефтегазовый комплекс. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2011.
12. Динамика равнинных кедровых лесов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2014.

Научно-популярные фильмы

1. Шламовые амбары. 1994.
2. Экологические проблемы Западной Сибири. 1999.
3. Пути решения экологических проблем Западной Сибири. 2004.
4. Охрана природы в производственной деятельности ОАО «Сургутнефтегаз». 2005.
5. Состояние лесов на нарушенных землях нефтегазового комплекса. 2011.

Художественные произведения

1. Таксаторы и бичи. Первооткрыватели сибирской тайги. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2012.
2. Таежные будни. 2017.

Словарь

Абарка—тушеный горох в глиняном горшке.

Анадысь—несколько дней назад или неделю назад.

Бастрык—дрюк, дрючок, шест, рычаг (жердь), стяг, которыми сено и солома притягиваются на возу; гнет, притужина, прижим, притуг.

Бич—экспедиционный рабочий.

Блинцы—тонкие лепешки из пресного жидкого теста, испеченные на сковороде.

Бредень—рыболовная снасть из сети в виде конуса.

Бричка—повозка с плетеным или дощатым кузовом; тяжелые повозки с дышлом для двух коней, легкие—с оглоблями для одной лошади.

Вентерь—рыболовный снаряд из сети, на обручах, с сетчатыми крыльями по бокам.

Верша (морда)—рыболовный снаряд (корзина) из прутьев в виде бутылки с воронкой.

Вершина—лощина в степи с ручьем, заросшая ивой и водной растительностью.

Вздуть—зажечь лампу-коптилку; добывать огонь, раздувая жар; поднять дуновение и пр.

Вожжа, возжа—веревка, пристегиваемая к удилам запряженной лошади для управления.

Голландка—комнатная кирпичная печь с плитой и теплой стеной, через которую проходит труба в три оборота.

Горнушка—углубление в теплой стене русской печи, куда кладут сырые варежки, рукавицы, носки для просыхания.

Гумно—крытая площадка для молотьбы хлеба; ток; помещения, сарай для сжатого хлеба, снопов.

Гурт—крупное стадо скота, перегоняемое с места на место.

Гутарить—говорить, беседовать, болтать, калякать.

Двойной первач—самогон, полученный из браги, перегнанный второй раз.

Деверь—брат мужа.

Загнетка—плоская часть русской печи перед топкой.

Задняя комната—горница

Зелепука—зеленая клубника.

Зипун—верхняя одежда с большим плоским воротником, сшитая из грубого самодельного сукна.

Золовка—сестра мужа.

Зюрьма—татарский суп с мелко нарванным тестом.

Книга 2023.indd 300-301 5/3/23 19:33

Калякать — болтать о том о сем.

Каменка — печь, сложенная из вороха камней, не имеющая трубы наружу; в бане на раскаленную каменку льют воду для образования пара.

Катух — хлев (сарай) для мелкой скотины, для телят, овец, коз, свиней.

Каша сливная — каша, сваренная из картошки и пшена.

Кислушка — брага.

Клёк — игра на весенних полянах, освободившихся от снега, в которой используется чушка и биты.

Косырь — большой тяжелый нож, которым скребут лавки и полы, убирая накопившуюся грязь.

Кочедык — шило для плетения лаптей.

Кремень — кремень, очень твердый камень, употребляющийся для высекания огня крысалом.

Крысало — плоская стальная пластинка для высекания искры из кремня.

Культстан — на колхозном поле деревянная изба для проживания колхозников во время каких-либо полевых работ и хранения инструмента.

Кума, кум — крестный отец или мать по отношению к родителям крестника и его крестной матери или отцу.

Лабаз (лапас) — плоская часть крыши сарая, на которую складывается сено; амбар на сваях для убережения запасов пищи или хранения.

Литовка — русская большая коса.

Лохан — лоскут из грубой ткани для переноски горячего чугуна с загнетки русской печи на лавку или на стол.

Лыко — подкорье молодой липы, идущее на плетение лаптей.

Матица — балка, брус поперек всей избы, на котором настлан потолок.

Намедни — один–два дня назад.

Омет (скирда) — сено или солома, сложенные в виде длинного дома.

Отбивка косы — холодная отковка лезвия косы отбойным молотком.

Охламон — бездельник.

Печной под — кирпичная, гладкая выстилка или глиняная набойка и смазка внутри всякой русской печи, где кладутся дрова или кизяки и ставится посуда для варки пищи.

Плетень — изгородь из кольев, переплетенных ивовыми прутьями.

Погребка — деревянное сооружение, покрывающее яму для хранения съестных припасов и защиты их от зноя и стужи.

Простодыра — человек прямодушный и добрый, не замышляющий и не видящий хитрости в другом.

Прясла — изгородь из столбов через два–три метра, соединенных тремя жердями.

Пурыня — хлеб из картошки и муки.

Пустые щи — щи без мяса.

Рогач — ухват, которым ставят в печь и достают из нее горшки, чугуны.

Рыдвана — длинная телега с высокими бортами из тонких жердей для перевозки сена, соломы.

Сапуха — печная сажа.

Свояк — муж свояченицы.

Свояченица — сестра жены.

Сивуха — плохо выгнанный самогон из хлеба.

Скирд — большой стог продолговатой формы сена, соломы для хранения под открытым небом.

Сноп — связка, стебли, солома, прутья, связанные толстым пуком.

Стог — сено или солома, сложенные в виде круглого конусообразного сооружения.

Супонь — ремень, которым стягивают хомутные клешни под шеей лошади.

Таган — круглый железный обруч на ножках, под которым разводят огонь, ставя на него чугуны, сковороды, горшки.

Тарантас — дорожная легкая плоская повозка.

Творило — лаз в подполье в погреб либо на чердак; подъемная дверь.

Топорище — деревянный черенок топора.

Тулуп — полная шуба без перехвата, обнимающая все тело; простой тулуп бывает овчинный, бараний.

Хомут — часть конской упряжи, деревянные клешни с хомутиною, оголовком и гужами, надеваемые на голову лошади.

Чакушка — обрубок ветки типа рогатки толщиной 4–5 сантиметров и длиной 20–30 сантиметров, вставляется во втулку конца оси для удержания колеса.

Чапельник (чапля) — сковородник, железный инструмент на древке, использующийся для того, чтобы взять сковороду и поставить ее в печь или достать оттуда.

Чересседельник — ремень, держащий оглобли на седелке.

Чесанки — хорошо сваленные валенки, которые носят с галошами.

Чилига — степной кустарник, используемый для веников.

Чугун, чугунок — литой чугунный горшок для варки пищи и других нужд, корчага.

Шабер — сосед.

Шурин — брат жены.

Книга 2023.indd 302-303 5/3/23 19:33

Седых Владимир Николаевич

Записки таксатора с хутора Оторвановка

В книги использованы фотографии и рисунки
автора и фотографии из семейного архива.

Редактор: Н.С. Астанина
Дизайн книги: Ю.В. Седых

Отпечатано в типографии Деал
630033....

© В.Н. Седых, 2023

Книга 2023.indd 304 5/3/23 19:33